ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1(38)
2000

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

1(38)
2000

Время Общество Знание

Музеем станет город 3
Из истории музейного дела в Нерехте 5
Край ремесленный, богатый 9
Вспоминают старожилы 14
Песни березового рожка 17
Праздники с “Росинкой” 20

Свидетельства Архивы Документы

Святые места. Сыпаново 23
Из истории Нерехтского уезда 27
Городская летопись 31
Путешествия высочайших особ через Нерехту 36
Имя в истории края. Михаил Диев.
Елизавета Дьяконова. Николай Селифонтов 42, 48, 52
Промыслы и ремесла. Сырный сезон. Отходники 57, 59
Народное просвещение. Нерехтское училище.
Девичье учебное заведение 64, 67
История в документах 70

Литература Искусство Культура

Обычаи и обряды 73
Нерехтская кухня 76
Народное краснословие 78

Учредитель — администрация Костромской области.
Попечители: областной государственный архив, Костромское епархиальное управление, Костромской областной фонд обязательного медицинского страхования, объединение «Костромакурорт», областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.

ПУТЬ К ПРЕОБРАЖЕНИЮ

Храм на земле — это и хранилище общечеловеческого. Когда-то в Нерехтском уезде было 150 действующих церквей. Имена многих подвижников, положивших свои земные труды на преображение духовной жизни в Нерехте, хранят летописные свидетельства, исторические документы, книги прошлого и воспоминания старожилов... Пахомий Нерехтский, небесный покровитель города, освятил эту землю своей любовью и дал пример и силу для подвижничества таким людям, как: Михаил Яковлевич Диев, Дмитрий Иванович Тихомиров, Николай Николаевич Селифонтов, Леонид Алексеевич Невский...

О традициях духовного просвещения, преображающего человека, и расскажут вам авторы нового номера журнала "Губернский дом", посвященного историческому прошлому и культуре нерехтского края. В наше грешное время столь важно, согласитесь, не забывать, что святые всегда ждут нас. Они держат с надеждой наши чистые одежды, когда мы злословим, завидуем, алчем власти, денег или славы. Святые ожидают нас, чтобы вернуть нам наше потерянное человеческое лицо... Без этого нельзя преобразить жизнь в Нерехте, в Костроме, в России...

Преображенская церковь г. Нерехты.

Владимирская церковь — первый каменный храм в Нерехте.

1214 г. Первое упоминание о Нерехте в "Летописце" Переславль — Суздальского монастыря.

1362 г. Упоминание о Нерехте в "Житии" преподобного Пахомия Нерехтского, основавшего в XIV веке Троице-Сыпанов монастырь.

1609 г. Польские интервенты грабят и сжигают Нерехту, разрушают солеварницы.

1678-1686 гг. Построен первый каменный храм в городе — Владимирская церковь Богородицко-Сретенского монастыря, основанного в 1634 г.

1709 г. Начато строительство Казанского собора.

С 1709 г. Нерехта горела в 1709 г., 1720 г., 1785 г., 1815 г., 1838 г., во время пожаров город выгорал частично, иногда дотла.

1710-1720 гг. Построена Богоявленская (Никольская) церковь.

1713-1716 гг. Построена Благовещенская церковь.

1724 г. Построена Успенская церковь в с. Тетеринское, а в 1799 г. украшена настенной росписью.

1731 г. "... в Рязани при воеводе подъячий нерехтец Крякутной фурвин сделал, как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим. От него сделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы, но он уцепился за веревку, чем звонят, остался жив".

1770-1787 гг. Построена Воскресенская (Варвары Великомученицы) церковь.

1778 г. По Указу Екатерины II Нерехта получила статус уездного города и собственный герб.

Город делится (рекой) на две части: Никольскую и Борисоглебскую; имеет мясные, рыбные ряды, гостиный двор. В городе — 14 улиц, из них 4 улицы мощенные камнем, сад, фонарного освещения нет. Жителей 2144 чел.

Площадь уезда с востока на запад — 85 верст, с севера на юг — 45 верст.

Населения более 131 тыс., населенных пунктов — 1064.

Из 360902 десятин земли 305902 принадлежало помещикам. Помещиков около 500 чел.

Усадеб — 115. Крепостных крестьян — 106 тыс. чел., купцов — более 500 чел., духовенства — 2300 чел., государственных крестьян — 21 тыс. чел.

1781 г. Составлен первый генеральный план города.

1784 г. Было учреждено городское кладбище за городом.

1788 г. Построена Крестовоздвиженская церковь.

1787-1791 гг. Построена Преображенская (Ильинская) церковь.

1791 г. Открыто первое учебное заведение в Нерехте — Малое народное училище. В 1805 г. оно преобразовано в уездное двухлетнее, а в 1878 г. — в городское училище (ныне средняя школа № 4).

1791 г. В округе разбойничает атаман Фадеич, который грабил богатых помещиков и купцов.

1802 г. На площади города уничтожена виселица, поставленная по Указу Павла I.

1802 г. Вошли в употребление нерехтчан напиток "ерофеич", а до того был "ратофей" и наливки из ягод.

1803 г. Входит в употребление нерехтчан самовар.

1812 г. Нерехтский округ поставил в ополчение 1968 ратников, 114 верховых лошадей, 39 подъемных лошадей, 19 телег.

От нерехтских граждан поступило 3 тысячи рублей; большие вложения сделало купечество.

1814 г. С зимы по июнь в Нерехте было несколько сот пленных французской армии, расквартированных по домам. Нерехтчане покупали им чулки, рукавицы, одевали и давали деньги. Некоторым пленным квартирантам доверяли торговать хозяйскими пирогами, калачами.

1818 г. На Нижегородской дороге в 26 квартале устроена новая тюрьма на 29 мест. В конце XIX века среднесуточное число заключенных составляло 24 чел. Они использовались на внутренних и внешних работах по уборке улиц, пилке дров, строительстве и на земляных работах.

Администрация тюрьмы состояла из начальника и 2-х надзирателей (старшего и младшего).

1820 г. В Нерехтском уезде появилась прялка-самопрялка, до этого пользовались только веретеном.

1835 г. Впервые появилась в Нерехтском округе "ермонья" — гармонь.

1836 г. На берегу речки Нерехты был устроен городской бульвар.

1837 г. Построены в городе торговые ряды.

1837 г. Открыто высшее отделение Нерехтского Мариинского училища благородных девиц.

Продолжение на стр. 38.

МУЗЕЕМ СТАНЕТ ГОРОД

"Сберечь, умножить, показать" — под таким девизом работают все музейщики, и наш музей в этом смысле не исключение. Мы радуемся находкам, с горечью говорим о проблемах, на протяжении многих лет остающихся неразрешимыми.

Музей всегда испытывал на себе все политические и идеологические сложности времени, подчас "представители" нам просто диктовали, что надо делать. Сейчас все изменилось. Новое время даёт возможность по-новому взглянуть на многие проблемы в музейной работе. А это обязывает музейщиков быть выше страстей и сиюминутных политических увлечений. А как тяжело подчас всех понять и рассудить.

Соединяя настоящее с прошлым, заглядывая в будущее, мы мечтаем о превращении музея в провинциальный культурный центр.

Культурный центр-музей должен соединить в себе черты естественнонаучного, исторического, этнографического и художественного музеев с залом природы и археологии. Он станет местом приобщения к исторической памяти и музейной культуре жителей нерехтского края и туристов. В культурном центре должен быть обязательно мемориальный зал, в котором имена знаменитых земляков, известных всей России, будут соседствовать с людьми, которых знают только краеведы.

Как пробудить эмоциональную сопричастность к родному краю, к словам "корни", "память", "Отечество"? Как вернуть чувство уважения к Отечеству и желание защитить родной край? Ответить на эти вопросы мы стараемся с помощью материалов, собранных в зале воинской славы.

Нерехта имеет очень древнюю историю. Ей 785 лет, и, разумеется, в историческом зале музея мы знакомим наших гостей с историей края от глубокой древности до современности. Рядом с каменными топорами, кладами монет и бревном от соляного колодца лежат рядком безмены, стоят огромные весы, гири и гирьки, ткацкий стан — то, с чем жила Нерехта в прошлых веках.... А вот экскурсант попадает в следующее временное измерение: будёновка, красный флаг, дипломы, вымпелы, керогаз, первый телевизор, газовая плита — это из доперестроечных времён. Талоны на продукты и товары, ваучеры, листовки — свидетели недавнего прошлого.

Музей создаётся долго: десятки лет на ремонты и реставрацию, приведение в порядок территории, несколько лет на создание экспозиций. А там и жизнь прошла. Но как хорошо, что нерехтчане так много успели: памятники архитектуры 17-18 веков стали музеями. По оценке специалистов, Нерехта — город-музей под открытым небом, где так прекрасно гармоничное слияние природы средней полосы и старинной

Директор Нерехтского музея Н.П. Родионова ведет экскурсию. Фото 1999 г.

архитектуры. Если всё отреставрировать в городе, привести в порядок, благоустроить, то и откроется нам этот город-музей.

Идёшь по городу и как будто книжку читаешь с красивыми картинками: вот усадьба городского типа с воссозданным интерьером, а вот купеческое подворье со своим музеем, есть место и для выставки об отдельных купеческих родах, их предпринимательской и благотворительной деятельности. Можно побывать и в "купеческой гостиной" с музыкальным салоном. Вот в гостиных рядах старинная лавка, где в плисовых штанах и с усами молодой красивый приказчик спросит: "Что угодно-с?" — И предложит икру, или мёд, или льняное масло, или ячменные колобья и чай из самовара. В парке обязательно каждый гость спрыгнет с парашютом с вышки — "пощекочет нервы". А как не прыгнуть! Нерехта — родина первого воздухоплавателя господина Крякутного и Главного Маршала авиации А.А. Новикова. Можно подуть в пастуший рожок, испробовать "суворовского" калача, испить "ерофеича" — напитка, известного ещё с 19-го века (читаем у М.Я. Диева). В "Светлице" можно слепить из глины горшок на старинном гончарном круге, можно встать к ткацкому стану, попробовать изготовить корзинку из лозы, купить сувенир из грубой, но совершенно натуральной льняной ткани. В общем, прикоснуться к прекрасной старине.

Выставка полотенец в музее. Фото 1991 г.

Хочется верить, что с ростом промышленности и сельского хозяйства город получит второе дыхание и теперь сможет внести свою лепту в духовную жизнь нерехтчан, а наши мечты станут явью.

Многие наши планы связаны с возрождением и реставрацией памятников архитектуры. Город Нерехта сохранил "своё лицо", и при полном осуществлении программы восстановления стенописи во всех храмах мы будем иметь живописный Суздаль на Костромской земле, открытый для посещения туристов, российских и иностранных. Тогда о Нерехте можно будет сказать: "Мал золотник, да дорог".

А в настоящее время музей не живёт, а выживает. А выжить просто необходимо. Надо что есть силы работать, трудиться для будущего города-музея. Ведь "... если музею нечего прибавить к ранее сказанному, то он превращается в музей в нарицательном значении этого слова". (Ираклий Андроников).

Нина РОДИОНОВА

“... НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ...”

Из истории музейного дела в Нерехте

Первые послереволюционные годы в России были странным временем, когда ужас террора, голод эпохи военного коммунизма сочетались с мучительным поиском путей выживания, с надеждой на то, что все это не может продолжаться вечно.

Огромная империя рухнула в одночасье, и брошенные столицами на произвол судьбы города и веси оказались перед необходимостью искать свои пути решения проблем за счет собственных ресурсов. На этой волне и начался тогда расцвет краеведческого движения. “Происходит какой-то колоссальный опыт на громадной территории Советской России — работают одновременно везде и всюду...” (1) — так это виделось одному из деятелей в 1919 году.

Кострома и Костромская губерния не были исключением. Здесь роль лидера в краеведческом движении приняло на себя Костромское научное общество по изучению местного края (сокращенно — КНО), которое долгое время возглавлял В.И. Смирнов. Его переписка позволяет предположить, что у подъема краеведческого движения была еще одна причина: оно давало возможность представителям интеллигенции реализовать свой личностный потенциал, когда государство предпочитало иметь дело с классами, массами, толпами, не различая лиц. Так, отрезанный бездорожьем от городов, В.И. Барыков писал о том, что КНО открывает “доступ к той духовно-умственной атмосфере, о которой все так проголодались, особенно интеллигенты, обреченные на жизнь в своих “берлогах”... От всей души желаю... чтобы освежающая струя научной критической мысли достигла и до наших берлог и захолустий”. (2)

Одной из особенностей костромского краеведения было то, что В.И. Смирнов сознательно и последовательно создавал сеть отделений КНО в уездах, причем базой работы их обычно становились местные музеи, небольшие, но все-таки позволявшие сохранять собранные во время экспедиций предметы, документы, книги.

Нерехту вряд ли можно причислить к “берлогам и захолустьям”: расположенная на перекрестке оживленных дорог, недалеко от губернского центра, она не имела ни музея, ни отделения КНО до того времени, как в первых числах марта 1923 года туда приехал В.И. Смирнов с целью “выяснить судьбу нерехтского музейного фонда и так или иначе наладить здесь музейное дело”. (3)

Оказалось, что в 1918 году нерехтский отдел народного образования решил собрать учебные пособия всех городских школ, изо всех кабинетов физики, биологии, истории были свезены в одно место таблицы и карты, приборы и все необходимое для проведения занятий. Решили, что пусть будет хотя бы один на все школы полный кабинет-музей. Подобные музеи учебных пособий мало напоминали те учреждения, которые мы сегодня называем музеями, но были довольно широко распространены не только в Костромской губернии. Их экспонаты служили образцами, по которым можно было заказать те или иные пособия для школ или получить на время проведения уроков, а случалось, что и сами уроки проводились в таких музеях.

Однако в Нерехте ничего хорошего из этого не получилось. Назначенный заведующим юрист Говоров даже составил опись предметов, но она была затеряна после его смерти. После него назначен был С.А. Алексеев, занимавшийся делами кооперации, он принял музей без описи. В документе за апрель 1921 г. есть только перечисление: “В складе № 3 — музее хранятся разные экспонаты, картины, географические карты, наглядные пособия, химические материалы, физические приборы и др. предметы и производится их выдача по школам”. (4)

Алексеев уехал, ничего не сделав для постановки музейного дела, долгое время никто о музее вообще не вспоминал, да и заведующим народного образования было не до того: они менялись, едва проработав несколько месяцев.

Рядом с музеем разместили разные организации, которые возникали и исчезали в эти годы с потрясающей быстротой, одно время там же помещался и клуб. Надо ли говорить, что из незапертого и неохраняемого помещения вынесли все, что только можно было. Первыми пострадали земноводные, и подвело их то, что хранились они в стеклянных сосудах в спирте. Предприимчивые нерехтчане спирт выпили, препараты — ящериц, змей, лягушек — выбросили.

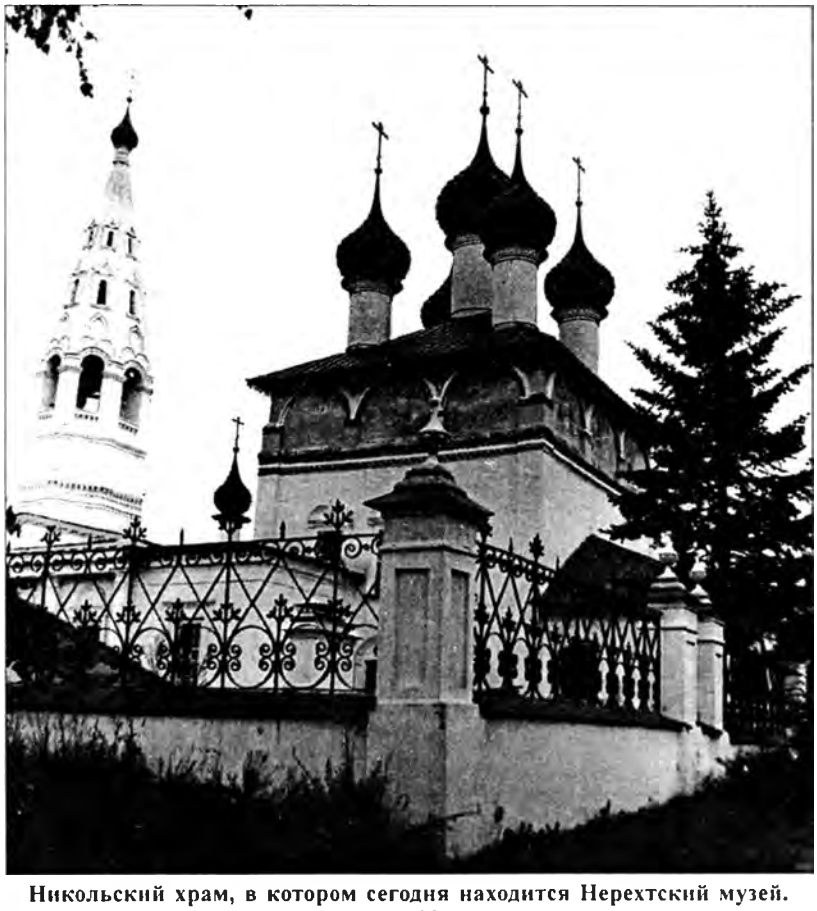
Когда начальство спохватилось, составили комиссию, описали оставшиеся предметы — и ужаснулись. Опись исчезла, как только комиссия закончила свою работу, экспонаты были переве-

зены в пятигодичную школу и там продолжали исчезать.

Картина, которую застал В.И. Смирнов, мало кого могла порадовать: "Фонд в настоящий момент представляет из себя склад, — писал он, — который с большим трудом можно назвать "музейным фондом". Это в большинстве обычные школьные пособия, притом бедных школ: пособия-картины, игрушки животных из папье-маше, аквариум, несколько чучел (есть, впрочем, очень хорошие), несколько скелетов, очень большое количество стеклянной посуды, откуда-то ящиками здесь появившееся". (5) Тут же рядом валялись случайно появившиеся из каких-то усадеб китайский экран для камина, глиняная статуэтка без головы. Все более-менее ценные предметы усадебного быта были давно растащены. Сохранились лишь некоторые естественнонаучные коллекции; микроскоп, электрическая машина, насос, барометры — все пропало.

"Так школы Нерехты остались без пособий, и город — без музея", — подытожил В.И. Смирнов и сделал вывод: "Совершенно очевидно, что никакой музей не может существовать без живых людей, поэтому в первую очередь здесь пришлось приняться за организацию филиального отделения Костромского научного общества". (6)

Первое организационное собрание Нерехтского отделения КНО состоялась теперь же, 5 марта. Оказалось, что "интересующиеся местным краем и могущие вести работу по изучению лица в Нерехте имеются и что интерес к судьбе музея среди них чрезвычайно живой".



Никольский храм, в котором сегодня находится Нерехтский музей. Фото 1989 г.

В отчете КНО за 1923 год появилось сразу два извещения — об открытии в Нерехте музея и отделения КНО. Председателем его был на первом же заседании избран Николай Юльевич Андерсон, а заместителем (как тогда говорили, "товарищем") — Леонид Алексеевич Невский. Музей наглядных пособий был признан ненужным, и вместо него решено было создавать научный музей местного края. Л.А. Невский предложил создать в нем, кроме обычных естественного и исторического, еще и революционный отдел, а также собирать предметы, отражающие развитие земства, просвещения, медицины в уезде. (7)

С появлением новой структуры уездный политпросвет стал рассматривать ее как собственную, что обидело членов Нерехтского отделения КНО. Н.Ю. Андерсон писал В.И. Смирнову, что политпросвет, "видимо, желает нас приравнять к своим кружкам и избам-читальням и требует то регистрации, то представления журналов, протоколов и т.п... Мы не откажемся зарегистрироваться, но... работать под их наблюдением никто из членов нашего отделения не желает. Вообще, мы желаем работать, и всякое желание помешать нам только затормозит нашу работу". (8) Л.А. Невский с удовлетворением отмечал в письме к В.И. Смирнову: "Итак, "кадило краеведения" (по Вашей терминологии) в Нерехтском крае, по-видимому, начинает раздуваться". (9)

Любопытно, что в обращении "Культурным работникам уезда", принятом на заседании "КНОвцев" 9 января 1924 года, положение в уезде, когда "редко можно было встретить кого-либо из местных культурных работников, который бы проявлял интерес и внимание к родному, близкому краю", сравнивалось не только с другими регионами России, но и с Западной Европой, где "в каждом местеч-

ке и маленьком городке имеются музеи, освещающие жизнь этого края". (10)

Также сообщалось о создании при Нерехтском отделении КНО двух секций — естественно-исторической и этнолого-исторической. Первую из них возглавил Л.А. Невский, вторую — А.В. Часовский. Позже возникла и историческая секция, председателем которой стал М.В. Владимирский. Заведование еще не созданным музеем было поручено Н.Б. Голубеву.

Приглашая В.И. Смирнова на годичное собрание, назначенное на 9 марта 1924 года, Н.Ю. Андерсон писал: "Вы положили первый камень в фундамент нашего отделения" — и предлагал продолжать "работу по дальнейшей постройке этого здания". (11)

Научные исследования разворачивались широко: систематически изучали флору и фауну, проводились фенологические наблюдения (этим занимались прежде всего Л.А. Невский, П.К. Корепин, Н.Г. Карамзин). А.В. Часовской и О.И. Рыбнев вели работу по сбору фольклорного материала, причем к ней удалось привлечь множество школьников. Экономикой и историей уезда энергично занимался И.В. Мешалин. То, что он уехал в Ленинград учиться, не только не помешало, но даже способствовало его архивным изысканиям. В частности, он много работал с архивом М.Я. Диева, хранящемся в Отделе рукописей публичной библиотеки. Именно работа Мешалина "Экономическое описание Нерехтского уезда" была издана как первый выпуск трудов Нерехтского отделения КНО. Постоянно и продуманно пополнялись архив и библиотека.

С музеем все обстояло значительно сложнее. Если исследования еще можно было вести без всякой материальной базы, то музею по меньшей мере нужно было подходящее помещение, хотя бы какое-то оборудование. В журнале заседания Совета КНО за 28 февраля 1924 года записано: "Ввиду предписания УОНО о выдаче трех столов, находящихся в помещении музея, школьной ячейке РКСМ, вследствие чего музей теряет значительную часть своей обстановки, просить УОНО о компенсировании этих столов другой мебелью". (12) Легко можно представить, каково было оборудование музея, если утрата трех столов казалась роковой.

Впрочем, утрата была восстановлена, судя по замечаниям Л.А. Невского в письме его к В.И. Смирнову, работы по обустройству музея продолжались: "Хлам, который был в помещении музея, теперь весь убран; будем помаленьку приступать к размещению предметов. Пока их мало, конечно, от официального открытия музея следует воздержаться; может быть, к осени появится больше разных экспонатов, и тогда его можно будет открыть для обозрения". (13)

Так обстояли дела в апреле, но к осени музей опять не был открыт, более того, положение с ним опять усложнялось. Первого декабря Л.А. Невский сообщал: "Снова стало скверно положение с музеем. УОНО отказалось передать нам полученное более полугода назад имущество (плохо то, что тогда сразу не было составлено об этом акта из-за невозможности составить сразу опись этого имущества). Теперь УОНО сообщает нам, что имущество передается лишь во временное пользование".

Между тем все новые экспедиции — исторические, естественнонаучные, этнографические — приносили все новые и новые предметы, которые негде было разместить.

23 октября 1927 года Л.А. Невский сообщал В.И. Смирнову о палеонтологических находках: "Хранятся в отделении (для передачи организуемому Музею местного края)... С музеем вышла новая заминка: намеченный советом отделения еще в прошлом году кандидат в заведующие музеем Н.Г. Карамзин отказывается принять этот пост, так как теперь он его ни в какой мере не устраивает. П.К. Корепин тоже не решается взяться за это дело по своей скромности и отсутствию административных навыков".

Видимо, Корепина все же удалось уговорить, но уже 2 апреля следующего, 1928 года Л.А. Невский сообщил в Кострому о его новом отказе, живописуя подробности музейного существования: " В отношении Музея местного края у нас дело обстоит совсем неблагополучно. Музей перебрасывают из одного помещения в другое и всякий раз в совершенно неподходящее".

В.И. Смирнов отвечал: "Жаль, что с музеем у Вас в Нерехте не ладится" — и советовал "подыскать МОЛОДОГО учителя, подвижного, хотя бы с одной лишь каплей любознательности". (14)

Вероятно, именно к этому времени можно отнести выписку из документа без даты: "...хорошим музейным работником, по мнению научного общества, мог бы быть один крестьянин, самородок-любитель, некий Корснин из села Троицкого, 27 лет. Он работает как ботаник, но в то же время с большим рвением и любовью следит за появляющимися в Костромской губернии новыми экземплярами птиц, орнитология — его любимое занятие. Он сам изготовляет чучела птиц, животных, обставил всю крестьянскую избу разными чучелами собственной работы". (15) Заведующим Корснин не стал.

28 января 1929 года Л.А. Невский смог сообщить: "Нерехтский музей имеет теперь хорошее помещение". Но опять все остановилось из-за заведующего. Снова уговорили Николая Гавриловича Карамзина, но тут сократили ставку архивариуса и новому заведующему музея вме-

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и архиепископ Костромской и Галичский Александр в Нерехтском музее. Фото 1994 г.

нили в обязанность бесплатно совмещать эти функции. Карамзин тут же отказался, ведь при обустройстве музея ему пришлось бы не только обрабатывать дела, но и строить новую экспозицию, ее оформлять, вести все хозяйственные и административные дела, не имея больше ни одного сотрудника.

"Вообще, из-за музея приходилось переживать много неприятностей, — писал Л.А. Невский В.И. Смирнову 26 февраля, — отношения с местными органами испортились, тяжело стало работать". Однако тяжело краеведам приходилось не только в Нерехте, но и по всей стране, и дело было уже совсем не в музее, который так и не был открыт в Нерехте. Начались гонения на людей, которые видели реальную ситуацию в стране: губительное воздействие насильственной коллективизации, идеологизацию науки, централизацию хозяйств. Готовился "великий перелом", составной частью которого были гонения на краеведов, разгром движения по всей стране, от столиц до самых до окраин.

Не избежали печальной судьбы ни Кострома, ни Нерехта, ни другие уездные отделения. Но там, где были действующие музеи — в Солигаличе, Чухломе, Галиче, Кологриве, — удалось сохранить собранные в 1920 годы предметы, книги, документы. В Нерехте много было утрачено.

Правда, часть архива Нерехтского отделения КНО сохранил Л.А. Невский, после отъезда Н.Ю. Андерсона возглавивший отделение. В 1964 году публикацией в газете он напомнил о существовании Нерехтского краеведения 1920-х годов, (16) его архив при содействии В.Н. Бочкова был передан в ГАКО, но губительный пожар 1982 года не пощадил и этих бумаг. Однако импульс был дан, медленно, но верно снова пошло дело по созданию музея, и по прошествии 10 лет "Нерехтская правда" в № за 23 мая 1975 года сообщила: "Гостеприимно открылись двери Нерехтского филиала КИАМЗ, разговоры о создании которого шли давно". (17) Там же сообщалось, что на открытии музея присутствовали Л.А. Невский и другие старые краеведы.

Лариса СИЗИНЦЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С.Н. Соколов. Музей местного края // Народное просвещение. 1919. № 9. С. 36.
2. Письмо В.И. Барыкова В.И. Смирнову. Б. д. // ОПИ ГИМ. Ф. 191 не обработан.
3. ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 95. Л. 2.
4. ГАКО. Ф. р-24. Оп. 1. Д. 89. Л. 31 об.
5. ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 95. Л. 4.
6. Там же, л. 5.
7. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 1. Д. 238, ч. 1. Л. 19-23.
8. Письмо Н.Ю. Андерсона — В.И. Смирнову 15 апреля 1923 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 191.
9. Письмо Л.А. Невского — В.И. Смирнову. Б. д. // ОПИ ГИМ. Ф. 191.
10. ГАКО. Ф. р.-838. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.
11. Письмо Н.Ю. Андерсона В.И. Смирнову. 14 февраля 1924 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 191.
12. ГАКО. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 34. Л. 26 об.
13. Письмо Л.А. Невского — В.И. Смирнову, 8 апреля 1924 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 191. Цитируемые далее письма Л.А. Невского хранятся там же.
14. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 5. Д. 36. Л. 63-64 об.
15. ГАКО. Ф. р-838. Оп. 3 б. Д. 17.
16. Л. Невский. Из истории Нерехтского краеведения // Волжская новь. 1964. 15 августа.
17. Н. Смирнов. День вчерашний, сегодняшний, завтрашний. Открыт филиал областного музея // Нерехтская правда. 1975. 23 мая.

"КРАЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ, БОГАТЫЙ..."

На таких малых городах, как наша Нерехта, русская земля стояла. Здесь соль выпаривали, ковали мечи и плуги, растили хлеб, собирали пышные ярмарки, которые шумели на Базарной площади. Много ремёсел знали и умели нерехтчане. А всякое ремесло-промысел. "По ремеслу и промысел", — говорили. Развитие промысловой деятельности среди крестьянского населения вызывалось нуждой. Своего хлеба крестьянину нашего уезда не только для продажи, но даже и для своего питания недоставало в большинстве местностей на 3-6 месяцев в году. Каков же выход? Подсобные заработки: "местные и отхожие". (1) XVIII век ознаменовался дальнейшим ростом ремесла в нашем крае, и насчитывалось в конце этого века до 89 наименований промыслов (см. карты).

"Количество хозяйств, занимавшихся в довоенное время (до 1914 г.) промысловой деятельностью, составляло 71% ко всему количеству хозяйств в уезде" (2).

В Нерехтском уезде их 155819 душ обоего пола, 26951 мужчина и 10726 женщин занимаются различными промыслами. (3) По развитию мужских промыслов выделяются юго-западные волости (Писцовская, Никитская, Березниковская), южные (Мальцевская), центральные (Середская), северные (Сидоровская, смежная с ней Кустинская), юго-восточные (Горховская, Горлинская, Острецовская). В остальных волостях уезда — женские промыслы, но вообще они крайне слабо развиты во всех юго-западных и северо-западных волостях уезда. В период первой мировой войны количество промыслов значительно сократилось.

Но так или иначе самым распространённым промыслом было домашнее ткачество и по роду обработки материала оно распадалось на две отрасли: 1) обработка льна, 2) обработка хлопка. Тогда из помещичьих усадеб крестьяне стали перенимать прядение на самопрялках, а также тканье на широких ткацких станах. Для экономии света и тепла ткачи устраивали сообща особые помещения — "светелки" и в них занимались тканьем полотен. С каждым годом мастерство совершенствовалось. После открытия мануфактур, где производство тоже было ручное, домашнее ткачество легко могло конкурировать с ним, да и сами эти предприятия поддерживали домашних ткачей раздачей им основы. Особенно славились этим крестьяне в Борисоглебской и Спасских волостях. Вырабатывали не только холст и полотенца, но и льняные салфетки. (4)

Здесь в 1875 году существовали в 18 селениях 58 ткацких светелок с 439 станками. (5) В 1897 году в Нерехтском уезде насчитывалось приблизительно до 2410 человек, которые занимались бумажным ткачеством (6).

В середине 19 века в окрестностях с. Арменки занимались выработкой рубашечного холста и салфеток, известных под названием "армянки" (7).

Самая большая группа промыслов — это строительные, и чаще они были отхожими. Важнейшим являлся плотничный промысел, к XIX и XX вв. он занимал 10,4% населения. Центр его находился в юго-западном углу уезда: в волостях Березниковская, Никитская, Митинская, Писцовская, Дмитриевская, Сорохотская, Рождественская и части Федоровской. В северо-западных волостях уезда плотничный промысел развит был несколько сильнее в Сараевской и Спасской. Наиболее значителен он был в Оделевской, Золотиловской, Кузнецовской, Березниковской волостях. (8) Из других строительных промыслов наиболее многочисленными являются:

пильщики — 451 чел.
печники — 250 чел.
каменщики — 188 чел.
столяры — 180 чел.
штукатуры — 176 чел.
маляры — 129 чел.
кровельщики — 51 чел.

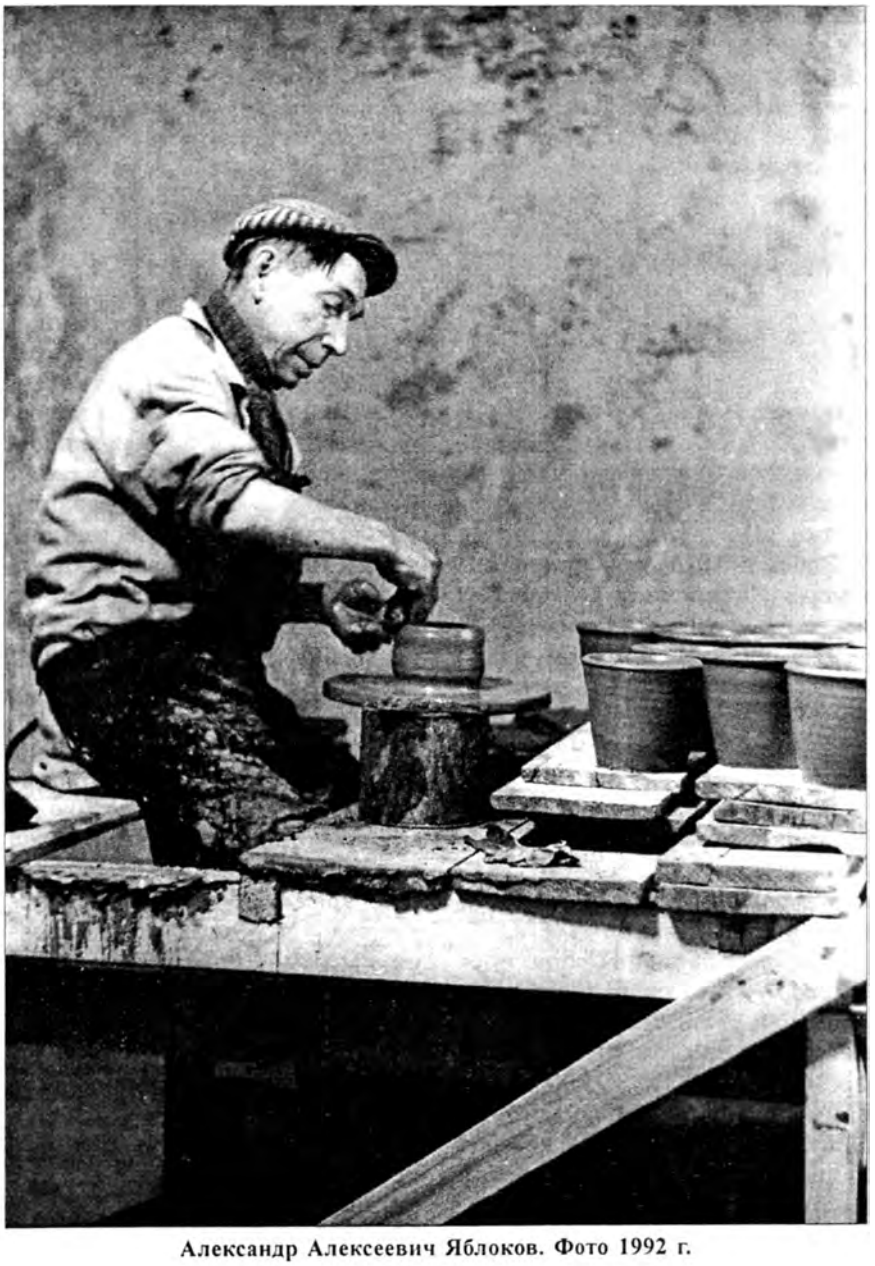
Кузнечное ремесло было сосредоточено в Сидоровском — 112 кузниц. (9) Кузнецы с Сидоровского работали преимущественно над ремонтом экипажей и ковкой лошадей. Иной характер кузнечный промысел приобрел в Никитской и Березниковской волостях. Здесь кузнецы под влиянием хорошо развитого плотничного дела занимались преимущественно выработкой топоров. Продавались они по окрестным базарам в с. Писцове по 50-55 коп. за штуку.

В 1920 году насчитывалось 68 кузниц. В 1925 году — 55 хозяйств, имеющих кузнецов. Они были распространены по всему уезду, были крайне необходимы для подковки лошадей и ремонта инвентаря. В настоящее время, конечно, кузнечное ремесло, к сожалению, умирает в крае. Лишь в некоторых хозяйствах района существуют кузницы для починки техники, где-то ещё теплится огонь.

Поскольку Нерехтский край был богат глинами, то здесь издавна развивалась керамическая промышленность. Это кирпичные заводы, по данным Мешалина, их в XX веке было 14, и несколько коопера-

тивных заводов, в основном Митинской волости, около села Княшнино. С наличием глины связан в уезде и гончарный промысел, который процветал в с. Петровском и Костеневе Яковлевской волости. Большинство гончаров обходилось силами своей семьи, лишь немногие нанимали 1-3 работников. Дети начинали работать с 12 лет. У некоторых были свои мастерские, но большинство работало в своих домах. А горн ставили сообща 2-3 производителя в яме под навесом и пользовались им по очереди.

Некоторые хозяева обжигали посуду и дома в печах. Сбывался товар в Иваново-Вознесенске и на местных рынках оптом, тысячами. По словам старожилов, занесен этот промысел был в XVIII в. стоявшими здесь солдатами. До 1919 года в уезде в старых границах было очень много кустарей-горшечников, но в 20-е годы этот промысел затухает. Хотя в д. Поктево Вознесенского района Тетеринской волости было 10 человек горшечников. Дело шло хорошо, да и доход до 1500 рублей в год. Даже в голодные годы и годы кризиса гончарную посуду обменивали на с/х продукты.



Александр Алексеевич Яблоков. Фото 1992 г.

Давно стала другой крестьянская жизнь, глиняную посуду заменила более современная. А всё-таки и сегодня можно отыскать в каком-нибудь селе мастера, владеющего гончарным ремеслом.

Совсем еще недавно Яблоков Александр Алексеевич из села Клементьево, ушедший, к сожалению, из жизни, изготовлял прекрасную посуду из глины.

Среди нерехтских гончаров можно назвать и Осокина Александра Михайловича, который еще в 80-е годы делал изумительные кувшины, кринки, цветочники. Это были действительно произведения искусства.

Непосредственно с гончарным ремеслом был связан и суричный промысел в Нерехтском уезде. Сурик изготовляли в деревнях Фёдоровской волости, Ковалевской, Рождественской. Сырьем для сурика был свинец, закупаемый в Ярославле, из 100 п. свинца выходило 106 п. сурика, который в Ярославле вновь обменивался на свинец с приплатою на 13-15 копеек на пуд. Чистая прибыль заведения 92 р. в год (10). Переработка свинца в сурик очень нудная и вредная работа. Нестерпимая жара, ужасный воздух, ядовитые газы. Многие получали увечья (сводит руки, ноги, кривит рот). По сведениям Васькова, в уезде в середине XIX века был 31 суричный завод (11). В 1925 году осталось всего 11, хотя нужда в сурике была (12).

В Нерехтском уезде развиты были промыслы, связанные с обработкой шерсти. Это прежде всего валяльно-ка-

тальный в Кувакинском районе Митинской волости, по окраинам уезда: в Острецовской волости, Федоровской и Рождественской волостях. Для деревень это был очень важный промысел. Насчитывалось 20 валяльно-катальных мастерских. Занято им 84 человека. Работали на местный рынок, промысел сезонный. Ещё совсем недавно славились этим мастерством и катали валенки люди с бывшего Нерехтского кирпичного завода (13).

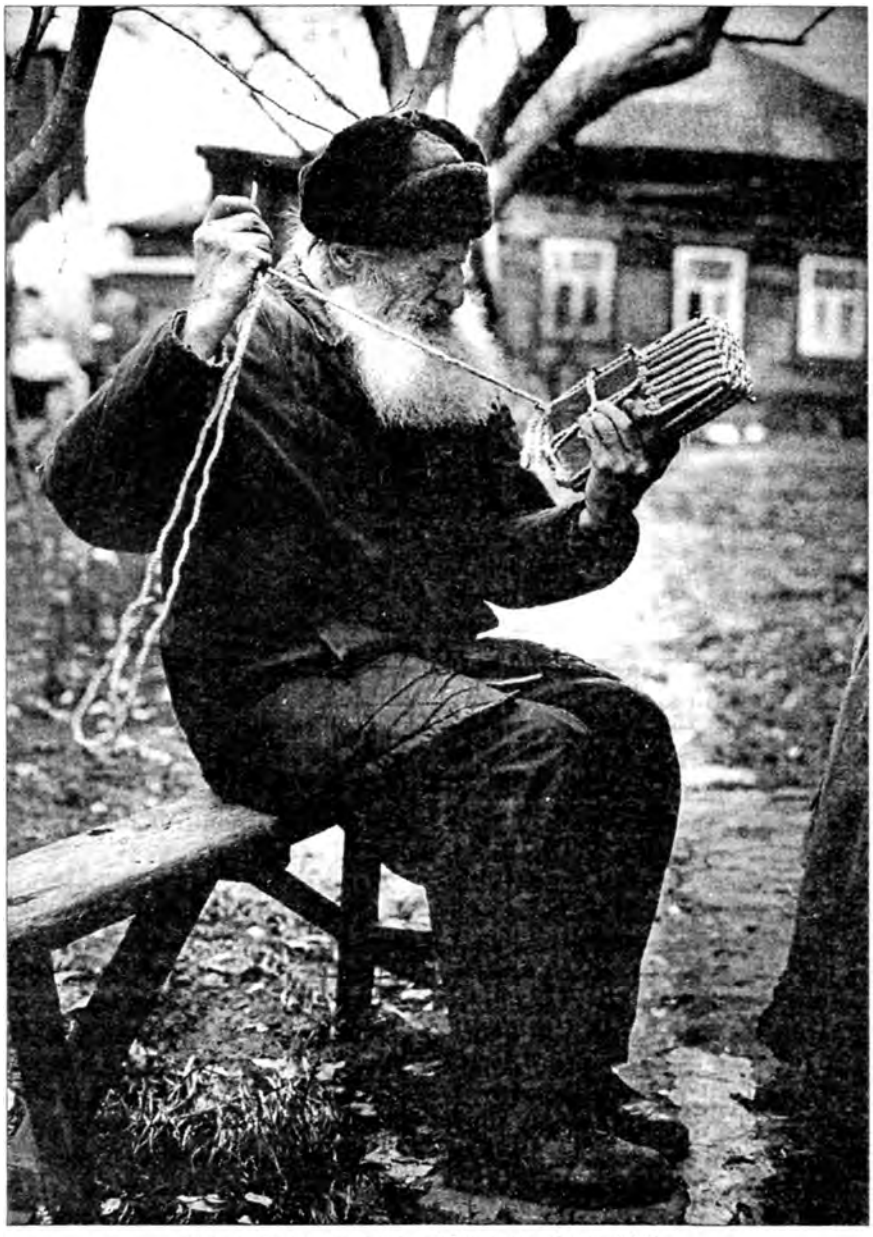
Валяльно-катальный промысел в уезде был соединен с вязанием варежек. Этим начинали заниматься с 10 лет. Скупщики сбывали их в Ростове архангельским купцам по 16-20 рублей за сотню, а рабочие продавали скупщикам по 4 рубля за сотню пар (14). В уезде насчитывалось 10 заведений по выделке овчин (в д. Киселево, Пружинино Митинской волости, д. Никольское и Уварово Сараевской волости, Федоровской, Арменской волостях).

Плетение корзин, соединенное большей частью с выделкой борон, преобладало в двух местностях уезда: Светочегорской волости (111 мужчин и 61 женщина) и в д. Ясюнине, с. Метлинском Арменской волости (38 мужчин и 5 женщин). В XX веке материал для плетения брали на берегу реки Волги — тростник, на берегу реки Солоницы — ивовые прутья. Заготовка сырья шла с осени, а в течение зимних месяцев плелись корзины. Они сбывались через скупщиков в Иваново-Вознесенск и Москву.

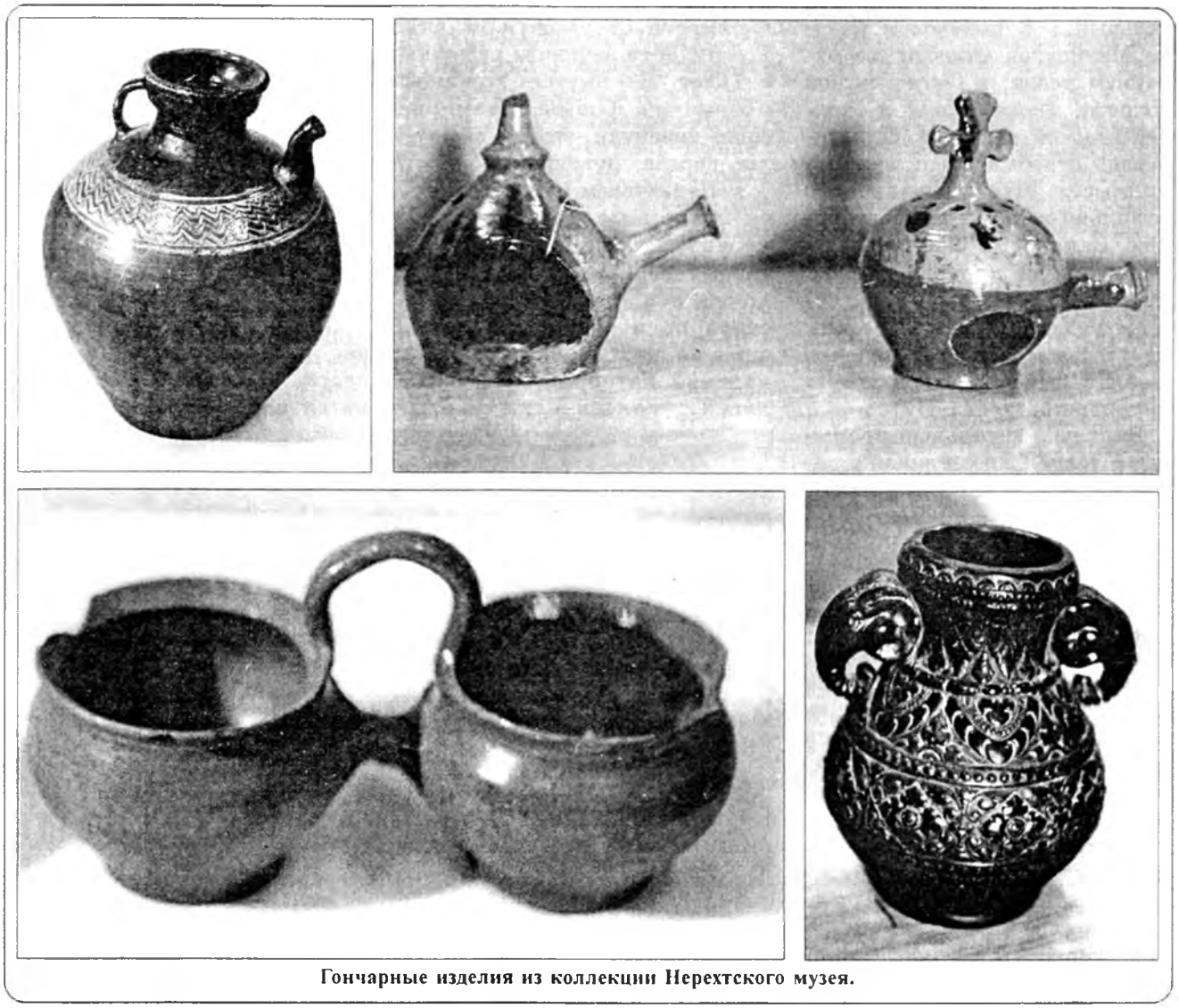
Особенно процветал этот промысел в войну 1877-78 гг., когда корзины скупались военными поставщиками по 8 рублей за сотню. Главным же потребителем борон и корзин были крестьяне, так что промысел находился в прямой зависимости от урожая на юге России. Дети начинали работать с 7 лет. Плели всё: корзины различной формы, размера, сани, коренухи, зыбки, абажуры, короба, лукошки.

В Нерехтском музее хранятся старинные детские сани, коренухи, мочечницы, сплетённые из ивовых прутьев. И до сих пор есть в Нерехте мастера по плетению из лозы: один из них — Жидков А.И., изделия которого воздушны, легки, экологически чисты. Лоза, по его мнению, питает себя солнечной энергией и с собой её переносит в изделия. Человек и лоза обмениваются энергией. И сегодня, если вы пройдёте по нерехтскому базару, можете увидеть корзинки различной формы, даже детские сани, прекрасные изящные вазы, конфетницы, панно и др.

С прошлых времён дожил до нас промысел плетения из бересты, который бережно хранится нерехтчанами. Это ста-



Илья Александрович Мотилов. Фото 1992 г.



Гончарные изделия из коллекции Нерехтского музея.

ринное ремесло сохраняет Волхонов Николай Александрович и его ученики: П. Рыбалкин, который ведёт кружок плетения из бересты в 4 русской школе г. Нерехты, А. Маринин, С. Бобылев. Плетением из бересты занимается и С. Солдатов.

На Руси плели из всего, даже из лыка. И это ремесло передавалось из рук в руки. Недавно ушел из жизни удивительный мастер-самородок по плетению шептунов Мотилов Илья Александрович, человек с живой смекалкой и золотыми руками. Для нерехтского музея он сплел две пары шептунов, а плести он их начал с 5 лет, а научил его этому прадедушка. К сожалению, он почти не оставил учеников своего дела, кроме Иконописцева Н. Хочется верить, что все-таки возродится это древнее искусство.

Из других домашних промыслов следует отметить в начале XX века: ювелирный (498 мужчин 47 женщин с заработком 39705 руб. в год), колесники, сундучники (32 мужчины 1 женщина с заработком 32049 рублей в год — Арменская волость), кустарное производство одежды и обуви, маслобойное производство, салотопенное производство, токарное производство, скорняжное производство, сапожное производство и др. (15)

Особенно хочется выделить ювелирный промысел, который был развит исключительно в Сидоровской волости, особенно в самом селе Сидоровское, напротив с. Красное-на-Волге, славившегося своими кустарями-серебряниками. У Мешалина И.В. производится указание на то, что начало этого промысла относится к 16 веку, ко времени покорения Пскова и Новгорода, когда бежавшая новгородская вольница, поселившаяся на берегу р. Волги, занесла с собой в Красное медное, а может быть, и серебряное производство. “Возможно, — пишет

Мешалин, — новгородские и псковские беженцы делали ризы на иконы по заказам монастырей и церквей, частных лиц; позже, когда русское средневековье замерло, это производство отжило и лишь в конце XIX — начале XX века развилось в весьма крупных размерах" (16). Все производство велось дома всей семьей, ученики-подростки начинали работать с 9-10 лет.

"В нескольких селах Сидоровской волости занимались изготовлением даже искусственных самоцветов. До 900-х годов в этом производстве употреблялись только камни местного происхождения, и лишь в начале XX века вошли в обиход камни заграничные: австрийские самоцветы, китайские яшмы" (17). У Мешалина подробно описывается вся технология изготовления этих вещей. На нерехтской уездной с/х выставке было представлено несколько витрин с изделиями сидоровских серебряников. Сидоровские изделия сбывались тамошним крестьянином Рыбиным, который развозил их по разным городам, но затем большинство их переходит в руки Красненских прасолов (18).

Но после революции 1917 дело пошло на убыль, и частные мастера перевелись. Богата была наша нерехтская земля ремеслами, мастерами.

В нашем музее хранятся замечательные образцы ремесел, изготовленные руками нерехтчан. Это и большая коллекция изделий из глины. Очень редкий судок, состоящий из двух горшочков, соединенных ручкой, в которых носили обед в поле, курница или ладоница, прекрасные глиняные кувшины, кринки, рукомойники. Это удивительная коллекция вышитых полотенец с интересными надписями на них.

И сегодня в Нерехте очень много талантливых людей, не зря в 1994 году появился дом творчества и ремесел "Светлица", цель которого — сложное и кропотливое дело возрождения старинных ремесел. Появятся красивые вещи-изделия нерехтских мастеров — потянется к ним душа русского человека. Хочется верить, что зашумит наша Базарная площадь как прежде, и пойдет торговля бойко и весело, и будут покупать наши самобытные товары заморские купцы.

Ольга МАЙОРОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мешалин И.В. Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии. Нерехта. 1927 г. С. 169.
2. Там же.
3. Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. Вып. 1. Кострома. 1901 г.
4. Мешалин И.В. Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии. Нерехта. 1927 г. С. 177.
5. Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. В. 1. Кострома. 1901 г. С. 39.
6. Мешалин И.В. Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии. Нерехта. 1927 г. С. 177.
7. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генштаба Костромской губернии. Сост. Я. Крживоблоцкий. С.-Петербург. 1861 г. С. 389.
8. Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. В. 1. Кострома. 1901 г. С. 53.
9. Там же. С. 52.
10. Там же. С. 60.
11. Васьков А.Ф. Нерехтский уезд в 1857 г. Кострома. 1872.
12. Мешалин И.В. Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии. Нерехта. 1927 г. С. 183.
13. Там же. С. 178.
14. Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. В. 1. Кострома. 1901. С. 59.
15. Там же. С. 58.
16. Мешалин И.В. Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии. Нерехта. 1927 г. С. 185.
17. Там же. С. 187.
18. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генштаба Костромской губернии. Сост. Я. Крживоблоцкий. С.-Петербург. 1861 г. С. 390.

Имеем сообщить

ТКУЩИЕ СВЕТ

В старинном особняке-памятнике архитектуры XIX века в Нерехте поселился Дом творчества и ремесел "Светлица", отметивший недавно свой пятилетний юбилей. Поставлена была цель — возродить исконные ремесла и другие виды народного творчества нерехтского края. Десять кружков и студий объединяет ремесленно-кружковое отделение. Более 80 детей в возрасте от 6 до 16 лет обучаются таким видам рукоделия и ремесла, как: кружевоплетение на коклюшках, художественная обработка дерева, плетение из бересты, из ивового прута, лоскутное шитье, дымковская игрушка.

"Светлица" помогает сохранению, возрождению и развитию народных традиций, обрядов, праздников, в том числе по истории различных ремесел.

Творческие встречи "В гостях у мастера", выставки "Вологодские кружева в Нерехте", "Волшебный лоскуток", народной вышивки запомнились нерехтчанам в Доме ремесел, ткущем свет.

УЛИЦЫ, ДОМА, ЖИТЕЛИ, СУДЬБЫ...

Для краеведов воспоминания старожилов — это самая живая, непосредственная иллюстрация жизни и быта своего времени. С благодарностью обращаемся к воспоминаниям нерехтчан (уже многих нет в живых) — Натальи Андриановны Кондратьевой, Алексея Александровича Трарова, Тамары Ивановны Герцевой, Николая Николаевича Репина, Елизаветы Николаевны Калининой, Александры Борисовны Флоренской, Анны Евлампиевны Макаровой, Павла Ивановича Носкова, Анны Васильевны Козловой, Павла Ивановича Бякина, Алексея Васильевича Бедова, Татьяны Ивановны Корсоковой, Варвары Павловны Таловой, Лидии Леонидовны Кондратьевой и ещё многих, многих.

ПЛОЩАДЬ БАЗАРНАЯ

С моста через реку Нерехта открывается панорама главной площади города, которую в старину называли Базарной. Почему Базарная?

Каждый понедельник были большие базары, наезжали крестьяне, торговцы со всего Нерехтского уезда и близлежащих городов: Ярославля, Ростова, Костромы, Суздаля.

Ансамбль центральной Базарной площади (ныне площадь Свободы) сформирован давным-давно, а дома и торговые ряды, которые стоят здесь, вошли в картотеку памятников архитектуры.

Стоя на площади, быстро улавливаешь нехитрый план нашей старинной площади. От центра с площади геометрически точно расчерчены улицы. Двухэтажные дома выделяются парадностью и в то же время скромностью. Чем дальше от центра, тем скромнее выглядят дома.

Надо сказать, что до 90-х годов 18-го века жилые каменные дома в Нерехте не строились. А деревянные дома горели во время частых пожаров.

После пожара 1785 года, "в исходе 18-го века", Нерехта, получив Указом Екатерины II звание города, начинает украшаться каменными домами. Пожар 1815 года, в результате которого сгорела большая часть города, подтолкнул строительство каменных зданий.

К середине 19-го века, а точнее в 1857-м году, А.Ф. Васьков сообщает, что в Нерехте насчитывалось уже 40 каменных домов, в том числе 5 казённых, 3 общественных, один церковный, 2 духовных, 1 для чиновников, 20 купеческих, 8 мещанских.

В это же время и была застроена каменными жилыми и административно-торговыми зданиями центральная часть города.

А кто жил в этих домах, чем они торговали, какая у них была семья — вот это очень интересно было узнать.

Первый дом от реки (площадь Свободы, дом 9) — двухэтажный. По сведениям искусствоведа Е.В. Кудряшова, который обследовал наш город, дом был построен в первой трети 19-го века. Старожилы помнят его как дом Ивана Алексеевича Бородулина. На первом этаже дома располагалась бакалейная лавка. На втором этаже жил сам хозяин с женой. Детей не имели. Родом Бородулин был из крестьянской семьи из деревни Иванищево Тетеринской волости. Позднее сам Бородулин не торговал, а стал наживать капитал, отдавая деньги в долг под проценты. Лавку свою он сдал в аренду купцу 1-й гильдии Потехину Василию Ивановичу, что был родом из Плёса. Он имел двух дочерей и сына. Татьяна и Александра закончили в Нерехте гимназию. Потехин профиль лавки не сменил, торговал по-прежнему бакалеей, а семья жила на улице Ярославской, в доме 19. К бородинскому дому была сделана пристройка. В ней одно время торговал некий Куперасов. У него можно было купить хорошие хомуты, вожжи, колёса. А жил он на Нижегородской улице.

СТАРАЯ АПТЕКА У РЕКИ

О следующем доме, рядом с бородинским, написаны стихи нерехтчанки Надежды Власовой:

Есть на свете
много зданий разных,
Только, всем канонам вопреки,
Мне милее
тех дворцов прекрасных
Старая аптека у реки...

До революции это был торговый дом В. Н. Полетаева. В Нерехте он имел прозвище "прислоновский мужик", наверное, потому что родом хозяин был из деревни Прислоны.

До постройки дома (вторая половина 19-го века) торговал Полетаев в лавке на улице Ярославской, дом 14. Пока копил денежки, жил рядом с лав-

кой на углу Ярославской — 16 и Усольской (ныне Энгельса) в деревянном доме с красивыми наличниками. Работал день и ночь. В селе Никольское имел картофелетёрочный завод. Там тоже была лавочка, в которой он держал приказчика. Ещё у него был склад, где хранили муку, крупы и другие товары.

И вот, наконец, на самом престижном месте, на Базарной площади, у Полетаева появляется новый дом. Над южной угловой частью его возвышается кирпичная надстройка для мансарды, в которую ведёт винтовая деревянная лестница, на второй этаж с улицы поднимаешься по парадной лестнице. Был тогда и сквозной арочный проезд, но сейчас он заложен. Кто посещал это здание, то запомнил, наверное, прекрасные лепные картуши в залах, розетки, карнизы. Магазин был большой, светлый, вверху жили, внизу торговали, пока не разорились, лавки и дом были заложены. А когда почувствовал купец полный крах, скрылся. Тогда дом этот и купило земство под аптеку.

НЕРЕХТСКИЕ САВЕЛЬЕВЫ

В Нерехте более 120-ти человек носят фамилию Савельевы. И они вовсе не родственники; родом из разных мест, деревень: Глазово, Антоново, Кодочигово. В списке Гласных Городской Думы за 1870 год по первому разряду значится купец Макар Савельевич Савельев. Со слов внуков, правнуков Савельевых, родоначальниками фамилии считаются Андрей Макарович и Мария Егоровна. Они имели двоих детей — Дмитрия и Софью, которым дали образование. Андрей Макарович слыл деловым человеком, вёл большие торговые дела, часто бывал в разъездах.

По определению специалистов (книга С.В. Демидова и Е.В. Кудряшова "Нерехта"), дом построен в начале 19-го века. Каменный, двухэтажный, он выходит на площадь фасадом, а боковой стеной тянется по улице Суворовской (Бебеля, дом 2). Старожилы называют до сих пор этот дом "савельевским". Умер А.М. Савельев до революции 1917-го года.

Дом на улице Нижегородской построил ещё один Савельев — Фёдор, который родом из крестьян деревни Глазово. Это доходный дом Фёдора Савельева. Семья его состояла из 6-ти человек: было у него 2 сына, 2 дочери. Все грамотные — окончили гимназию.

Дом построен на совесть из красного кирпича, глину для кирпича копали выборочно. Под домом были склады, и за домом

Фото с открытки начала XX в.

Фото с открытки начала XX в.

во дворе тоже амбары каменные. Арка для проезда во двор как бы разделяет дом на две части.

Бакалейная лавка первого этажа имела несколько дверей. На второй этаж в гостиную вела огромная белого камня лестница. Стены и потолки гостиной были украшены лепниной, на третьем этаже хозяева устроили гостиницу с номерами для гостей.

Ф. В. Савельев был человеком основательным: он вошел в пай с М.И. Котиным, и они построили полотняную фабрику, которая позже стала Раабе, а потом заводом ДИФИ (это самый большой и красивый дом на улице Нижегородской, второго такого в нашем городе нет).

СКЛАДЧИНА

Торговые ряды (гостиные) стали каменными в 1837-1840-х годах одновременно с колокольней Казанского собора. Сколько было склок, тяжб, ссор у нерехтских купцов, пока строили их в "складчину". Но известно, что уже в 18-м веке город имел мясные и рыбные ряды, гостиный двор, по-видимому, деревянные.

Гостиные ряды тянутся прямоугольником по всей площади с аркой для проезда в центре рядов, а в цокольной части здания устроены подвалы для хранения товаров.

На галерею выходили дворы всех лавок. Каждый торговец имел свой "раствор" — дверь. Чем богаче купец, тем больше у него "растворов", которые были железными. Наиболее богатыми были Тарутин (3 "раствора"), Ананьев (2 "раствора"), Иконописцев, Зашадкин (по одному "раствору").

У купца Тарутина в лавке было всё, что душе угодно. Торговал он галантереей, ситцем, шёлком, шерстью. Помогали ему три приказчика и жена. По праздникам нанимали "мальчиков" в помощь. Раньше всё внимание было покупателю, без покупки никак не уйдёшь, и первый вопрос: "Что угодно-с?".

Купец Ананьев тоже торговал "красным товаром" — шерстью, шёлком, ситцем. Замазкин — одеждой. Иконописцев Михаил — красками, лаками. Иконописцев Иван — стеклом, краской. Фёдоров — обувью.

Предпоследняя лавка со стороны собора принадлежала мужику из деревни Подболотня. Он там имел магазин, а в базарные дни торговал в своей лавке смешанным дешёвым товаром: обувью, мануфактурой и прочим.

Последняя лавка в один "раствор" предлагала покупателям железные печки, самовары, трубы, серпы, косы, пилы, подносы и прочую железную утварь.

Вот такая картинка из жизни старой Нерехты.

Подготовлено к печати сотрудниками Нерехтского краеведческого музея.

ПЕСНИ БЕРЕЗОВОГО РОЖКА

ПОД РУКОВОДСТВОМ ПАСТУХА

На широких просторах нашего Нерехтского края с незапамятных времен звучат пастушеские наигрыши на рожках, жалейках, дудках. "Пастушеские" села Григорцево, Лепилово, Миснево, Гилево, Федоровское, Иголкино, Ковалево — родина наших пастухов.

Звуки пастушеского рожка пленяли слух любителей народной музыки, творцов народной песни, народных поэтов и композиторов.

И сегодня на утренней заре и на закате солнца вечерней порой на улицах сел и деревень раздается звонкое пение "березового" рожка. Короткими сигналами-зовами пастухи-рожечники "сманивают" скотину на сочные луга. "Сгонные" наигрыши особенно хорошо слышны по "утренней росе" возле леса или реки. Их сменяют мелодичные прихотливые песенные наигрыши.

Подлинный очаг рожечной культуры был в д. Лепилово Нерехтского района. Здесь опытные пастухи-рожечники братья Василий и Константин Колпаковы да их соседи Вячеслав Сакин и Павел Семин (из села Поздеевского) после окончания пастушеского сезона составили своеобразный ансамбль.

В 1936 году был организован коллектив рожечников под руководством пастуха И.Н. Мутина. Репертуар ансамблевых народных песен состоял из протяжных и плясовых. Исполнялись также романсы городского происхождения и песни гражданской войны.

В д. Кодочигово Хомутовской сельской администрации пастух пас с гармошкой, а гармошка у него была — волынка, так и прозвище пастуху дали Волынка. В четыре часа утра пройдет он по деревне, проиграет знакомый

мотив, и женщины встают коров доить. А когда второй раз пройдет он по деревне, то, значит, пора коров в стадо собирать. Пастухов подряжали работать до снега, но если весна была поздняя, все равно старались придерживаться Егорьева дня.

В чистый четверг был обычай перед выпасом остригать скотине хвосты. Устраивался молебен, выводились все коровы, лошади для обряда освящения святой водой. Если погода позволяла, с этого дня и сгоняли скотину в стадо. Встречали и провожали его обязательно с веточками вербы, которую оставляли с вербного воскресенья. Скотину выгоняли, и вербу оставляли в поле, чтобы домой коровы и овцы не бегали и благополучно паслись.

Бывало, еще любили пастухи колотушки. Это деревянная дощечка с палочкой. Ею стучали и давали направление стаду.

Платили пастухам за их работу картошкой, зерном, яйцами, а кормили "по чередам". Жили пришлые пастухи также по чередам у хозяев. Если корова, то 1 черед, овцы — 4 штуки в черед, весенние ягнята — 8 штук в черед, теленок — в четверть череда, телка — в полчереда.

По рассказам Агнии Павловны Мягковой, известно, что, например, в селе Княгинино своих пастухов не было, а были только пришлые из Коврова Ивановской области. Обычно пасли по двое, а то, когда кончат ребятишки учиться, возьмут парнишку к себе в подсобники. Многие пастухи поженились и остались жить здесь.

Воспоминания Ивана Николаевича Невредимова из д. Лепилово свидетельствуют о том, как пастухи учились игре на рожке. Лишь был бы слух, сам он и научился играть на рожке. Потом кто-нибудь из пастухов отдыхать в отпуск пойдет, подзаменишь, да так и привыкнешь, и станешь играть на рожке. Еще учились наигрышам пастухи друг у друга. Бывало, соберутся и все вместе и трубят. Иногда жители деревни попросят сыграть какую-нибудь песню, а потом угостят 2-х килограммовой буханкой теплого хлеба.

Вот что нам рассказала Капитолина Сергеевна Хазова из д. Слобода Маруниха.

"Раньше пастухи к нам приезжали из Коврова Ивановской области и привозили своих пастушат. Тут были "большак", "середняк", "подпасок", а потом еще поменьше — всего четыре пастуха. Если было очень большое стадо, то и пять пастухов пасли. И разделялись: кто овец пас, кто — телят, кто — коров. На рожке играл только "большак" и "середняк", младшие не играли. "Большак" — это старший пастух. У нас деревня была большая, так они трубили всякие песни в начале деревни, потом дома через четыре, потом посреди деревни.

А как Егорий придет, так и скотину до обеда пропасут, а на обед домой сгоняли. И пастухи, и весь народ в церковь идут. Потом пастухам надо "литки пить", когда хозяйки им вина дадут. Хотя в посте вроде и грех, но все равно пили и гуляли. Насобирают по чередам яиц и жарят на костре яичницу. Хозяйки все лучшее из еды давали пастуху. А перед первым выгоном скотины в

поле наломают вербы и пойдут ее святить в церковь, а потом похлещут коров этой вербой со словами: "Господи, Иисусе Христосе, спаси и сохрани нашу скотину". Потом эту вербу в поле воткнут, где скотину сгоняют, чтобы не бегала домой, остальную вербу положат за иконой и обязательно веточку воткнут под калиткой, чтобы после выпаса скотина шла на двор. Которая скотина с норовом, то ей вешали на шею колокольчик, чтобы не потерялась. Ведь пастух должен следить за всем: чтобы корова не объелась, и чтобы не заблудилась, и т.д. А если она пристала к стаду другого пастуха, тот давал сигнал и трубил "Кирила", такой был пастуший сигнал, который значил, что у него чужая корова. Еще был у пастухов сигнал на сман скотины: "Тел-тел-тел". Скотина обычно шла только на звук своего рожка, потому что уже привыкла к тому рожку, который постоянно слышала.

Раньше всегда пасли в лесах, поэтому сначала стадо обходили с рожком, чтобы скотина привыкла к его звучанию и потом не терялась, а выходила из лесу на этот звук только своего рожка.

В лесу пастухи для развлечения играли всякие мелодии, а на опушке, куда собирали стадо, трубили уже в рабочем порядке.

Был заклич на весь период выгона скота — это значит нельзя никуда стаду отклоняться от заданного маршрута, т.е. перегон дадут, вот и иди только по нему. А чтобы скотина не входила в поле и не стравила пшеницу, пастухи применяли кнут".

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КНУТА

Из воспоминаний Д.П. Бачигина.

"Из узких полос сыромятной кожи выплетается плеть. От размера длины кнута зависит толщина плети. Чем длиньше и толще плеть, тем длиннее будет кнут. В начало плети вплетается железное кольцо, к которому крепится ручка или черенок. К плети приплетается кнутовище, которое плетут из более тонких веревочек. И чем ближе к концу, тем их берется меньше, и веревочки берут тоньше. Раньше плели из льняных нитей, а сейчас используют капроновые. Венчает кнут самая тонкая часть, которая называется "тонево", к нему привязывается специальным узлом "хлопец", который в классическом стиле плетется из конского волоса (сейчас применяют леску и капроновый шпагат).

На плеть для украшения приплетают бахрому, а черенок украшают резьбой. Длина кнута зависит от физических сил пастуха. Черенок обычно — 30-40 см, но если пасут на лошади, то черенок должен быть длиннее.

Обычно длина среднего кнута 6-8 метров, но иногда она доходит и до 18 метров, плеть составляет одну треть кнута. Чтобы кнут дольше держался и не гнил, его смазывают жиром, салом или дегтем.

Когда пастух возле поля, идет, то щелкает кнутом, чтобы ни одна скотина не вошла в поле, и скотина понимает и слушается. А по рожку и погоду определяли. Солнце взошло, а "рожок не дует", значит, надо плащи одевать — дождь будет. А если хорошая погода, то рожок так и гремит. Раньше пасли без часов, скотина сама тебе "скажет", сколько времени. Обычно передовая корова сама вовремя поворачивает и идет к стойлу.

По вечерам на гулянках пастухи иногда играли на рожках и под рожок пели песни. А если были гармошка или балалайка, то получалось очень красиво, особенно старинные песни: "Ванька-ключник", "Маша", "По Дону гуляет", "Уж ты сад, ты мой сад", "Последний час разлуки". Хотя и говорили, что среда и пятница — тяжелый день, но пастухи этого не замечали, играли в любой день. А сколько песен пели. Чудо! Как рожечники соберутся все вместе, как рванут, затрубят на разные голоса, так чуть лес не падает. И звучит рожок по всей Нерехтской земле".

СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РОЖКОВ

Из воспоминаний С.Н. Красильникова.

"В нашей местности на стыке трех соседних областей — Ярославской, Ивановской, Костромской — пастушьи рожки изготовлялись из таких пород древесины: сосны, ели, березы, яблони. Но предпочтение отдавалось рожкам, изготовленным из можжевельника, поскольку этот материал очень хорошо резонировал и был влагоустойчив.

В середине нашего столетия древообразный можжевельник довольно часто встречался в наших краях целыми зарослями. Брались заготовки двух-трехлетней выдержки, чтобы при изготовлении рожков их не коробило.

Рожки могли быть цельноточеными — выточенными на токарном станке.

В Нерехтском крае рожки изготовлялись вручную и делались в основном из двух половин. Бралась заготовка, из которой ножом вырезалась грубая форма рожка. Затем продольной пилой эта заготовка распиливается вдоль. С помощью ножа или резца выбирался внутренний канал в форме правильного конуса. Поскольку рожки делали мастера, они на глаз определяли длину рожка и правильность выборки канала. Эти две продольные половинки для проверки звучания рожка соединяли мякишем черного хлеба, и, если рожок звучал, т.е. хорошо резонировал, его склеивали казеиновым клеем.

На начало рожка надевали "намаклажник", т.е. мундштук в форме деревянного бочонка, который скреплял обе половинки рожка.

Для более точной обработки канала в тонкой его части, т.е. в

цефке, применялось "жигало" (8 мм в диаметре) — железный прут, заточенный на конус. Здесь наши мастера применяли ручку от ведра. Этот железный прут накаляли докрасна и через раструб прожигали отверстие до тех пор, пока кончик "жигала" не появится в отверстии мундштука.

Раструб — это широкая часть инструмента. Тем же жигалом прожигались 6 отверстий-ладки. Расстояния между ладками мастера делали на глаз по вершку. Бралась ленточка ровной срезанной бересты шириной 2-2,5 см для маленького рожка, предварительно распаренной в чугунке, так как в распаренном виде береста приобретает свойство эластичности. И медленно, слой к слою, с начала раструба пеленают обе половинки, стягивая плотно друг к другу. Свойства бересты таковы, что она не гасит звук рожка, оберегает его от попадания влаги и придает прочность рожку при падении.

При пастьбе использовались три вида рожков: рожок, полубасок и бас. Полубасок звучал на кварту ниже рожка, а бас — на октаву ниже рожка. При ансамблевой игре полубасок ввиду его несовпадения по строю иногда не применялся. Определенного места для хранения рожка не было. Обычно он висел на шнурке на стене. Летом, чтобы рожок не пересыхал, пастух его бросал в бочонок под водостоком".

* * *

Сейчас уже известно, что искусство рожечников сыграло заметную роль в народном музыкальном быту.

В нашем районе традиции старинных рожечников сохранились в уникальном коллективе "Нерехтские рожечники".

Его участники заботятся о том, чтобы нерехтская школа рожечной музыки не умирала. На занятиях народных инструментов в кружках с устройством рожка, с принципом игры и звучания знакомятся дети и взрослые.

После таких встреч ребятам ближе хочется познакомиться с этим замечательным инструментом и немного окунуться в жизнь своих дедов и прадедов.

Наталья СЕРГЕЕВА,
Елена ГОРШКОВА

Нерехтские рожечники. Кострома. Фото 1986 г.

ПРАЗДНИКИ С "РОСИНКОЙ"

25 лет назад в 1975 году в средней школе № 1 Нерехты девушки, которым была мила задушевная народная песня, собрались вместе и решили организовать ансамбль "Росинка".

Руководителем его стала учительница музыки этой школы — Мария Захаровна Кононова. Пели песни русские, песни местных композиторов на стихи своих же земляков. Изучали обряды, жизнь людей, живущих на земле костромской и нерехтской, водили хороводы, как водили их дедушки и бабушки, пели старинные песни...

А в 1982 году за поисковую работу по этнографии при подготовке I Всероссийского праздника школьников получили неожиданно первую путевку в пионерский лагерь "Орленок". Солистка ансамбля Елена Матвеева успешно выступила и вернулась с дипломом I степени.

Были и другие награды за творческую работу. Они лауреаты II Всесоюзного фестиваля народного творчества, дипломанты фестиваля "Живи родник", награждены дипломом газеты "Пионерская правда". А в 1988 году группа ребят из ансамбля награждена поездкой в Народную республику Польшу, где выступала и отдыхала в лагере для творческих коллективов.

"Росинке" было у кого учиться. Ребята часто встречались с творческими коллективами фольклорного ансамбля "Нерехтские рожечники", ансамблем "Меряне", с местными композиторами — Ананием Васильевичем Громовым и Николаем Дмитриевичем Оладовым.

С 1990 года ансамбль работает при Дворце культуры "Юбилейный", в репертуаре его колядки, заклички, хороводные песни. Совместно с детским оркестром русских народных инструментов "Забава", которым руководит Николай Александрович Хлестов, коллектив много выступает. Самый любимый зритель — это ветераны войны и труда города и района. Были концерты для туристов из США, для жителей города Ярославля, Костромы, села Красного и Волгореченска. Ансамбль принял участие в праздновании 850-летия города Москвы, стал участником телепередач "С утра пораньше", "Марафон-15", "Спокойной ночи, малыши", "Вести".

Ансамбль "Росинка". Фото 1999 г.

В мае 1994 года солистка ансамбля Маша Леонтьева и оркестр русских народных инструментов "Забава" приглашены были принять участие в передаче "Северная корона" в городе Москве, где выступали в течение 30 минут в прямом эфире.

В 1995 году в коллектив приходит хореограф Соколова Елена Александровна. В репертуаре его появляются кадрили, исполнявшиеся здесь когда-то, — Иголкинская, Федоровская, Вохомская, другие народные танцы.

Летом 1998 года коллектив был приглашен для участия в культурной программе Всемирных юношеских спортивных игр. И снова победа. А на следующий год ансамбль стал лауреатом областного фестиваля-конкурса детских и юношеских хореографических коллективов, посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, и награжден дипломами фестиваля "Дети — будущее России" города Москвы.

В этом году "Росинке" исполняется 25 лет. Сколько же души, терпения, таланта, вдохновения вложила в своих ребят руководитель его Мария Захаровна Кононова! Благодаря энтузиазму этого человека, коллектив растет, обретая неповторимость творческого облика. Подрастает и подает надежды младшая группа ансамбля; малыши уже успели полюбить этот фольклорный жанр: потешки, прибаутки, заклички, колядки, песни прабабушек — и с успехом начали свои выступления.

Творческого долголетия, вдохновения, больших и ярких праздников, благодарных зрителей тебе, "Росинка", и спасибо за то, что ты учишь нас чувствовать и понимать русские традиции.

Светлана МИХЕЕВА,
художественный руководитель
ДК "Юбилейный".

"ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЧЕ ПАХОМИЕ, МОЛИ БОГА О НАС"

Преподобный Пахомий Нерехтский.

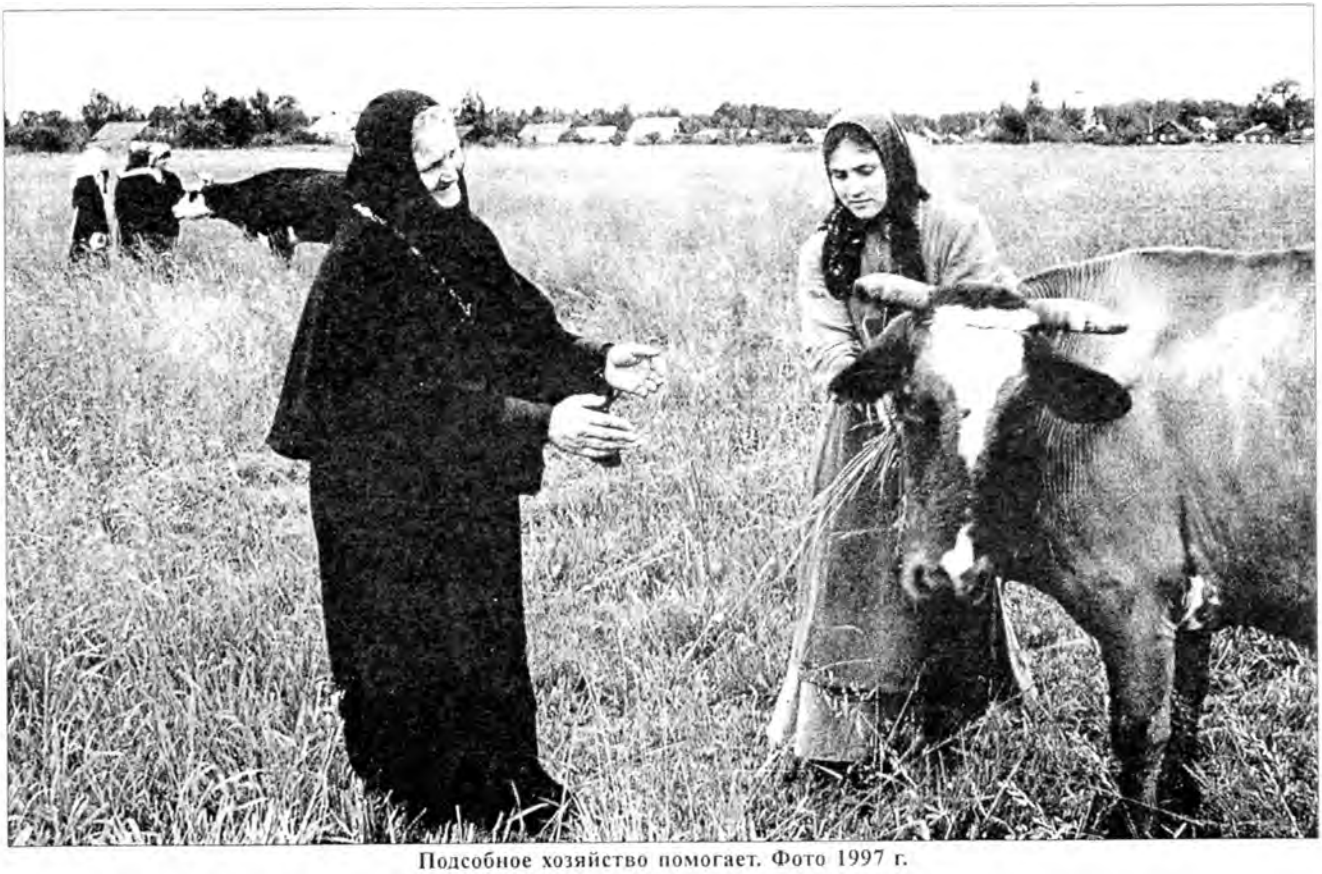
22 декабря 1992 г. в день празднования иконы Божией Матери "Нечаянная Радость" было принято Священным Синодом постановление об открытии вновь близ Нерехты Троице-Сыпанова Пахомиево-Нерехтского женского монастыря. Сам преподобный Пахомий благословил это место для служения Богу и Истине. Так и вышло по благословению: женский монастырь возродился. Свято место пусто не бывает. Груды битого кирпича и мусора колхозных складов, размещавшихся до этого в стенах Сыпанова, монастырские сестры своими руками вычистили и превозмогли все тяжкие труды по возрождению обители: носили бревна, строительный раствор, красили, штукатурили, белили, осваивали выделенные под огород и пастбища земли, строили трехэтажный жилой корпус. И неустанно молились. Матушка Алексия, настоятельница монастыря, – душа этих великих подвижнических трудов.

Сестры обители, прихожане храма преподобного Пахомия получают здесь утешение и помощь, превозмогают душевную скорбь, исцеляются от недугов, с верой и молитвой трижды поднявшись по святой Пахомиевой горке.

На звонице. Фото 1997 г.

Матушка Алексия с сестрами. Фото 1997 г.

Троице-Сыпанов монастырь. Фото 1997 г.



Подсобное хозяйство помогает. Фото 1997 г.

Сыпаново

Из рукописной летописи. Составлено священником Троицкой церкви Сыпановой слободы Николаем Новосельским

Сыпанов монастырь, или, как он ещё назывался, Пахомиева пустынь, основан преподобным Пахомием, чудотворцем Нерехтским, в половине четырнадцатого столетия. В старинных рукописях Сыпанов монастырь назывался ещё "Сыпаново городище". Если слово "городище" происходит от слов: "город", "огород", "град" — и обозначает "крепость", обнесённую тыном или земляным валом и впоследствии оставленную жителями, то с большею вероятностью можно предполагать, что Сыпанов в глубокую древность был крепостью с "осыпью", оставленной обывателями, например, по причине разорения от неприятелей. Уже в половине четырнадцатого столетия преподобный Пахомий нашёл Сыпаново городище покрытым лесом. Ещё и доселе можно видеть следы земляных укреплений со стороны речки Гридевки. Притом, как известно, в старину земляные укрепления назывались "осыпью", каковое слово очень близко к слову "Сыпаново". В семнадцатом веке Сыпаново городище иногда называлось "Сыпановою горою". Все эти названия показывают, что монастырь расположен был на гористом месте, омываемом двумя реками — Гридевкою и Солоницею; конечно, местность, когда был цел лес, была очень живописна. Это-то красивое место и избрал преподобный Пахомий для своих подвигов, так как оно показалось ему "вельми красно".

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАХОМИЙ

Преподобный Пахомий родился в городе Владимире, что на Клязьме, от священника Никольской церкви в начале 14-го века. По смерти отца, на двенадцатом году своей жизни, принял ангельский образ в знаменитом Владимирском Рождественском монастыре. Безусловное послушание, строгая подвижническая жизнь и непрестанное упражнение в молитвах обратили на него внимание архимандрита-настоятеля, который и представил его как примерного монаха св. Алексию, епископу Владимирскому, прося рукоположить его в иеродиакона. В этом сане Пахомий находился до того времени, когда св. Алексий, уже митрополит Московский, посетил Владимир. В это время он в 15-ти верстах от города в 1360 году основал монастырь во имя благоверных царей Константина и Елены. Давно хорошо зная иеродиакона Пахомия, он поставил его во игумена новой основанной обители, конечно, посвятив в иеромонаха. Но новый настоятель, ища уединённых подвигов и тяготясь властью, скоро тайно покинул обитель. Пространствовав несколько времени по Владимирской и Костромской области, преподобный Пахомий, наконец, избрал себе место близ местечка Нерехта, именно при слиянии речки Гридевки с Солоницею, принадлежавшее нерехтчанам и покрытое густым лесом.* При первом же знакомстве с нерехтчанами преподобный Пахомий внушил к себе полное их доверие и любовь, которую они выразили ему тем, что с охотою помогли преподобному устроить на избранном им месте обитель во имя Живоначальной Троицы после того, как к нему стали собираться желающие под его руководством подвизаться в монашеском житии, и преподобный сам сходил в Москву к святителю Алексию за благословением и разрешением устроить новую обитель на Сыпанове. Из Москвы преподобный возвратился с грамотой на основание храма и антиминсом... Работа на Сыпанове закипела, и в этой работе по устройству храма, построенного между 1365-1378 гг., и прочих построек для братии принимал горячее участие личным трудом и сам угодник Божий Пахомий. Скоро

* В 1894 году посетил нашу церковь один фабрикант г. К., и он говорил, что у него есть старинная рукопись, в которой заключается подробное житие пр. Сергия Радонежского, а также и сведения об ученике его пр. Пахомии; между прочим, в ней говорится, что земля, на которой поселился пр. Пахомий — между Гридевкой и Солоницей, — была подарена ему женой в. князя Дмитрия Иоанновича для устроения монастыря в благодарность Богу за благополучное разрешение родов. Рукопись сию г. К. обещал автору доставить.

всё было заведено в новой обители, в её внутренней жизни по строгому уставу. Первым игуменом её был сам основатель, который и для братии был истинным образцом монаха и первым слугой для приходящих в обитель с различными нуждами, "душевными и телесными"... Послужив Богу, обители, братии и приходящим к нему с особенным усердием, преподобный игумен скончался в 1384 году марта 21 дня и был погребён братией при многочисленном стечении народа близ алтаря у правой стены Троицкой церкви. Последними словами умершего были слова, обращённые к окружающим его: "Братья, терпите беды и скорби, да на сем месте обретёте благодать от Бога"...

ФЕОДОР

По смерти преподобного Пахомия игуменом на Сыпанове был его любимый ученик Феодор, который, по желанию братии, был назначен игуменом-настоятелем над братией самим преподобным уже на смертном одре, при последнем прощании умирающего со своими учениками. Феодор пришёл к преподобному Пахомию на Сыпаново вскоре же, как только узнал, что он поселился близ Нерехты, уйдя из Цареконстантиновской обители; влекла к преподобному Пахомию Феодора строгая иноческая жизнь угодника, которую Феодор хорошо знал, живя вместе с Пахомием в Цареконстантиновской обители. В свою очередь и преподобный Пахомий любил своего первого послушника и заранее подготавливал его к настоятельской многотрудной должности, но всё-таки сам единолично не решился назначить его на эту должность, а предложил перед своей смертью всей братии избрать из своей среды "пастыря, могущего привести души их к Господу", и когда братия вся единогласно просила самого угодника назначить для них настоятеля, тогда уже он сам и назначил хорошо известного ему инока Феодора. В игуменство Феодора и было, по молитвенному ходатайству почившего игумена преподобного Пахомия, чудесное исцеление брата Иринарха от мучившего его "блудного беса"; а после этого события была сооружена над могилой преподобного гробница и написан был его образ исцелённым иноком Иринархом. Более сведений о времени игуменства Феодора не сохранилось; по всей вероятности, Феодор был переведён в настоятели в другой монастырь и там погребён, так как в Синодике Сыпановском он, как и другие игумены, не погребённые на Сыпанове, не упоминается.

В каком положении находился Сыпанов Пахомиев монастырь в 15-м и 16-м столетиях, сведе-

Рака преподобного Пахомия в Тронце-Сыпановом монастыре. Фото 1997 г.

ний не сохранилось, да и мудрено было остаться каким бы то ни было памятникам на Сыпанове от того времени. Во времена самозванцев, в начале 17-го столетия, поляки с русскими изменниками при нападении на Нерехту разграбили и сожгли и Сыпанов монастырь. Точный год этого несчастья для Сыпанова неизвестен, так как бунтовщики с поляками и литовцами не один раз бушевали близ Нерехты: то от Ростова, после того, как захватили в плен Ростовского митрополита Филарета, то от Шуи, когда в декабре 1613-го года поляки бродили и буйствовали в окрестностях Шуи, то от Костромы, после того, как в 1609-м году в июне месяце пан Лисовский, оттеснённый от Ярославля, нагорной стороной Волги с остатками своего войска пошёл к Костроме на помощь своим сообщникам, стеснённым в Костромском Ипатьевском монастыре. Более вероятно, что Нерехта и Сыпанов монастырь подверглись разграблению и сожжению именно в этот раз, так как большая дорога из Ярославля в Кострому лежала теперь на Нерехту и очень близко от монастыря, если только не на самое Сыпаново, как увидим ниже, под 1629-м годом. В то время у Сыпанова всего легче было иметь и удобный мост через реку Солоницу, так как Солоница под монастырём против всех мест уже, к тому же ещё была и насыпь для мельницы монастырской. Если ехать нынешней большой дорогой от Нерехты в Кострому, то в то время, в начале 17-го столетия, Солоницу надо было переезжать в двух местах: теперешнюю Солоницу — под Тетеринским бором и на Глушке, которая в то время составляла значительную реку, как это видно из описания привезения чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери в Нерехту в 1634-м году рекою Солоницею под деревню Пятино, где в память сего события и доселе на Глушке стоит каменная часовня. По причине именно этих-то злосчастных для Сыпанова событий и не сохранилось сведений письменных или других каких-либо памятников, которые передали бы нам историю Сыпанова монастыря и жизнь игуменов после Феодора именно за целые два века — 15-й и 16-й.

В Сыпановском Синодике, писанном в начале 17-го века, значится: "Игумены, которые погребены в Сыпанове монастыре: Помяни Господи души раб Своих: "Преподобного отца нашего игумена Пахомия, игумена Ионы, игумена Дионисия, игумена Геннадия, игумена Димитрия, игумена Адриана, игумена Досифея, игумена Михайла, игумена Павла, игумена Варлаама, игумена Ермогена, игумена Савватия, игумена Макария, игумена-монаха Матфея, игумена Харлампия, игумена Дорофея, игумена Филарета, игумена Иоакима, игумена Логина, игумена Ионы"...

Игумены, о которых сохранились сведения, например, Феодор — преемник преподобного Пахомия, Макарий, Паисий и другие, пропущены в Сыпановском Синодике, потому что таковые погребены не на Сыпанове, а были переведены в другие монастыри, где и скончались.

ХАРЛАМПИЙ

После строителя старца Георгия Одинцова, переведённого в келаря Владимирского Рождественского монастыря, игуменом в Сыпанов монастырь был назначен Харлампий, который начал управлять монастырём не позже 1669-го года.

Самым важным памятником настоятельства Харлампиева на Сыпанове доныне сохранилась без всяких наружных изменений каменная настоящая холодная церковь во имя Живоначальной Троицы. Правой рукой, пожалуй, можно сказать душою всех построек на Сыпанове у Харлампия был его казначей старец Игнатий, который упоминался казначеем на Сыпанове ещё в 1661-м году. Часто бывая в Москве, Игнатий имел там связи и знакомство при дворе царя, у многих царедворцев пользовался любовью и уважением и был даже у некоторых из них духовником; духовным сыном старца Игнатия был и любимец, приближённый царя Алексея Михайловича князь Никита Иванович Одоевский. У сего последнего близ Нерехты в то время были вотчины, как-то: село Емсна, в 10-ти верстах от Нерехты, п. Неверово, ныне деревня Костромского уезда, тоже в 10 верстах; в Неверове в то время был у Одоевского и барский дом.

Ко времени игуменства Харлампия древняя деревянная соборная церковь на Сыпанове пришла в окончательную ветхость, так что в ней уже опасно было и служить. Игумен и казначей были весьма озабочены устройством новой каменной церкви и других построек в монастыре, тоже пришедших в ветхость, и для этой цели начали заготавливать материал и изыскивать денежные средства от благотворителей. Заготовив прежде всего для церкви триста тысяч кирпича, игумен Харлампий со старцем Игнатием решили за денежными средствами обратиться прежде всего к своим Московским благотворителям. Отправляясь в Москву, игумен и казначей заручились между прочим и рекомендательным письмом от Костромского иконы Феодоровской Богородицы собора протоиерея о. Сергия Савиновича, у которого в Москве в Благовещенском соборе, что вверху у Государя на сенях, был протоиереем и духовником Царя Алексея Михайловича родной

брат о. Андрей Савинович; сего-то последнего Харлампи. явившись в Москву с письмом в 1674 году, и просил ходатайствовать пред Государем о милости царёвой на устройство на Сыпанове храма. Вследствие этого ходатайства, помимо денежной жертвы, Царь Алексей Михайлович пожаловал на устройство храма еще три оконницы и тридцать шесть прутьев для железных решеток, каковые сохранены и доныне. При богатой помощи, привезенной игуменом Харлампием из Москвы от Государя и благотворителей, весной 1675 года начали постройку каменной церкви — во имя Живоначальной Троицы на месте старой деревянной. Когда стали рыть бут под алтарь Троицкой церкви 5 мая 1675 года, тогда найдено было тело преподобного Пахомия нетленным. Конечно, о такой дорогой находке доведено было до сведения царя и патриарха Иоакима, так как Костромская область в то время была в непосредственной зависимости от всероссийского патриарха и составляла патриаршую область. С благословения патриарха тогда же, в одну связь с начавшей строиться Троицкой церковью, была заложена на Сыпанове и церковь в честь и имя преподобного Пахомия, "еже на Нерехте", и в церкви устроена каменная гробница, на которую и возложена была икона преподобного Пахомия, привезенная из Москвы игуменом. (...) Соборная Троицкая церковь на другой год (1676) в августе месяце вчернь готова.... На северной паперти сей церкви сохранилась (трудно уже разобрать) о постройке церкви звязными буквами писанная надпись, которая гласит: "Во славу Единосущной и Неразделенной Троицы заложена сия св. церковь лета 7183, на самый праздник Живоначальной Троицы, Мая в 23 день на память преподобного отца нашего и исповедника Михаила Синадскаго при Государе, Царе и Великом князе Алексее Михайловиче всея России, при патриархе Иакиме, и обрели мощи преподобного Пахомия Мая в пятый день, на память святой мученицы Ирины, совершена церковь в 184 году, месяца Августа в 10 день, на память священномученика Лаврентия, и освящена сия соборная церковь во имя Пресвятой Троицы в 187 году, Октября в 6 день, на память св. апостола Фомы, при игумене Харлампие". Из монастырских бумаг не сохранилось до нашего времени ни одной, из которой бы видны были все благодеяния и жертвы боголюбивого царя тишайшего Алексея Михайловича к новосозданному храму на Сыпанове, кроме как того, что все местные иконы, включая в то число и деисус, были жертвованы самим царем. Иконы сии были писаны из дома царедворца и очень близкого боярина царского князя Никиты Ивановича Одоевского его дворовыми людьми при руководстве царского иконописца Феодора Устюженина, который, как видно из письма князя Одоевского к Сыпановскому казначею старцу Игнатию, "иконы заменил сам"... Бояре царские, по примеру своего государя, тоже сделали значительные жертвы в новосозданный храм на Сыпанове: кто взял на себя обязательство возложить от своего усердия кресты на церковь, кто шил облачения, кто жертвовал утварью или же деньгами, так что Сыпанов монастырь со своей братией начал переживать светлые дни и спешно превращался из бедного, не однажды разоренного в довольно достаточный...

После же устройства на Сыпанове храма в честь и имя преподобного Пахомия, Нерехтского чудотворца, почитание сего последнего ещё более расширилось. Слава о чудесах от раки преподобного распространялась быстро, и угодника Божьего хорошо уже знала вся область Костромская...

Таким образом, при деятельных игумене и казначее и при стекавшихся от многих пожертвованиях Сыпанов монастырь совершенно был устроен весь заново. Значительные жертвы от благотворителей дали возможность игумену и его помощнику скоро уже устроить и каменную колокольню, между колокольней и церковью — каменные игуменские кельи; по устройству колокольни в сентябре 1683-го года была устроена и каменная хлебопекарня, да и сама каменная ограда со святыми воротами и башнями, с большой вероятностью можно предполагать, устроены тоже около этого времени. От времени игуменства Харлампия на колокольне и доселе висит колокол. отлитый в марте 1680-го года, весом в 38-м пудов...

В 1686-м году игумен Харлампий лишился своего помощника, своей правой руки, энергичного казначея старца Игнатия, который патриаршей грамотой осенью 1686-го года был переведён из Сыпанова в Горицкий Переяславский-Залесский мужской монастырь в казначеи. С уходом Игнатия, можно сказать, почти закончились и постройки на Сыпанове в игуменство Харлампия. Игумен Харлампий в 7190 и 7191 гг. упоминается заведующим Нерехтской духовной десятины и Нерехтским десятильничьим двором, находившимся в то время на Сыпанове...

Так кончилось плодотворное двадцатилетнее настоятельствование игумена Харлампия в Пахомиевой пустыни. (...)

Костромские Епархиальные Ведомости. Кострома. 1896 год. № 16.

Лариса КОВАЛЕВА

"...ЧТОБЫ НА ПОСАДЕ ВОРОВСТВА НЕ БЫЛО"

Из истории Нерехтского уезда

В 1212 году умер князь Всеволод Великий и началась усобица сыновей его. Во время этих событий старший сын Всеволода, Константин, недовольный решением отца передать старшинство Юрию Всеволодовичу, отнял у него Солигалич, пожег Кострому. Нерехта, входившая в удел Ярослава Всеволодовича, также не избежала бедствий. Константин отнял ее у Ярослава, но потом, видя объединенную силу Юрия и Ярослава, помирился с ними. Нерехта вернулась к законному князю. (1)

В 1406 году великий князь Василий Дмитриевич отказал по духовному завещанию супруге своей Софье Витовтовне вместе с другими городами и селам и из костромских великокняжеских волостей Иледам с Обнорою, Комелою и Волочком, Нерехту с варницами, бортниками, бобровниками и Княгининым селом. (2)

В 1505 году умер великий князь Иоанн III. Волости, которыми он владел, были поделены по завещанию между пятью его сыновьями. Более половины земель досталось старшему сыну, Василию. Всего 66 городов, в их числе Кострома с Плесом, Нерехта, Иледам, Галич с Солью, Унжа и Чухлома. (3) Иоанн IV Грозный также передал эти земли своему сыну Федору.

Позже Нерехта входила в состав древнего Костромского уезда, делившегося на волости и станы. После образования Костромского наместничества, в 1778 году, некоторые из них составили территорию Нерехтского уезда. Названия их таковы: Владычня волость, Емецкая волость, Нерехтская и Сидоровская волости, Плесский стан.

В 158б году в грамоте царя Федора Иоанновича упоминалась волость Владычня. Грамотой этой велено было вступающим в брак в волости Владычне брать венечные памяти (4) у протопопа костромского Успенского собора. (5) Молодоженам волости Емена предписывалось обращаться за тем же к протопопу костромского Феодоростратилатовского собора.

В Емецкой волости и стане в начале XVIII века упоминались села: Ильинское на Шаче, Михайловское на Шаче, Арменки, Марьинское, Пирогово, в XVII веке — село Кочурово. Емена (Борисоглебское тож) в 1628 году принадлежало боярину Федору Ивановичу Шереметеву, затем князьям Никите Ивановичу Одоевскому и Алексею Михайловичу Черкасскому, Дмитрию Николаевичу Шереметеву. В конце XV века Николаевская церковь в селе Емене была освобождена от пошлин, а причт ее — от суда и въезда костромских десятников.

В 1693 году в Емецкой волости находились пустоши Севрюгина, Ченцы, Подольская, Михалево, принадлежавшие Авдотье Аминевой и отказанные за ее жениха Якова Степановича Алалыкина. Ему же отошли несколько пустошей, расположенных в Плесском стане. (7) Свидетельством о том, кто владел землями и крестьянами, являются отказные книги, часть которых сохранилась в фондах костромского архива.

Существовала и собственно Нерехтская волость Костромского уезда Нагорной половины. В XV веке она принадлежала великой княгине Марье Ярославовне, жене Василия Темного. Имел здесь владения и Троицкий Сергиев монастырь. В волости находились села Тетеринское, Федоровское, Есипово, Княгинино, Кизликово и другие деревни, пустоши и починки. (8)

Позже земли были розданы в вотчинное и поместное владение многим хозяевам.

В 1693 году пустоши Новоселки (Техтино тож), Коровина, Горлова, Малые и Большие Балахолки от Михаила Ванифатьевича Ягнетева перешли к Григорию Артемьевичу Кудрину. (9)

В Сидоровской волости Костромского уезда Луговой половины находились деревни Нарядово, Гузново, Михалево, принадлежавшие помещикам Строевым. (10) Неподалеку владели поместьями и вотчинами дворяне Овцыны.

Во времена царя Алексея Михайловича посад Нерехта управлялся присланным из Москвы воеводою. Таким в 1660-х годах был воевода Семен Волков, получивший при вступлении в должность подробный наказ. Велено ему было "смотреть накрепко, чтобы в Нерехте на посаде никакого воровства не было (...). А для государевых дел посадским лучшим людем велети к себе приходити и советовати с ними, смотря по тамошнему делу. А разбойников и татей имать, сажать их в тюрьму, и об них писати на Кострому, и отдавати их костромским губным старостам." Да надобно было следить Семену Волкову, чтобы самовольно вина и пива по дворам не варили и тем самым не

отнимали доходную статью государева бюджета. Напоминалось также в наказе, что воевода должен прежде всего "посадских людей от тутошних и сторонних, от всяких проезжих людей и от таможенных голов, и от откупщиков, и от посланников, от продажи и от убийства, и от грабежей, и от всякого насильства беречи накрепко."

В начале XVIII века, во время административно-территориальных преобразований Петра I, Нерехта со статусом пригородка вошла в состав Костромской провинции Московской губернии.

Есть свидетельство, что одним из нерехтских помещиков был Александр Данилович Меньшиков. Для того чтобы земли, проданные, отказанные по завещанию или данные в приданое, перешли во владение нового хозяина официально, на место посылался подьячий сыскных дел с понятыми. Они должны были переписать деревни и пустоши, перемерять и оценить качество земли. При заключительной процедуре отказа присутствовали "окольные люди". Чаще всего доверенные люди, крестьяне соседских помещиков. При отказе в 1696 году за Михаила Григорьевича Овцына деревень и пустошей в Нерехтской и Сидоровской волостях был "сержанта Александра Данилова сына Меньшикова сельца Галицына человек его Павел Борисов". Значит, и самый богатый впоследствии в России человек, светлейший князь и соратник Петра I, имел владения вблизи Нерехты. (11)

При внуке Петра Великого Петре II все имущество Александра Даниловича было отобрано, а сам он с семейством, в том числе с несостоявшейся невестой молодого царя — Марией Александровной, был отправлен в ссылку.

Указы по различным вопросам на Нерехту шли из Костромской провинциальной канцелярии от обер-коменданта, ландрата, комиссара. Костромским же властям они посылались из приказов или Московской губернской канцелярии.

В 1712 году костромскому надзирателю Андрею Стоянову пришел указ

великого государя Петра Алексеевича о строительстве таможни в селе Середа Упино. Была составлена смета на материалы и оплату работным людям и плотникам. Всего требовалось сорок четыре рубля двадцать восемь алтын четыре деньги. В декабре того же года пришел указ, запрещающий строительство таможни на государственные средства, так как таможенные сборы отдали на откуп. И те откупщики и должны были позаботится о помещении. Январский 1713 года указ предписывал Андрею Стоянову: "Которое строение ныне построено, о том для ведома писать тебе в ратушу, и которое строение не построено, и того строения против сметной и ценовной росписи не строить." (12)

Село Середа находилось в 42 верстах от Нерехты. Позже было центром Середской волости. Уже в начале X1X века стал развиваться здесь ткацкий промысел. В 1871 году середский священник сообщал губернскому статистическому комитету, что "крестьяне богатые занимаются точею миткаля, косынок и прочего своими семействами, раздают еще бумажную пряжу в основах бедным, которые на них и работают". (13) Во второй половине X1X века вблизи села появились бумаготкацкие и бумагопрядильные фабрики. В 1907 году в нем насчитывалось 125 дворов, в которых проживало более 500 человек." (14)

Неподалеку располагалось еще одно богатое село — Писцово. Уже в XVII веке часть его жителей уходила на заработки.

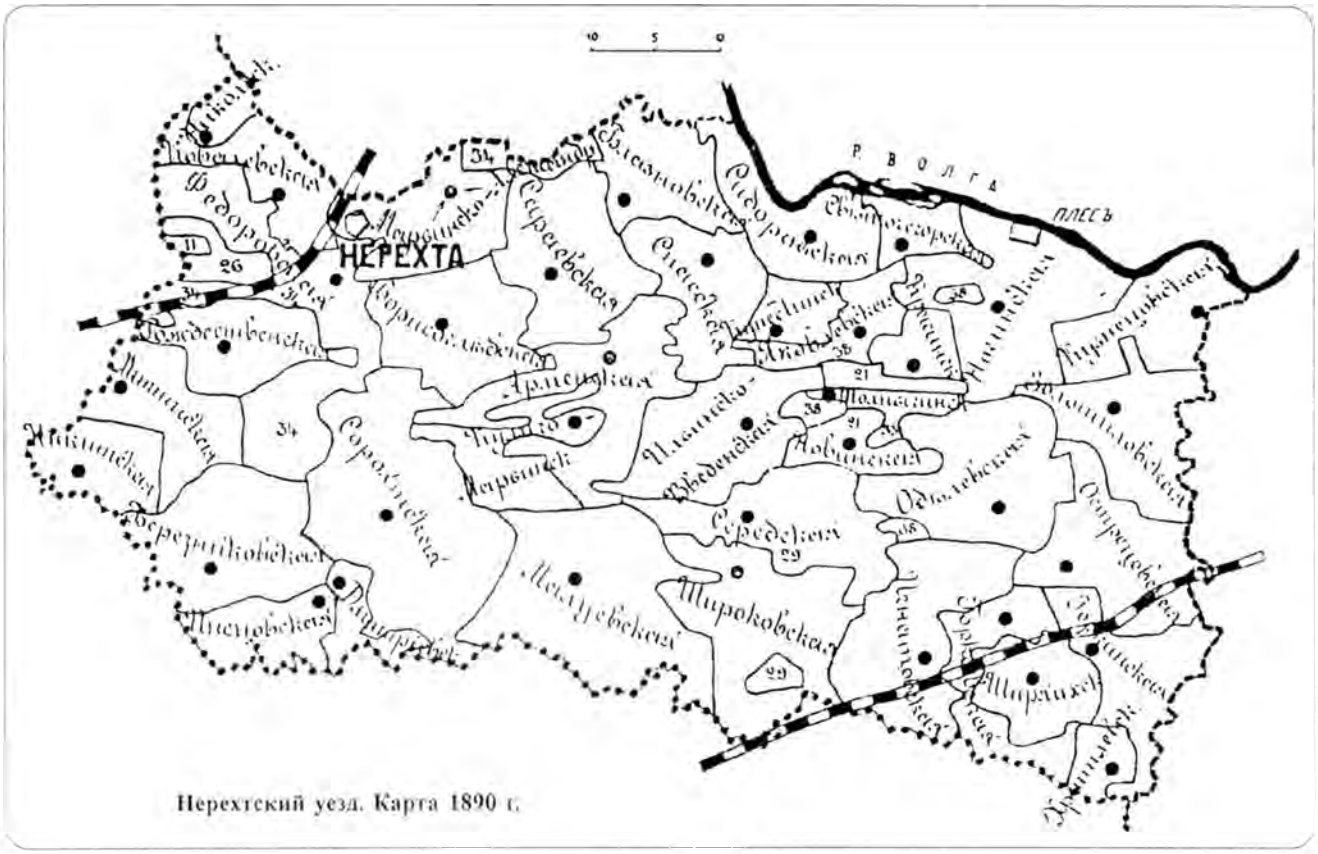
В начале XVIII века в Нерехте и селе Писцове находились конские площадки — места, отведенные для продажи лошадей. В 1716 году они были отданы на откуп стряпчему конюху Андрею Колошину. Откуп этот заключался в сборе хомутного оброка и получении средств от найма извозчиков. Откупщик должен был вносить в казну определенную сумму, излишки от этой суммы поступали в его личную собственность. Но бывало и так, что откупщик "забывал" передавать деньги в казну. Что, вероятно, и произошло с упомянутым Андреем Калошиным.

"Да и по отписке нерехтских бурмистров показано на него Калошина, что он уездным всяких чинов людем чинит великие налоги и обиды. Отчего же на кружечном дворе и в таможне чинится недосбор немалой. Того ради и ко учинению ему, Калошину, указу о тех обидах и налогах велено прислать им, бурмистрам, сущее обличение к Москве вскорости. А вышеозначенные сборы конской площадки и хомутные, как и в других пристойных местах сбирать нерехчанам за выбором на вере. (...) А ежели учинят недобор, и тот недобор доправлен будет на всех нерехоцких посацких людех."

Такой вот указ пришел из Московской губернской канцелярии на Кострому 11 января 1717 года ландрату Семену Федоровичу Бредихину, в долю которого входил и пригородок Нерехта. А прислан был этот указ из Москвы с нерехтчанином Степаном Князевым. (15)

По генералитетной переписи 1738 года к Нерехте было приписано 58 978 человек. (16)

Указом от 5 сентября 1778 года "Об учреждении Костром-



Нерехтский уезд. Карта 1890 г.

ского наместничества" в составе Костромской провинции был образован Нерехтский уезд. В 1796 году при образовании Костромской губернии он также стал одним из ее уездов. Тогда же, в 1778 году, был создан

Плесский уезд Костромской провинции. Но просуществовал он недолго и был отменен указом от 12 декабря 1796 г. Город Плес в качестве заштатного тогда вошел в состав Нерехтского уезда.

При образовании Нерехтского уезда в нем, как и в прочих, были созданы все необходимые уездному городу учреждения: уездный суд, дворянская опека, уездное казначейство. Кроме того, здесь были городовой магистрат, духовное правление и другие учреждения. Некоторые из них за недостатком помещений были расположены в Сыпановом монастыре.

В 1832 году протоиерей нерехтского Казанского собора Петр Высотский представил епископу Костромскому и Галичскому рапорт, в котором содержится краткая история монастыря, составленная им по подлинным документам.

"(...) Звание монастыря, по местности, различными обозначалось наименованиями, а именно: просто Тороицкой Сыпанов монастырь, Живоначальныя Троицы, что на Сыпанове горе монастырь, Троицы Сыпанова городища монастырь, Троицкой Сыпанов Пахомиевой пустыни монастырь, и неизвестно почему, долгое время писался Сыпановым монастырем Пречистыя Богородицы. (...)

Монастырь Сыпанов при небольшом количестве заведываемых им крестьянских душ, коих и в последние времена бытности его было не более 50 душ, но хорошо обзаведен не только деревянным, но каменным строением. Имел издревле Писцовую водяную мельницу, довольно скота и всякого рода угодьев, да сверх того в монастырской козне пять государственных и шесть патриарших жалованных грамот. Сыпанов монастырь еще в 1738 году считался в числе пяти лучших по Костромской епархии монастырей." (17)

В Нерехтском уезде имел поместье костромской губернатор действительный статский советник Александр Приклонский, принимавший государя императора Николая Павловича во время его путешествия по России в 1834 году. Император остался доволен деятельностью Приклонского. Л. Скворцов в "Материалах по истории города Костромы" пишет: "9 октября утром, около 9 часов, по выходе из внутренних покоев, милостиво поздоровавшись с губернатором Приклонским, подозвал к себе графа Бенкендорфа и сказал ему: "Скажи Позену (правите-

лю походной государевой канцелярии), чтобы он вручил губернатору орден прежде, чем он выйдет из этого дома". (...) Позен ... поднес Приклонскому рескрипт и орден св. Владимира III степени."

Приклонский не чужд был изучения истории. Так он сделал замечания в рукописи князя Козловского "Взгляд на историю Костромы". Об этом пишет Николай Коробицын, член Костромской государственной ученой архивной комиссии.

Именно при этом губернаторе начала осуществляться идея сооружения памятника Ивану Сусанину, открытого в 1851 году.

В 1838 году Приклонский приобрел в Нерехтском уезде 2 деревни, о вводе во владение которыми осталось дело Нерехтского уездного суда. Вот выписка из него: "Лета 1838 года февраля в 24 день я, надворный советник и кавалер Александр Степанович Карцов продал его превосходительству господину деиствительному статскому советнику и кавалеру Александру Григорьевичу Приклонскому крепостное свое недвижимое имение с крестьянами (...), состоящее Костромской губернии Нерехтской округи в деревне Ряполове шестнадцать и Клементьеве шесть, а всего 22 ревизских мужеска пола души с женами их и дочерьми и прирожденными от них после ревизии обоего пола детьми и внучатами, приемышами, подкидышами и со всеми их семействами без раздробления, с их крестьянским разного рода имуществом и землею, птицею, хлебом наличным, и в землю посеянным, с пашенною и непашенною, лесною и сенокосною землею". (18)

Площадь Нерехтского уезда составляла около 3,5 тыс. кв. верст. В начале XX века здесь проживало 179,6 тыс. человек. Это был фабричный район. Поэтому плотность населения 51,8 человек на кв. версту — одна из самых больших в губернии. В уезде было 2 города (Нерехта и Плес), 2 слободы, 134 села, 862 деревни, 48 селец, 7 отдельно стоящих усадеб (остальные относились к селам или деревням). В 1907 г. здесь насчитывалось 635 промышленных предприятий, в основном, конечно, небольших.

Уезд занимал значительную площадь. Чтобы добраться до Нерехты-города, иному крестьянину приходилось преодолевать сотню верст.

Кроме земледелия и работы на ткацких фабриках, население уезда занималось кустарными промыслами: плотничьим, столярным, штукатурным. Кроме того, валяли сапоги, изготавливали телеги, колеса, сани, плели корзины, обжигали горшки.

В Сидоровской волости был развит ювелирный промысел.

До 1918 г. уезд состоял из 37 волостей: Арменской, Березниковской, Блазновской, Борисоглебской, Горкинской, Горковской, Дмитриевской, Золотиловской, Игнатовской, Ильинско-Введенской, Ковалевской, Красинской, Кузнецовской, Кулиго-Марьинской, Кунестинской, Малуевской, Марьинско-Александровской, Митинской, Никитской, Никольской, Новинской, Ногинской, Оделевской, Острецовской, Писцовской, Рождественской, Сараевской, Светочегорской, Середской, Сидоровской, Сорохтской, Спасской, Толлыгинской, Федоровской, Хрипилевской, Широковской, Ширяихской, Яковлевской.

Когда в 1918 году постановлением III съезда Советов была образована Иваново-Вознесенская губерния, в нее из Костромской вместе с Кинешемским и Юрьевецким уездами отошла и часть Нерехтского уезда. Это были наиболее развитые в промышленном отношении волости: Середская, Малуевская, Ильинско-Введенская, Ногинская, Оделевская, Золотиловская, Березниковская, Писцовская, Широковская, Дмитриевская, Плесская, Горкинская, Острецовская, Яковлевская, Игнатьевская, Сорохтская, Красинская, Кузнецовская, Новинская, Ширяхтская и Горьковская.

В 1923 г. число волостей в уезде сократилось до шести. В 1928 г. уезд был упразднен. Митинская, Тетеринская, Федоровская волости составили Нерехтский район, Арменская, Сараевская и часть Сидоровской волости — Арменский район, часть Сидоровской волости вошла в состав Красносельского района. Но это уже другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 607.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 462.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. С. 368.
4. Венечная память — документ об уплате венечных пошлин
5. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Кострома. 1909. С. 9.
6. Там же. С. 14.
7. ГАКО. Коллекция документов XVII-XVIII веков. Д. 80.
8. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Кострома. 1909. С. 38.
9. ГАКО. Коллекция документов XVII-XVIII веков. Д. 83.
10. ГАКО. Коллекция документов XVII-XVIII веков. Д. 84.
11. ГАКО. Коллекция документов XVII-XVIII веков. Д. 86
12. ГАКО. Коллекция документов XVII-XVIII веков. Д. 19.
13. ГАКО. Ф.161. (Губернский статистический комитет) Оп. 1. Д. 246. Л. Л. 230.
14. Список населенных мест Костромской губернии по сведениям 1907 г. Кострома. 1908.
15. ГАКО. Коллекция документов XVII-XVIII веков. Д. 17.
16. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. С. 702.
17. ГАКО. Ф. 130. (Костромская духовная консистория) Оп. 6 доп. Д 18.
18. ГАКО. Ф. 90. (Нерехтский уездный суд) Оп. 1. Д. 816.

"СОДЕРЖИТСЯ ДОВОЛЬНО ЧИСТО"

"(...) город содержится довольно чисто и опрятно, сравнительно с прежними годами, благодаря энергии уездного врача Соколова, который совместно с полицией, особенно ввиду ветлянской эпидемии нынешнего года, настойчиво преследовал жителей за неопрятность. Осматривались ими не только торговые заведения, но и дворы городских жителей, из которых многие переданы были суду мирового судьи.

В городе Нерехте осмотрены были лавки, гостиницы, трактирные заведения и постоялые дворы.

Мелочная лавочка мещанина Мазаева содержится довольно чисто.

Мясная лавка купца Николая Васильевича Корягина содержится не чисто — стол для мяса, чурбан, на коем рубят говядину, грязный и гнилой.

Мясная лавка купца Мешалина содержится также неопрятно — полы гнилы и грязны.

Мясная лавочка Николая Михайловича Брюханова содержится довольно чисто.

Мясные лавки помещаются в ветхом деревянном здании, принадлежащем городу, вместо которых предположено Думою устроить новые.

Гостиница купца Макара Савельева содержится неопрятно: медная посуда давно нелужена, чайная посуда нечиста, полы грязны, отхожие места грязны и улиты мочей, помойная яма с гнилыми срубами, издает сильное зловоние, т.к. она неприкрыта и мелка. Предложено исправить в трехнедельный срок и наблюсти за этим полицейскому надзирателю г. Нерехты.

Трактирное заведение купца Никанора Солоникова содержится довольно опрятно. Предложено содержателю вылудить посуду и прикрыть помойную яму.

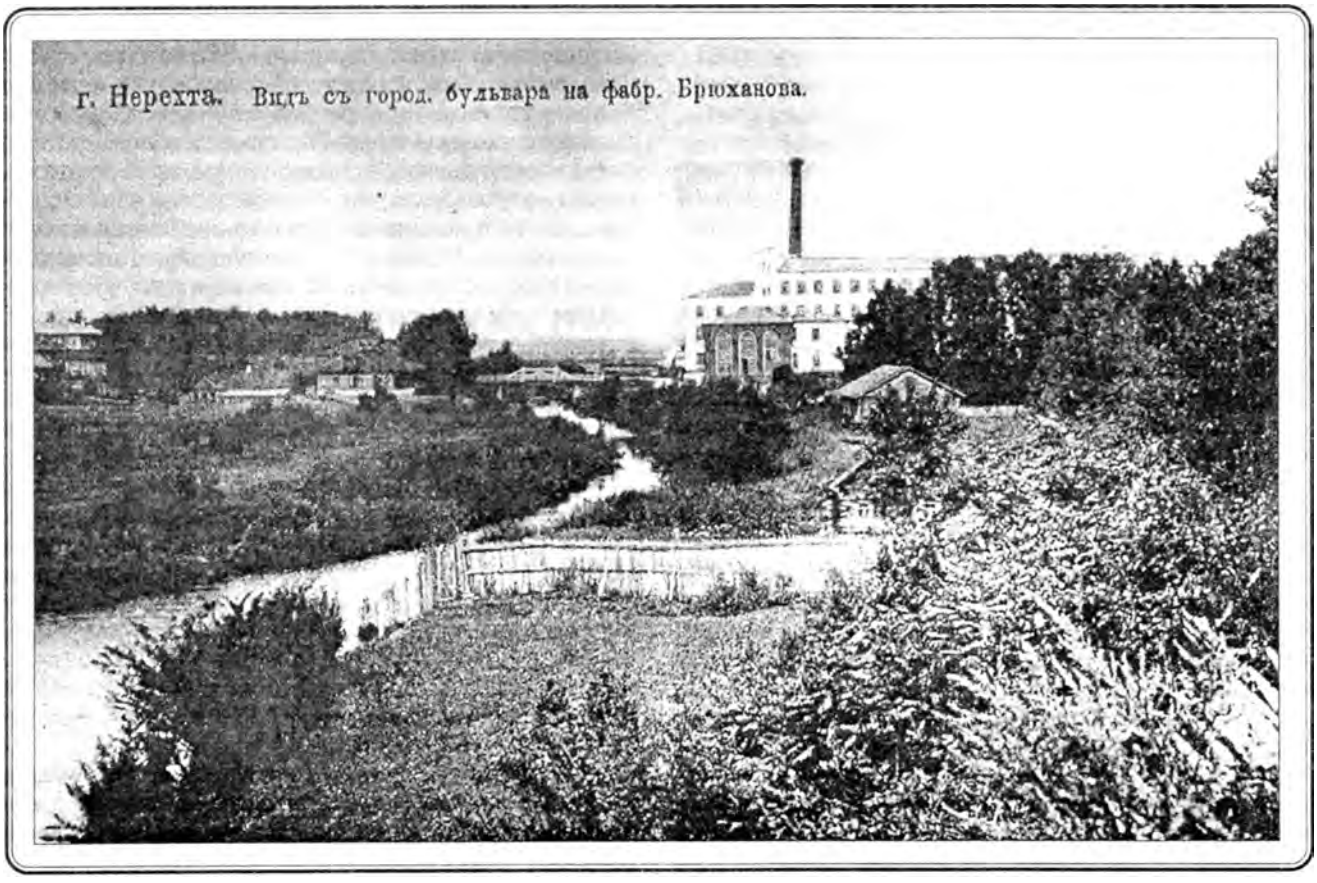
Гостиница "Европа" купца Говорова содержится довольно опрятно. Помойной ямы нет. Чаны с водой стоят на улице рядом с выгребной ямой.

Постоялые дворы содержатся опрятно, особенно у купца Пащинина".

Материалы по санитарному делу Костромской губернии. Собраны М.А. Невским. Кострома, 1883.

НАВОДНЕНИЕ В НЕРЕХТЕ

"В ночь на 5 сего апреля произошло неожиданное наводнение. Речка Нерехта, протекающая среди города и представляющая из себя в летнюю пору простой ручей, вдруг разлилась так широко, что затопила всю низменную часть города: дворы, подвалы, мясные ряды и близ расположенные обитаемые дома жителей, которые едва спаслись на чердаках и печах; при этом водою и льдом было унесено много заборов, дров около 100 саженей и др. движимого имущества. Напор воды и льда был так силен, что значительно повредил новый городской мост, а стоявший перед



ним ледорез совсем вырвал и унес, так что некоторое время сильно опасались за целость самого моста. Такой воды не бывало здесь более 15 лет, почему никто не был приготовлен и захвачен был наводнением врасплох.

Вслед за рекой Нерехтой так же широко, сравнительно с прошлыми годами, разлилась и река Солоница, в которую впадает за городом река Нерехта. Река Солоница протекает по большей части Нерехтского уезда и впадает в реку Волгу близ Николо-Бабаевского монастыря. Ею омываются луга многих селений, и в весеннее время в ней ловится много разной рыбы, которая заходит из Волги. Нынешний разлив поэтому обещает обильный сенокос и хороший улов рыбы, что оживило надежды прибрежных крестьян, которые в прошлом году по случаю малого разлива этой реки терпели значительные недочеты в своем хозяйстве..."

Костромской листок. 1901 г., 13 апреля.

УДОВОЛЬСТВИЕ ДЛЯ ОБЫВАТЕЛЯ

"Обилием праздничных удовольствий нерехтский обыватель не может похвастаться, так что нужно быть очень благодарным любителям за устройство 6 апреля спектакля. Исполненные ими пьесы "Через край" и "Ночное" прошли с выдающимся успехом и оставили очень приятное впечатление. Из исполнителей нельзя не отметить В.А. Симонова, выступившего в главной роли отставного штаб-ротмистра Пылаева, и Н.Ф. Тарутина в роли чиновника Мухина; безукоризненна была и К.Н. Панова в роли Тополевой, сбор со спектакля предназначался на устройство народного дома в г. Нерехте, в учреждении которого здесь чувствуется первая необходимость."

Костромской листок. 1901 г., 18 апреля.

ВОЛЬНЫЕ ПОЖАРНИКИ

"В городе Нерехте начинает функционировать новое общество — вольное пожарное, устав которого на днях утвержден правительством. 20 января в здании городской управы происходило третье его собрание, на котором постановлено просить костромскую губернскую земскую управу об отпуске безвозмездно пожарной машины. Затем были произведены выборы в начальники команды вместо отказавшегося от этой обязанности господина Комарова-Лаврентьева. Большинством голосов выбран дворянин Николай Николаевич Попов.

Нерехтчане относятся с живым интересом ко вновь учрежденному обществу. Только вот относительно оборудования необходимым инвентарем пожарного общества дело идет туго, так что нельзя не быть благодарным вновь избранному начальнику команды Н.Н. Попову, пожертвовавшему обществу разных вещей более чем на 50 рублей и сделавшему тем добрый починок.

В то же время нельзя не отметить полнейшего равнодушия наших "отцов города" ко вновь народившемуся обществу: так мы могли заметить в списках членов и на собрании общества не более пяти человек гласных думы".

Костромской листок. 1902 г., 1 февраля.

ЗАЧЕМ НАМ СТОРОЖА

"В настоящее время здесь в городе участились кражи. Долгое время нерехтчане наслаждались в этом отношении спокойствием, и вот теперь то там, то здесь слышишь: обворовали квартиру, лавку, церковь и т.д.

И какая смелость и дерзость со стороны этих громил! В ночь на 21 сего мая, например, они взломали и обворовали лавку пред самым, что называется, носом полицейского поста — у будки, а через ночь обворовали кладбищенскую церковь и остались до сего времени не обнаруженными. Впрочем, это вполне понятно. Здесь на весь город два полицейских поста и ни одного ночного сторожа, тогда как последние обязательны даже в деревне.

Торговые ряды в центре города, и те охраняются только собаками, которые каждую ночь задают такие концерты своим воем, что мирному жителю становится иногда просто жутко, а для воров оне, конечно, не составляют никакой помехи.

В этом отношении, как, впрочем, и во многих других, наши отцы города придерживаются крайне оригинальных взглядов: "Зачем нам сторожа, зачем расходовать еще на них? Господь Бог не попустит, так никакой вор не тронет, а если попустит, то и ночной сторож не спасет..."

Костромской листок. 1902 г., 29 мая.

КАТАНИЯ НА СВЯТКАХ

"Из города Нерехты. Почти все святочные развлечения в нашем городе исчерпываются катаньем на тройках по городским улицам. Катанье всегда привлекает любопытных зрителей, которые в очень значительном количестве толпятся на улицах, обозревая проезжающие мимо тройки. Городская управа ничего не имеет против столь невинных развлечений, тем не менее 26 декабря прошедшего года несколько особенно ретивых блюстителей порядка в продолжение всего дня только тем и занимались, что останавливали тройки с катающимися и предлагали обывателям "развлекаться" за городом; любопытных обывателей при этом не особенно вежливо разгоняли по домам, а в случае сопротивления делали должное "внушение". Ослушников, впрочем, оказалось весьма мало, т.к. обывателям такие сцены давно знакомы".

Костромской листок. 1903 г., 3 января.

КУДА ДЕЛСЯ НЕРЕХТСКИЙ КУСТАРЬ

"Лет 10-15 тому назад в здешнем крае процветало кустарное производство холста всевозможных сортов. Почти в каждом доме крестьяне пряли лен и ткали полотно и новины. В некоторых селениях устраивались даже при домах небольшие мастерские с ручными станками для тканья полотна из готовой пряжи, раздаваемой разными приезжими торговцами. На базарах можно было постоянно встретить в продаже ручное местное полотно и новины хорошего качества за недорогую цену.

Ныне производство это почти совсем прекратилось, на базарах ручного полотна более не появляется, и даже для себя крестьяне холста не работают, а предпочитают покупать миткаль на местных фабриках.

Возникшие за последние годы в крае бумажные и льняные фабрики и все увеличивающийся рост их производства, благодаря усовершенствованию техники, совершенно убили местное кустарное производство холста, и крестьяне, занимавшиеся прежде этим делом на дому, бросили это занятие, а лен, разведением которого местное сельское население здесь занимается в весьма широких размерах, весь стал свозиться в сыром виде на местные базары, которые в осеннее и зимнее время бывают очень велики: в иной базар льна продается на десятки тысяч рублей. Затем и само крестьянское население мало-помалу потянулось к фабрикам, ища здесь более легкого и более значительного заработка, а свою прежнюю кормилицу-землю и свою родную деревню постепенно начало оставлять...

Ныне в фабричных районах стало просто жалко смотреть на развалившиеся или вовсе заколоченные там и сям в деревнях избы и на хлебные в былое время плодотворные поля, а теперь или почти бесплодные, вследствие плохой обработки чрез наемный труд и по отсутствию удобрения, или превратившиеся в совершенные пустыри..."

Костромской листок. 1903 г., 19 февраля.

РЕМЕСЛЕННЫЕ КЛАССЫ

"В 1880 г. наш город открыл при городском училище ремесленные классы, на расходы по которым ежегодно управой выдается 300 рублей; на эти средства желающие из учеников городского училища обучаются сапожному и портняжному ремеслам. Теоретически это было бы и недурно, но дело в том, что при малолюдности и других неблагоприятных для экономической жизни нашего города условиях ни сапожное, ни портняжное, ни столярное ремесла не могут иметь широкого развития, даже если бы наши ремесленные классы давали хороших мастеров, потому что этим мастерам нечего будет делать в Нерехте, и они принуждены будут или рассеяться по другим местам, или бросить изученное ремесло. В наше городское училище переходят большею частью дети горожан из приходского училища и наиболее способные ученики сельских школ. По окончании курса они поступают на места по разного рода канцеляриям или же идут учиться дальше...

Теперь наша городская управа возбуждает ходатайство об упразднении ремесленных классов и замене их чем-либо другим. Наиболее целесообразным представляется, во-первых, введение в курс наук городских училищ новых языков, дабы наши горожане могли отправлять своих детей прямо в старшие классы губернских учебных заведений, например, реального училища..."

Костромской листок. 1903 г., 8 июня.

БЛАГОЖИТИЕ ПРОИГРАЛО

"В конце одной из главных улиц города — Суздальской — помещается винная лавка № 22. Около нея по базарным дням происходят безобразные сцены пьянства, завершающиеся нередко драками, надзор за потребителями вина здесь почти отсутствует, так как невозможно считать даже за тень его несчастного десятского, оторванного от домашних работ и принужденного торчать с самого раннего утра и до позднего вечера на таком соблазнительном месте... В первое время введения монополии к лавке назначался городовой, но с течением времени за недостатком он был заме-

нен сельским десятком. Благожитие от этого, конечно, только проиграло, и обыватели злосчастной улицы, в самом лучшем случае, принуждены созерцать, как располагаются, а порою и спят в непринужденных и живописных позах клиенты винной лавки...

Теперь, когда начинаются большие осенние базары и, следовательно, будет съезжаться масса народу, необходимо, кому сие ведать надлежит, обратить внимание на происходящее и устранить неприятные безобразия".

Костромской листок. 1903 г., 13 августа.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

"В чайной попечительства о народной трезвости начались обычные чтения с ... картинами по воскресным и праздничным дням. Слушателей на эти чтения собирается достаточно, много бывает подростков и детей.

Чтения, собственно, происходят в нижнем этаже чайной, а во втором этаже посетители пьют чай и занимаются играми в шашки, в домино и проч. Нужно заметить, что эти игры не всегда носят невинный характер, некоторые из посетителей примешивают к игре и денежный интерес. Но так как игра на деньги запрещается, то деньги держатся не на виду, и расчет производится играющими по окончании каждой партии из рук в руки, "с осторожностью".

Страсти под влиянием проигрыша разгораются, слышатся "крылатые" словечки, словечки эти не минуют слуха детей, которые обыкновенно набиваются сюда по окончании чтений и с интересом следят за игрой. Никто, однако, не обращает на это внимания, не беспокоит игра и дежурного городового, и все здесь совершается как бы в порядке вещей. Впрочем, иногда можно наблюдать и такие картинки. Зазевавшегося какого-нибудь малыша родительская рука за ухо отводит от стола, причем слышится: "Ах ты, поросенок, ишь он где? А я думал, он чтение слушает. Пошел домой!"

Бывает расправа и короче: угостят ротозея "подзатыльником" и тоже пошлют домой".

Костромской листок. 1903 г., 28 ноября.

КТО ПОРАДЕЕТ О ДЕТСКОМ БУЛЬВАРЕ?

"Много писали из Нерехты, а всего, видно, не выпишешь... Такой уж город. Раскинулся он по берегам речки Нерехты, утопает в зелени, гордится оживленной узловой станцией, горячими вокзальными пирожками да патриархальными нравами; имеет такой запущенный бульварчик, что дети, играя там, рискуют даже жизнью. Бульвар устроен по берегам какого-то оврага, по дну которого проходит дорога. Через овраг перекинут трехсаженный узенький мостик шириною менее сажени. Над дорогой мостик возвышается на 2-3 сажени. Понятно, как необходимо при таких условиях оградить мостик простыми перилами и предотвратить возможность несчастий. А между тем перил здесь никаких нет. Мало того, мостик почему-то залит цементом: не для того ли, чтобы без перил с него легче было скользить и увечиться! Ведь бульвар этот целые дни и даже в поздние вечера заполняется гуляющими детьми. Не ждут ли отцы города, когда и здесь грянет гром? Тогда ведь поздно будет уже "радельничать".

Впрочем, обыватели нерехтские, мало заботясь о заброшенных бульварах, не прилагают заметного попечения и к благоустройству улиц. Тротуары и мостовые в нашем городе требуют капитального исправления во многих местах. То, что носит название тротуара в Нерехте, по местам представляет собою случайно и во всяком случае неравномерно проложенные тропы, огражденные ручейками и рытвинами. Мостовые во многих улицах заросли травой и настолько выбиты, что ночью обыватель рискует целостью ног.

Если такие мостовые и приносят пользу, то как место пастбища коров, пригоняемых по вечерам с поля. Таким образом, мостовые приносят относительную пользу здесь и домовладелец вправе сказать, что "нет худа без добра". В других отношениях они бесполезны...

Посторонний".

Костромской листок. 1904 г., 4 июня.

БЫЛ ДАН СПЕКТАКЛЬ

"20 июня любителями дан был спектакль в пользу Красного Креста. Поставили комедию Островского "На бойком месте" и водевиль "Теща в дом — все вверх дном". Зрительная зала была полна публикой. После того, как все входные билеты были проданы, некоторых стали пропускать без билетов; в зале было жарко и душно... Общественная жизнь нашего города, всегда однообразная и неторопливая ("день да ночь — сутки прочь"), совсем замерла. С нетерпением ждем гулянья, которое предполагает устроить пожарная дружина 18 июня; во время гулянья будет играть оркестр военной музыки".

Костромской листок. 1904 г., 9 июля.

БАЛ У ГОСПОДИНА НОВИКОВА

"У нас, в Нерехте, есть общественное собрание, где раньше устраивались спектакли, танцевальные вечера и т.п. за плату 15 рублей за помещение. Давали же за эти деньги лишь одну развалившуюся сцену да оснащение.

Стулья для зрителей артисты должны были сами находить в пивных и чайных города Нерехты. Не так давно был произведен осмотр здания общественного собрания, и комиссия нашла зал для публики более ста человек совершенно непригодным для общедоступных вечеров. Местный исправник Андронников запретил платные вечера. В Нерехте же более подходящего помещения для спектаклей не оказалось.

Теперь владелец гостиницы "Берлин" А.Ф. Новиков поставил в своем зале сценку, и на Святках уже было там несколько спектаклей. Помещение у господина Новикова гораздо больше и чище, чем в общественном собрании. 6 января там был устроен бал местной интеллигенции. В настоящее же время господин Новиков увеличивает сцену и ставит новую декорацию. Оказывается, и у нас есть предприимчивые люди.

Ре ми."

Костромская жизнь. 1914 г., 23 января.

В СОПРОВОЖДЕНИИ СКРИПКИ

"Не так давно в Нерехте открылся кинематограф в павильоне земской выставки. Кинематограф оборудован очень недурно. Довольно большой зрительный зал человек на 150, больших размеров экран и приличное фойе. Картины меняются каждые два дня и бывают временами очень интересные. Они сопровождаются аккомпанементом гармошки и скрипки. Долго нерехтчане ждали этого удовольствия, и, наконец, оно осуществилось. Кинематограф временами бывает полон, в особенности когда ставят новые картины".

Костромская жизнь. 1914 г., 21 марта.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КОЛОКОЛ

"26 января с утра на базарной площади собралось большое количество народа. Из деревень и сел, близ стоящих к Нерехте, тянулись вереницы лошадей с крестьянами. На площади было большое оживление. Ждут, когда отойдет обедня и молебен и на соборную колокольню начнут подымать новый колокол, купленный по подписке горожан в Костроме на выставке, весом с лишним 400 пудов. С самого последнего яруса соборной колокольни спущены канаты и привязаны к стоящему внизу новому колоколу. В ограде церкви тоже оживление: вокруг колокола столпился народ и читает на нем надписи.

Недалеко от нового колокола стоит только что снятый старый колокол, проданный местной церкви Благовещенья. Около него тоже народ. Но вот раздается звон на колокольне, и священники с хоругвями и иконами подходят к колоколу. Вся толпа снимает шапки.

Начинается молебен. Проходит с четверть часа: молебен кончился. Народ вереницами потянулся из ограды. Берутся за приготовленные канаты. С колокольни раздается крик "Натягивай!", и грузный колокол начинает отделяться от земли. Толпа, стоявшая за оградой, невольно отшатнулась.

Колокол поднимается все выше и выше и, наконец, доходит до третьего яруса. Канаты ослабевают, и он плавно опускается на заготовленные подмостки на колокольне. Колокол поднят. Народ постепенно начинает расходиться.

Площадь пустеет.

Но вот часа в 2 1/2 раздается первый удар нового юбилейного колокола.

Густые бархатные удары льются один за другим, разносясь далеко в воздухе. И опять на площадь собирается народ. Появляются уже местные жители со своими семьями, и так до 5 часов вечера.

Потом звон смолкает, наступают сумерки, и площадь снова пустует.

Ре-ми."

Костромская жизнь. 1914 г., 30 января.

Подготовила Марина НЕДОМАРАЦКАЯ

Фото с открыток начала XX века.

ПУТЕШЕСТВИЯ ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ ДОМА РОМАНОВЫХ ЧЕРЕЗ НЕРЕХТУ

Из рукописи М.Я. Диева "История города Нерехты"

"История города Нерехты" была для М.Я. Диева работой, которую он писал почти всю свою жизнь. К истории родного города он возвращался снова и снова, это заметно по черновым записям, сохранившимся в составе рукописных сборников. В трудах по истории епархии (это была еще одна "стержневая" для него тема), в описаниях монастырей и церквей, он снова и снова опирался на документы, многие из которых были найдены им в Троицкой церкви села Сыпанова, что под Нерехтой, или в архиве церкви села Тетеринское.

Из этих разрозненных документов, из рассказов очевидцев, из собственных впечатлений М.Я. Диев складывал ряд событий, выстраивая его по хронологическому принципу, и получалась своеобразная летопись — историографический жанр, ушедший к тому времени в прошлое и сохранившийся лишь в провинции, в среде историков-непрофессионалов.

Быть может, со временем краевед и создал бы целостную картину Нерехтской истории, как это он сделал с историей Костромской епархии, но два сохранившихся списка, вероятно, так и не были подготовлены им к публикации. Один из них содержится в Петербурге, в Российской национальной библиотеке, в составе фонда ростовского краеведа А.А. Титова (Тит 3999), другой оказался в собрании Костромской губернской ученой архивной комиссии, а затем "по наследству" перешел в фонды нынешнего Костромского музея-заповедника (КОК 24761).

Последняя рукопись была частично опубликована в первые послереволюционные годы в XIII выпуске "Трудов Костромского научного общества по изучению местного края" (Кострома. 1919). Редактор сборника (по-видимому, Е.Ф. Дюбюк) сделал примечание: "Печатаемая часть составляет стр. 47-177 подлинника. Первая часть рукописи (до 1701 г.) и последняя (после 1825 г.) намечены к напечатанию в последующих выпусках "Трудов Научн. Об-ва" (С. 65).

Однако в следующих выпусках продолжения не последовало. Возможно, это было связано с переездом в Москву Е.Ф. Дюбюка. Так и осталась Нерехта без полной истории своего города, да и "Труды КНО" 1919 года сегодня трудно доступны, а часто и не известны широкому кругу краеведов и школьников. Остается надеяться, что рукопись М.Я. Диева все же когда-нибудь будет опубликована полностью и найдет свое место на книжных полках нерехтчан.

Сегодня мы предлагаем "избранные места" из рукописи, хранящейся в собрании музея-заповедника. Они повествуют о посещении города высочайшими особами Дома Романовых (от Федора Алексеевича с малолетними братьями, Иоанном и Петром, до наследника Российского престола Александра Николаевича).

Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами, текст разделен на абзацы.

Лариса СИЗИНЦЕВА

1678. Федор Алексеевич с братьями Иоанном и Петром "останавливался в Нерехте в доме Нестора Трескина. Посещая не один раз Сретенский монастырь, государь приказал на построение там каменной церкви и другие надобности дать довольное число денег, а из казны каждогодно выдавать монахиням летний урок, который чрез несколько годов и выдавали каждой монахине, но по скольку, неизвестно.

Шестилетний же царевич Петр Алексеевич тогда дал в этот же монастырь вклад напрестольное Евангелие, покрытое зеленым бархатом, с серебряными и вызолоченными евангелистами; оно доселе хранится там в целости.

Вскоре по отбытии государя заложена в Сретенском монастыре каменная церковь во имя Владимирския иконы Божия Матери, несколько далее на юго-запад от тогдашней деревянной. Когда же церковь долго не приходила в окончание, то игуменья того монастыря Фекла через шесть лет явилась в Москву с новым прошением о помощи, это было 1685 года. Царь Петр Алексеевич приказал выдать из казны двести восемь рублей, на кои деньги церковь на другой год окончена и была освящена 28 ноября 1686 года, по благословению московского патриарха Иоакима. Эта церковь огромнее всех нынешних церквей в Нерехте и есть именно царский памятник!".

1798. Павел I, его сыновья Александр и Константин.

"1798 г. 3 июня император Павел Петрович проездом из Казани в Ярославль в 5 ч. пополудни прибыл в Нерехту. Городничий Графен по распоряжению костромского губернатора Островского, бывшего тогда в Нерехте, встретил государя на заставе с обнаженными саблями. Островскому высочайше тогда же повелено выехать из Нерехты, почему и епископ костромской Павел Зернов, прибывший для встречи государя и вышедший из собора со святыми иконами, тогда же, не являясь императору, отъехал в Кострому. Император городничему сказал: "Ты выехал меня встречать, как Ивана Фатеича!" (Фатеич — известный в Нерехте разбойник — Л.С.).

Государь путешествовал с наследником престола Александром Павловичем и цесаревичем великим князем Константином Павловичем. Ночевали в доме купца Хворинова, что на углу к рынку в квартале 3.

Тогда государь жаловал Хворинова золотыми часами.

Пред путешествием был объявлен указ, чтобы для встречи императора не было готовлено особых построек и все чиновники находились при своих должностях, поэтому и архиерей Павел не осмелился явиться к государю.

Самый мост, тогда построенный через реку Нерехту и лишь только выкрашенный, губернатор приказал ночью запачкать грязью, дабы не подать вида, что мост отделан для государя.

Поутру на восходе солнечном по прекрасному мосту изволили прогуливаться великие князья Александр и Константин. Народ столь был рад государю, что некоторые падали на колени и молились на государя, который это запрещал несколько раз, смотря в наугольно окошко к рынку. Когда один мальчик, в толпе народной затесненный, заплакал, государь кричал народу: "Не задавите ребенка!".

В народе был узнан отставной гвардеец, который за несколько лет до того одного из великих князей обучал ружью. Потребовали наверх, изволили благосклонно разговаривать и наградили деньгами.

Государь на другой день в 6 часов пополуночи отбыл в Ярославль на Туношну. Нерехтчане так были рады высоким гостям, что нигде не топили печей, чтобы не беспокоить дымным запахом.

Говорят, что встретить государя с обнаженными саблями присоветовал его сродник, любимец государя, Нелединский, бывший в его свите и пред государем прибывший в Нерехту. Уездный предводитель Афанасий Тухачевский не советовал так выезжать навстречу, но Островский слепо верил Нелединскому.

Островского описывают человеком деятельным и прямодушным и говорят, что государь готовил ему ленту, но вышло напротив: вследствие сей встречи Островский был смещен. Строго было запрещено кричать "ура!" — боялись, чтобы простой народ по усердию не закричал это приветствие. Тухачевский ходил между чернью и уговаривал стоять тише. У Островского были с Нелединским домашние неудовольствия.

Герб рода Романовых.

1837. Наследник цесаревич Александр Николаевич, будущий Александр II.

"1837 года, мая 13, в четверток, в 3 часа пополудни Нерехтою из Шуи через Иваново в Кострому проезжал государь наследник, великий князь Александр Николаевич. Свиту его составляли, кроме камердинера, генерал Александр Александрович Кавелин, Василий Андреевич Жуковский, Константин Иванович Арсеньев, Владимир Иванович Назимов, Юревич и поручик.

Еще с утра город наполнился народом и начался благовест при соборе. В 2 часа за полдень народ встретил цесаревича при Егорьевой горе, радостным криком "ура!" провожая до собора, где у паперти ожидало его с крестом и святою водою духовенство.

В собор цесаревич приехал в одном экипаже с Кавелиным. Приложившись к кресту и иконам, изволил спросить протоиерея Высотского, нет ли чудотворных икон и давно ли собор строен. При отзыве незнанием со стороны протоиерея, цесаревич изволил приказать о здравии отпеть молебен.

Из собора проехал на квартиру, в дом Бориса Ивановича Дьяконова, тут был приготовлен обед. Наследник кушал в особой горнице, а свита — в зале. По приезде на квартиру через Жуковского было представлено цесаревичу сочинение сыпановского священника Михаила Диева под заглавием "История владык Новгородских с археологическими примечаниями", причем было доложено, что Диев состоит действительным членом императорского Общества истории и древностей Российских и сотрудником Общества любителей Российской словесности, на какие звания жалован дипломами, что собрал значительное число рукописей, грамот, старинных монет, старопечатных книг и до 2 тысяч томов библиотеку, употребляя на покупку книг законоучительское жалованье, получаемое при Нерехотском уездном училище.

Цесаревичу было угодно Диева потребовать к себе, благосклонно с ним разговаривать и пожаловать его золотыми часами, такими же пожаловать изволил Бориса Ивановича (Дьяконова — Л.С.), наследнику поднесшего вместе с супругою, Евдокиею Ивановною, хлеб, соль и полотно.

После того являлись чиновники. Градских старост спросить изволил: "Есть ли в городе фабрики?" Ответил Василий Иванович Сколкин-Серебряников: "Есть одна, и содержит ее крестьянин". Потом, обратясь к почетному смотрителю, спросил: "Сколько училищ?" Через минуту ответил штатный смотритель: "Два в Нерехте и третие в Плесе". Также "Сколько учеников?" — "Сто в Нерехте и 40 в Плесе".

Потом Кавелин доложил: "Народ желает, государь, Вас видеть!". Цесаревич открыл окно, и тысячи голосов закричали "Ура!". Тогда Жуковский представил цесаревичу "Статистическое обозрение Нерехты", составленное Нерехтского уездного училища учителем Егором Степановичем Знаменским.

При тысяче голосов "Ура!" цесаревич отправился в Кострому. Благосклонные взоры и ласковое обращение цесаревича показывают, что Нерехта высокому посетителю понравилась. Это самое должно приписать радушному приему наследника и свиты, сделанному в Нерехте предводителем дворянства, умным и любимым чиновниками двора, Константином Карловичем Бошняком.

Наследник инвалидам пожаловал 50 рублей, а на бедных — 300 рублей ассигнациями. По распоряжению городничего Ивана Ивановича Волова, чиновники и граждане на другой день собрались в соборе отпеть благодарственный молебен о здравии августейшего дома".

1842 г. В Нерехте начали применять зажигательные спички.

1846 г. В Нерехте основана первая механическая полотняная фабрика купца А.Ф. Сыромятникова. В 1850 г. она соединилась с фабрикой Брюханова, в 1852 г. — с фабрикой купца Дьяконова. В октябре 1918 г. фабрика национализирована и переименована в Шестую республиканскую льняную мануфактуру, первым красным директором которой был избран рабочий — маляр Ф.Я. Клюшонков. Впоследствии это льнокомбинат "Красная текстильщица", затем "Кратекс", а с 1999 г. — "Нельма".

1848 г. Около с. Армёнуи действовал отряд во главе с Онуфрием Бабановым, впоследствии повешенным в Москве.

1859 г. Родился поэт С.Ф. Рыскин в селе Писцово Нерехтского уезда, автор песни "Живет моя отрада".

1860 г. В Нерехте открыта первая в Костромской губернии воскресная мужская школа для взрослых — рабочих и ремесленников.

1876 г. Опубликованы "Правила Нерехтской городской общественной библиотеки".

1885 г. Начато строительство железной дороги, соединяющей Нерехту с Ярославлем и Костромой.

1887 г. В октябре открыто временное движение по железной дороге.

1897 г. Нерехтский промышленник К.А. Брюханов основал школу для детей своих рабочих (ныне средняя школа № 5).

1898 г. 22 октября открыто постоянное движение по железной дороге. Пропускная способность ее составила 6 пар поездов в сутки.

1911 г. 5 сентября открыта мужская гимназия.

1911 г. В Нерехте открыта бумаго-прядильная фабрика Ф.В. Савельева и Н.М. Кожина.

1912 г. Пущен в строй Арменский кирпичный завод.

1913 г. 131 учительница и 21 учитель преподавали в 79 земских школах уезда.

1914 г. В Нерехтском уезде сгорело 862 дома. Причина пожара — неосторожное обращение с огнем.

1915 г. В здании фабрики Савельева и Кожина разместилась гвоздильно-колодочная фабрика торгового дома Г.Б. Раабе, ныне завод деревянных, пластмассовых формованных изделий (ДПФИ).

1918 г. Открыта Нерехтская типография.

1918 г. 19 января в Нерехте установлена Советская власть. 25 апреля образован городской комитет партии большевиков. Председателем комитета избран М.С. Орехов.

В это время жилой фонд составлял 719 домостроений, из которых 679 принадлежали частным владельцам, 40 — исполкому Нерехтского Совета.

1919 г. 1 октября — день рождения Нерехтской комсомольской организации.

1920 г. На 1 января в состав Нерехтского уезда входило 18 волостей, в которых проживало 75 тыс. чел. В городе проживало 5300 чел.

1920 г. В городе открываются семь детских домов для голодающих Поволжья.

1923 г. В Нерехте созданы первые пионерские отряды им. Спартака.

1923 г. Введена в строй электростанция.

1923 г. В дер. Неверово и ус. Перепелицыно организованы первые ШКМ (школы крестьянской молодежи).

1928 г. Постановлением ВЦИК и СНК от 8 декабря упразднены уезды и волости. Вместо них в Костромской области образовано 19 районов, в числе которых — Нерехтский, занимавший площадь 812,7 кв. км.

1929 г. Постановлением ВЦИК от 14 января создана Ивановская промышленная область. В нее вошли Иваново-Вознесенск, Владимирская, Ярославская, Костромская губернии, преобразованные в округа. Костромской округ был создан в апреле 1929 г., он включал 14 районов, в т.ч. Нерехтский.

1929 г. Основан Нерехтский льнозавод.

1930 г. Вышел первый номер газеты "Поход за коллективизацию" (ныне "Нерехтская правда").

1934 г. Открыт Нерехтский промкомбинат.

1936 г. С упразднением Ивановской промышленной области Нерехтский район вошел в состав образованной Ярославской области, а с 13 августа 1944 г. — в состав образовавшейся Костромской области.

Продолжение на стр. 80.

МАЛАЯ РОДИНА: ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Богата нерехтская земля делами добрыми да именами славными: священнослужителей и общественных деятелей, ученых и писателей. До сей поры хранят уютные городские улицы аромат старины, напоминают о тех временах, когда жили-были здесь люди мастеровые, торговые, культурные. Разные годы, разные судьбы, но объединяет этих людей одно, может быть, главное — место рождения, светлая память о малой своей родине. Вот и сейчас смотрят на нас два человека: один из XIX, другой из XX века, ровесник его.

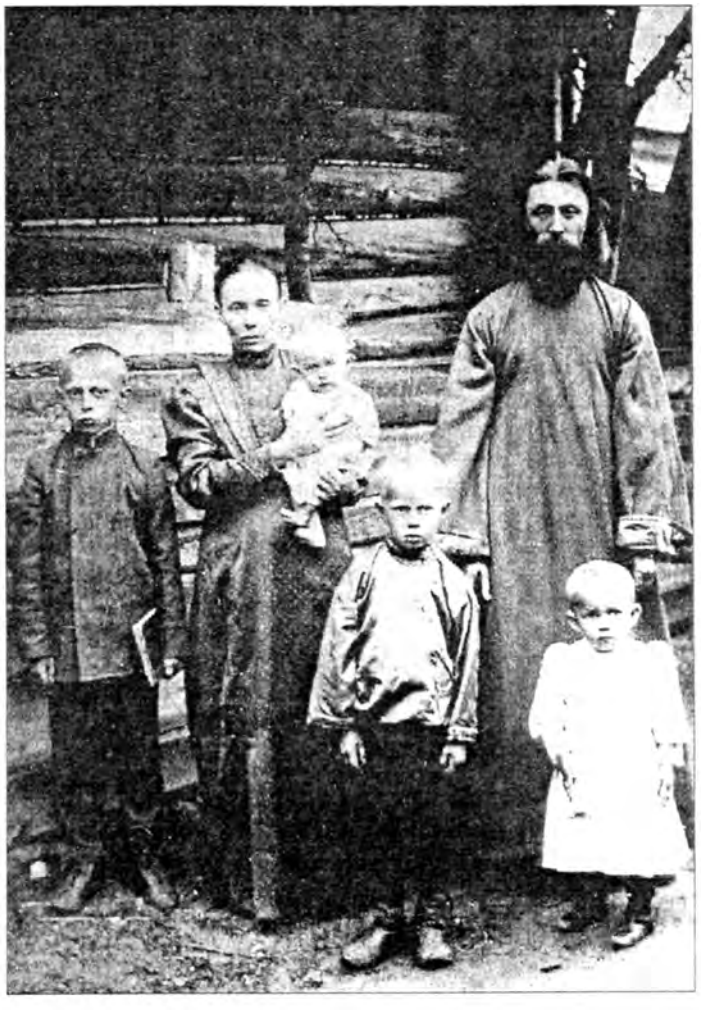
Известный русский педагог-просветитель и общественный деятель Дмитрий Иванович Тихомиров родился в селе Рождествено Нерехтского уезда в семье священника. Учился в Костромском духовном училище, в Московской учительской семинарии, а потом всю жизнь трудился на ниве народного просвещения: создавал первые в России вечерние народные школы и учительские курсы, издавал и редактировал журнал "Детское чтение" и приложение к нему — "Педагогический листок". Более 160 раз переиздавался "Букварь для народных школ", автором которого был Д.Н. Тихомиров. В родном селе Рождествено подвижник-просветитель на свои средства построил школу и больницу.

Не менее известен уроженец деревни Крюково Нерехтского уезда военачальник Александр Александрович Новиков. Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза, в годы Великой Отечественной войны он командовал военно-воздушными силами страны. После войны маршал не раз приезжал в родные края, в Костроме был открыт памятник ему.

Вспомним еще раз этих людей и скажем им спасибо за дела и подвиги их. А когда перевернем страницу, то на фотографиях столетней давности увидим лица людей, нам пока незнакомых, но чем-то все-таки близких. Они тоже родились и жили здесь, ходили по улицам Нерехты, любили свой отчий край и продолжали его родословную. Гимназисты и курсистки, купцы и крестьяне, инженеры и солдаты. Мы не знаем их имен, но от этого они не становятся нам чужими. И хочется, так хочется долго смотреть на эти лица и слышать голоса того времени.

Николай МУРЕНИН

МАЛАЯ РОДИНА:



ВРЕМЯ И ЛЮДИ

Фото начала века из коллекции Нерехтского краеведческого музея.

Елена САПРЫГИНА

"КОСТРОМСКАЯ ВИВЛИОФИКА" МИХАИЛА ДИЕВА

Из небольшой группы диевских рукописей, хранящихся в ценном книжном фонде Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, заметно выделяется "Костромская вивлиофика" с пространным заголовком следующего содержания:

"Костромская вивлиофика или собрание старинных грамот, разных рукописей, также надписей, служащих к пояснению археологии и истории костромского края. Составлена Императорского общества истории и древностей российских действительным членом, общества российской словесности сотрудником, Комиссии Святейшего Синода о исправлении истории российской иерархии сотрудником же, священником Михаилом Диевым". (1)

Термин "вивлиофика" соответствует слову "библиотека" и означает собрание документов или рукописей, в данном случае костромских. Внешне рукопись представляет собою увесистый фолиант. На корешке слепым тиснением выдавлено: "Костромская вивлиофика".

Рукопись насчитывала 1267 страниц, что не соответствует действительности, поскольку переписчик не раз сбивался со счета. Заново "пересчитанная" книга имеет 625 листов или 1250 страниц, из которых текстовых только 1220, так как тридцать страниц остались чистыми. К тому же имеются следы 38 утраченных страниц, возможно, также чистых, судя по обрывам бумаги.

Поскольку "Костромская вивлиофика" датирована весьма приблизительно — XIX веком, пришлось уточнить ее датировку по имеющимся на бумаге штемпелям. За исключением нескольких единичных листов рукопись не имеет водяных знаков (филиграней), что с лихвой компенсируется множеством штемпелей. В частности, штемпели овальной формы с двуглавым орлом, обрамленным лентой с древесными ветвями с присутствующими инициалами ФКНГ, свидетельствовали о том, что бумага рукописи Диева была изготовлена на Ярославской фабрике князя Николая Гагарина в 1845-1846 годах.

А это означает, что рукопись не могла появиться раньше бумаги, изготовленной в 1845 году, однако изготовленную в Ярославле бумагу развозили по другим губерниям и уездам, а после покупки ее пришлось переплетать и, наконец, вносить в нее многочисленные записи, на что с учетом объема книги затрачено значительное время, даже не один год...

Биограф М.Я. Диева Николай Иванович Полетаев называет датой завершения труда 1846 год, опираясь на неопровержимые источники:

"Диев задался было счастливой мыслью издать сборник сырых материалов для истории костромского края: в заседании 1-го июня 1846 года общество истории слушало письмо его "о собрании им местных рукописей в одно целое под названием "Костромская вивлиофика". (2)

Итак, летом 1846 года Михаил Яковлевич уже отчитывался перед обществом истории и древностей российских за проделанную работу. Однако речь могла идти и не обо всем труде, а только о части его, ведь почти полторы тысячи страниц и за год трудно осилить...

Изучение текстов "Костромской вивлиофики" дало исчерпывающий ответ на этот вопрос. Последняя из 199 озаглавленных частей рукописи, представляющая собой рецензию Диева на труд Е. Лаговского, начинается словами:

"В июне 1847 года вверено мне рассмотрение "Описания Больших Солей", составленное тамошним священником Евгением Лаговским..." (3)

Следовательно, летом 1847 года ученый получил заказ на рецензию, после чего работал над ней, а, завершив, переписал тридцатистраничный текст в конволют. Думается, что с работой он смог уложиться в течение второго полугодия 1847 года, и поскольку данная рецензия завершает рукопись, то мы можем с полным основанием датировать "Костромскую вивлиофику" 1845-1847 годами.

Преобладающая часть книги написана почерком М.Я. Диева, однако, кроме него, прослеживаются еще три, два из которых мы можем проигнорировать из-за малого объема в 2 и 6 страниц, однако последний, которым написано 200 страниц, то есть одна шестая часть рукописи, не может не обратить на себя внимания. Некрасивый, вялый, с поправками, он тем не менее мало портит общее графически приятное впечатление, которое складывается благодаря броским и четким заголовкам частей, сделанных почти без исключения самим Диевым. Возможно, этим переписчиком является человек, упоминаемый Михаилом Яковлевичем в письме к И.М. Снегиреву от 10 октября 1855 года:

"Более всего, — писал ученый, — затрудняюсь в переписке набело. Писать самому очень трудно. К счастью моему, пишет на порядке пономарь моей церкви, но пьяница и не так-то знает правописание, впрочем, за деньги переписывает..." (4).

Не пономарь ли переписал двести страниц "Костромской вивлиофики" и по нетрезвости ли, опрокинув лампаду, залил мас-

лом одну четвертую часть рукописи? Или это сделал по слабости зрения сам ученый?

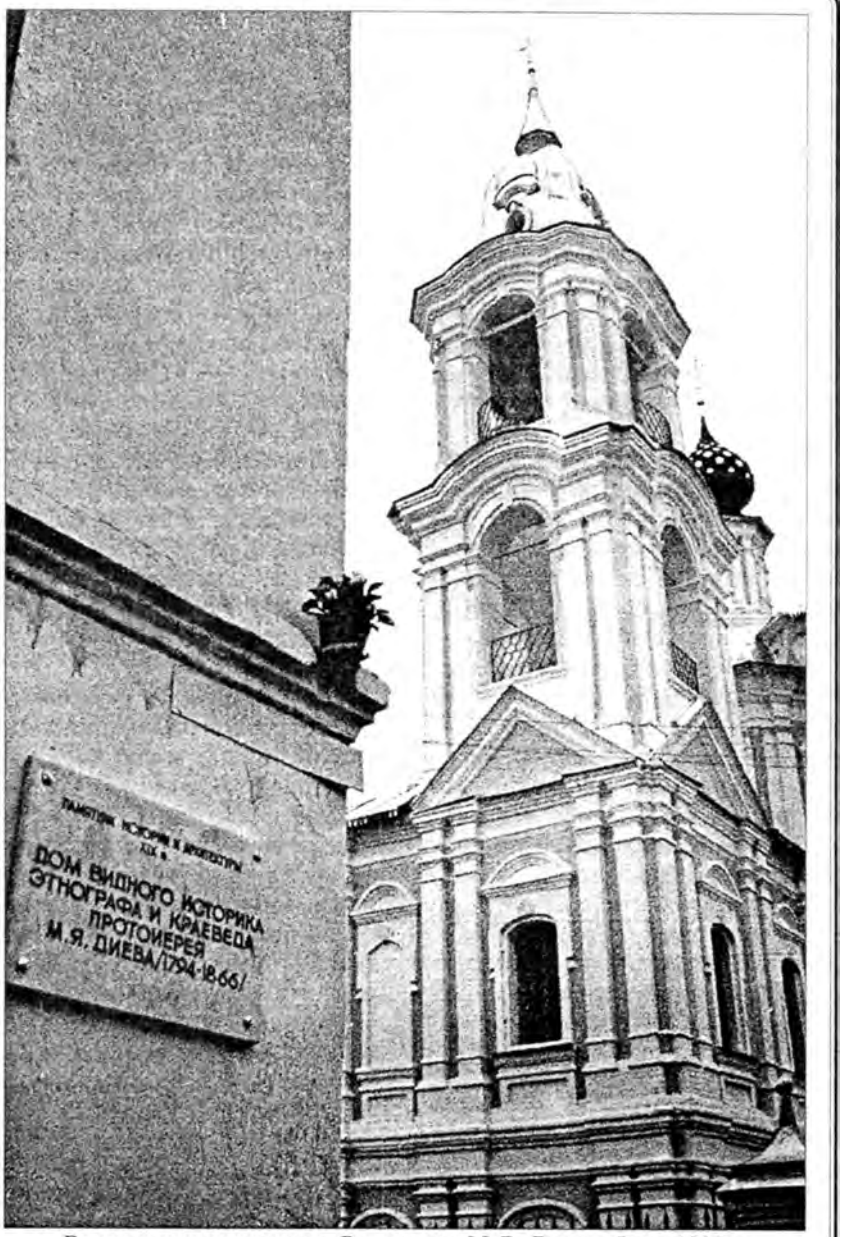
Содержание "Костромской вивлиофики", как гласил заголовок, сводилось к собранию старинных грамот, разных рукописей и надписей, относящихся к нашему краю. Название это ученому подсказала напечатанная в одном томе "Вивлиофика" Н.А. Полевого, к которой Диев имел некоторое отношение. 17 декабря 1834 года ученый писал И.М. Снегиреву:

"Всякий любитель отечественного пожелает, чтоб Николай Алексеевич продолжал вивлиофику, и я с моей стороны могу сообщить рукописи, коих у меня довольно". (5)

"Очень может быть, — предполагает Н.И. Полетаев, — что, не дождавшись от Полевого продолжения вивлиофики, Диев и задумал впоследствии издать свою "костромскую вивлиофику", куда должны были войти и рукописи, предназначенные для первой. Для обработания отдельных частей отечественной истории, — продолжает биограф, — особенно законодательства древнего, палеографии и статистики, ничто не может столь служить, как древние вивлиофики, коих, хотя издано у нас немалое число, но все остается еще много редкостей, неизвестных ученому свету". (6)

И действительно, "Костромская фифлиофика" содержит огромное количество неизвестной и малоизвестной информации по истории края, которую можно разделить на ряд тем, и прежде всего — жития костромских святых.

Интерес к этой теме проявился у М.Я. Диева еще в 1830-е годы. Собранными к тому времени материалами ученый охотно делился с известным русским агиологом Андреем Николаевичем Муравьевым, будущим автором книги "Жития святых российской церкви, также Иверских и Грузинских" (месяцы январь-декабрь. СПб. 1857-65 гг.)



Воскресенская церковь. Рядом дом М.Я. Диева. Фото 1993 г.

В письме к Снегиреву от 19 августа 1832 года Михаил Яковлевич кается: "Я виноват пред почтеннейшим А.Н. Муравьевым, коему обещался представить подробности о костромских святых. На сей случай покорнейше прошу доставить ему краткое начертание жизни Авраамия Чухломского, мною сочиненное, и житие Пахомия Нерехтского. Недели через четыре сообщу и о прочих костромских чудотворцах. Признаюсь, что я с большим удовольствием занимаюсь этим предметом, но, к сожалению, должен сказать, что подробности, кои должны дать полное понятие о святых подвигах сих угодников, чрезвычайно затеряны. Некоторые из них знаем только по имени". (7).

Несмотря на трудности, к 1846 году ученый собрал довольно обширный агиологический материал, большая часть которого вошла в "Костромскую вивлиофику". Это жития и подвиги Пахомия Не-

рехтского, Иакова Железноборовского, Макария Унженского, Геннадия Костромского и Любимоградского, Тихона Луховского, Авраамия Чухломского, а также обобщающая статья о костромских святых.

Будучи не только ученым, но и священником, Диев не мог обойти вниманием и тему по истории костромских церквей и монастырей, причем наибольший объем материалов относится к Троице-Сыпанову монастырю, что под Нерехтой. Там долгие годы жил и служил М.Я. Диев.

Полетаев писал: "Когда наш энергичный исследователь поселился в Сыпанове, то здесь к своему удовольствию нашел довольно любопытный архив, оставшийся после Сыпановских игумнов, которые несколько раз правили патриаршею костромскою областью: из сих-де рукописей яснее виден быт поповских старост, точный круг их власти, равно много есть любопытного и по другим историческим изысканьям, что много может мне пособить в историческом и археологическом обозрении Нерехтской стороны". (8)

Кроме родного Троице-Сыпанова монастыря, Диев поместил в "вивлиофику" документы об Нерехтском Сретенском девичьем и Нерехтском же Богородицком монастырях, а также об Авраамиевском, Игрицком, Горицком, Кирило-Белозерском, Юрьевском Соловецком, называемом Ломовым, и многих других обителях как костромской, так и соседних губерний.

Изучая жития святых, а также историю обителей и храмов, ученый не мог не остановиться и на вопросах иконографии. В свою рукопись он включил сказания об иконе Федоровской, о двух иконах Владимирской Богоматери, а также Овиновской иконе Богоматери из Галича.

Религиозные сюжеты "Костромской вивлиофики" перемежаются с историческими документами: грамотами, летописями, фрагментами писцовых книг. Из последних можно назвать Воскресенскую Солигалицкую летопись, Галицкую летопись или выдержки из Русских летописцев о нашествии поляков. Ученый писал Снегиреву: "Редкий город в северной России так сберег старинные рукописи, как Галич: там есть свой летописец, довольно обширный... Не имея случая достать сей летописец, осмеливаюсь просить вас, не можно ли описание Галича Тычинкина сообщить мне на краткое время..." (9).

Включенные в "Костромскую вивлиофику" Писцовые книги города Галича, составленные около 1634 года князем Никифором Мещерским и подъячим Феоктистом Тихомировым, а также выписка из Галицкой летописи, составленная мещанином Иваном Тычинкиным, помогли ученому в создании труда "Историческое описание города Галича".

Существенную часть диевского труда составляют материалы по истории городов и сел Костромской губернии: Юрьевцу Поволгскому, Судаю, Костроме, Галичу, Чухломе... Не перечесть всех населенных пунктов, упомянутых в рукописи. Наибольшее число документов посвящено Нерехте и ее уезду, а также посаду Большие Соли.

Поражаясь многотемью и разнообразию форм материалов рукописи, невольно задаешься вопросом: черпали ли когда-либо исследователи из этого кладезя неисчерпаемой информации? Публиковали ли диевские документы? Совсем небольшую часть их удалось обнаружить в пятом выпуске "Костромской старины" (Кострома. 1901 год) — научного сборника архивной комиссии. Это "Описание посада Большие Соли". Исследование священника Евгения Лаговского в рецензии протоиерея М. Диева, написанное им в 1847 году. (Стр. 167-193). Кроме того, там же, в статье священника В.А. Соколова "Описание и критический разбор рукописей, содержащих службу и сказания о явлений и чудесах Федоровской иконы Божией матери"... разбирается статья из "Костромской вивлиофики" М.Я. Диева "Сказание о чудотворной иконе Пречистыя Богородицы Федоровския како от Городца — Града принесена на Кострому, при Великом князе Василии, рекомом Квашне" (Стр. 229-230).

"Костромскую вивлиофику" автор числит в составе библиотеки архивной комиссии. Просмотр журналов заседаний КГУАК за все годы не только подтвердил наличие рукописи в библиотеке, но и высветил обстоятельства приобретения диевского труда. Так в журнале заседания Совета КГУАК 20 сентября 1896 года говорится:

"Слушали письменное сообщение гг. Диевых от 5 сентября 1896 года о пожертвовании ими сдаточной описи Троицкого Сыпанова монастыря с прочими бумагами, трех столбцов XVII века, касающихся имения Одинцовых, печатной грамоты царя Алексея Михайловича 1654 года... затем из сочинений отца протоиерея Михаила Диева: "Состояние пиэтистов в XVIII веке", "Распространение западной церкви в XVIII столетии"; "Состояние иерархии Римско-католического исповедания в России в XVIII столетии", "Нижегородская епархия" и др.

Словесное заявление члена-делопроизводителя И.Д. Преображенского о том, что ему, помимо пожертвованных безвозмездно и вышеуказанных рукописей, передано еще одним из сыновей протоиерея Диева несколько собственноручных подлинных черновых рукописей отца их протоиерея Михаила Яковлевича Диева и в том числе "Древняя Вивлиофика Костром. губерн." Ч. 1-я на 1267 полулистах, а также несколько тетрадей из погодных записей того же отца протоиерея Диева, за кои жертвователь желает получить денежное вознаграждение, по назначению комиссии... Постановили: 1. Пожертвование гг. Диевых принять, выразив им письменную благодарность комиссии; 2. В.М. Диеву, выразившему желание получить вознаграждение по назначению комиссии за рукописи отца его,

выдать из сумм комиссии 30 рублей; 3. Предложить гг. членам совета взять на себя обзор приобретенных комиссией рукописей с приведением, по возможности, в известность — которые из рукописей собрания отца протоиерея Диева еще не появились в печати. Издержанные членом-делопроизводителем И.Д. Преображенским на поездку в усадьбу Диевых и привоз рукописей и предметов 12 руб. 62 коп. покрыть из сумм комиссии". (10)

Обобщив сказанное, мы можем с полным основанием утверждать, что "Костромская вивлиофика" М.Я. Диева была привезена в Костромскую архивную комиссию из усадьбы Жары, где обитали потомки ученого, в том числе сын Василий Михайлович, у которого осенью 1896 года член-делопроизводитель И.Д. Преображенский приобрел рукопись с несколькими другими за 30 рублей (выплаченных позже комиссией).

Любопытно, что В.М. Диев называет "Костромскую вивлиофику" 1-й частью, следовательно, существовали и последующие, нам неизвестные, если, конечно, они не остались лишь в задумке.

Более ста лет прошло с момента приобретения костромской губернской архивной комиссией рукописи Диева и около века с момента опубликования ее отрывков в "Костромской старине". Преемники КГУАК — костромское научное общество, а позднее костромской краеведческий музей и историко-архитектурный музей-заповедник почти не занимались приведением ее в известность, то есть не публиковали материалов этого рукописного сборника не только в полном объеме, но и частично, и уникальное собрание старинных документов до сих пор почти не востребовано, а потому возникшее намерение сотрудников Нерехтского музея заняться ее изданием достойно всяческого одобрения и поддержки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Диев М.Я. Костромская вивлиофика. Рукопись. 1845-1847. (КОК 24738).

2. Полетаев Н.И. Протоиерей М.Я. Диев и его историко-археологические и этнографические труды. Кострома. 1891. С. 19.

3. Диев М.Я. Костромская вивлиофика. Л. 703.

4. Титов А.А. Материалы для истории императорского общества истории и древностей российских. Переписка господ действительных членов общества (1830-76). Сообщены членом-соревнователем А.А. Титовым — Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву (1830-57). М. 1909. С. 111. (Далее: Титов А.А. Материалы для истории...)

5. Полетаев Н И. Протоиерей М.Я.Диев... С.

6. Там же. С. 20.

7. Титов А.А. Материалы для истории... С. 31.

8. Полетаев Н.И. Протоиерей М.Я.Диев... С. 11.

9. Там же. С. 37.

10. Журнал заседания Совета Костромской губернской ученой архивной комиссии 20 сентября 1896 года. С. 8.

Потомки М.Я. Диева у его могилы. Фото 1989 г.

ИЗ "КОСТРОМСКОЙ ВИВЛИОФИКИ" М.Я.ДИЕВА

СПИСОК С ВЫПИСИ С КОСТРОМСКИХ КНИГ О НЕРЕХТСКОМ СОБОРЕ

"1669. Выпись с Костромских Писцовых книг письма и меры Павла Волынского, да подьячего Юрья Шепелева, да первого Теплякова 135 и 136 годов, написано:

Посад Нерехта не реке на Нерехте; на посаде на Борисоглебской стороне Церковь соборная Страстотерпцевых Христовых Бориса и Глеба, да на полатех предел рождества Иоанна Предтечи деревянная. А в церкви Государева строения Образ Бориса и Глеба на золоте, а у них мирского строения гривна безсменная, да гривна витая серебряные, да пятьдесят наусородок золоченых и белых; двери царские на празелени, Евангелие напрестольное и Апостол, и иныя книги, и колокола мирское строение.

А что было преж в церкви Государева строения, образов и книг и всякого строения, и то поимали в разорение Литовские люди. Да церковь теплая Вознесение Господа Иисуса Христа, да предел Космы и Домиана. А у церкви Бориса и Глеба служил черной поп Конон Степанов, а други место по приправочным писцовам книгам Василья Вельяминова да Пантелея Усова с товарищи 104 и 105 годов дано ему в Нерехте пуд, а емлет вещаго с пуда по деньге со всякого весового товару: дав Нерехте на посаде не тяглых дворов и мест дворовых 202; Борисоглебский поп Конон Степанов, а по мере того двора и с огородом в длину 53, а поперечь 7 сажен.

В Нерехте же на посаде на Борисоглебской стороне на церковной земле лавки и места явочныя, с подолу идучи к старому кабаку на правой стороне (Следует описание, чьи лавки. Е.С.) всего Борисоглебских 4 лавки, да 37 мест лавочных пустых; а оброку с живущих лавок торговые люди платят Борису и Глебу на темьян Борисоглебскому попу, да на реке на Медвежке наволочек церковной Бориса и Глеба, сена на нем ставится 50 копен, а в межах тое наволочек с сенными покосами, троицы Сыпанова монастыря да с покосы Дениса Чертова.

Да на Нерехотских же переписных книгах Микифора Кривского 166 году написано: на тяглой земле двор Борисоглебского попа Василья Матфеева, владеет по купчей, оброку платит с двора а с угорода по шти алтын по четыре деньги. А больши того в строенных книгах Микифора Кривского прочие владения Борисоглебского попа Василья к церкви Бориса и Глеба лавок и лавочных мест и сенных покосов против писцовых книг ево не написано. А дана сия выпись Костромского уезда пригорода Нерехты посаду, церкви Страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба попу Василью Матфееву на подворное и огородное и лавочныя места и сенные покосы впредь для владения в нынешнем во 177 году генваря 8 день.

Подпись дьяка Алмаза Чистаго. Старинный современный список находится у священника Михаила Диева".

ПОВЕСТЬ О ЧУДЕСЕХ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ЯЖЕ ВО ГРАДЕ НЕРЕХТЕ

"В царство благовернаго Государя Царя Алексея Михайловича всея России, в лето 7162, а от рождества Христова 1654, бывшу мору велику в Царствующем граде Москве и в окрестных градех и весех, и простершейся смертоносней язве до полу поприща около града Нерехты и ближае, умираху людие мнози смертоносною язвою.

Град же Нерехта, в нем же обита чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, спасен бысть предстательством ея невредим, но и чудо преславное деяшеся под небесем: солнцу повсюду сияющу не обычно, аки бы кроваво, мрачно и покровенно от вредительного воздуха смертоноснаго; во граде же Нерехте и около града в ближних весях идеже хождаху со кресты и чудотворным образом Пресвятыя Богородицы, молебная пения совершающе, сияше солнце светило, якоже обычай, и вредительной мглы воздух не имеяше. От граждан же ...обретшиеся во время сие смертоносное в дальних градех, куплю творяще, сохранены быша невредимы предстательством Богородицы, те чию в молитвах своих воспоминаху пресвятое имя ея. Тако изволися Богу соблюсти град сей невредим от смертоносныя язвы, яже потом за грехи наша посети огнем. От малаго некоего случая возгореся во граде Нерехте един дом, и або от того разширися пламень по многим зданиям и изгоре не малая часть града. Возгореся же и обитель Сретенская с церковию и вся церковная и монастырская здания в пепле быша. Чудотворныя же иконы изнесены быша руками священническими. От прочих же церковных утварей едва что мало изнесоша, и немедленно помощию Богородицы создана бысть церковь деревянная с трапезою, тоже и обитель усердным тщанием доброхотных дателей. Потом совещашася создати каменную великую церковь".

ИЗ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК ВОТЧИНЫ ПЕРЕСЛАВСКОГО ГОРИЦКОГО МОНАСТЫРЯ СЕЛА ТЕТЕРИНСКОГО С ДЕРЕВНЯМИ

1.

"Лета 1715, сентября в день 1 по указу Великого Государя и великого Князя Петра Алексеевича всея Великая и Малая и Белая

России в Нерехте на съезжем дворе перед Лантратом ... Бредихин Костромского уезду, Нагорной половины Нерехотского стану, вотчины успения Пресвятыя Богородицы Горицкого монастыря что в Переславле Залеском, староста Семен Афанасьев, выборные (следуют их имена) по святый непорочной заповеди Господни, еже ей ей, в правду сказали: в селе Тетеринском во имя церков Николая Чудотворца, деревянная: у той церкви во дворе поп Потапий Кирилов 42 лет у него жена Авдотья Дмитриева дочь 39 лет у них дети Егор 12, Андрей 3, Косьма 2, Анна 7, Параскевья 7 лет у него мать родная вдова Евлампия Федорова дочь 72 дет. Во дворе поп Алексей Иванов 30 лет у него жена Ангела Иванова 28 лет у них дети Семен 2, Анна 4, у него попа Алексея мать вдова Федора Полуехтова 73 лет, у них дети Василий Иванов 35 лет вдов, Параскевья 16 лет, во дворе дьякон Федор Федоров 55 лет, у него жена 50 лет у них сын Григорий 22 лет, у него жена Марфа Васильевна дочь 25 лет у них сын Федор 3 лет, у него дьякона зять Федор Иванов 35 лет, у него жена Анна Федоровна дочь 25 лет, у них дочь Катерина 5 лет, двор после умершего попа Михаило Петрова, а он Михаило в прошлом 1714 году умер, а в нем живет дочь его... — да в том же селе двор монастырский, а в нем живут прикащики и нарядчики погодно. Прикащик Степан Григорьев Закрю ... у него жена Ирина Донилова ... на том же дворе в другой избе нарядчик Федор Терентьев 50 лет, у него жена и проч. Да в том же селе двор в котором живут подрячие погодно, а ныне живет того Горицкого монастыря Сергей Терентьев сын конюхов и проч. Да в том же селе Тетеринском крестьян во дворе Терентий Никитин вдов, у него сын Дмитрий 25 лет у него жена Федора Овсеева 20 лет у них сын Федор 4 лет и проч."

2.

"Лета 1719 сентябрь в день по указу Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича, Вся Великая и Малая и Белая России Самодержца, каков прислан на Кострому из канцелярии Московской губернии за приписью дьяка Леонтия Константинова да печатный лист с пунктами из Санкт-Петербурга из Сенату на Костроме в канцелярии перед Лантратом Семеном Федоровым Бредихиным, да перед камисаром Тимофеем Игнатьевым Одинцовым, Костромского уезда, Нерехотского стану, вотчины Пречистыя Богородицы Горицкого монастыря села Тетеринского староста Андрей Васильев да выборные (следуют их имена) сказали безо всякой утайки, не взирая ни на каких старых и новых о дворовом числом поголовных переписи, что в той вотчине в селе и деревнях, неотходч от старого до пеленынаго младенца.

В селе Тетеринском крестьян: во дворе Терентий Никитин 64 лет у него сын Дмитрий 24 лет, у Дмитрия дети Федор 8, Степан 4 лет и так далее".

Успенский храм в с. Тетеринское. Фото 1993 г.

Ольга МАЙОРОВА

"И ТЫ, ЛЮБОВЬ МОЯ, ПРОЩАЙ"

"Я не хотела бы умереть, не оставив после себя следа на земле. Пусть хоть немножко моя личность не будет забыта. Пусть в этом дневнике сохранится хоть отчасти мое "я" со всеми волнующими его мыслями. А "я" — это то, что внутри. "Я" — вечно, " — так писала в своем дневнике Елизавета Дьяконова. И, действительно, она жила каким-то своим особым внутренним миром, миром чувств и мыслей, пытаясь познать себя и окружающий мир. Результатом этих исканий стали знаменитые "Дневники" Елизаветы Дьяконовой, нерехтчанки, широко известной в литературных кругах не только Петербурга, но и всей России. Они получили высокую оценку общественности, четырежды переиздавались.

Дневник был простым и значительным ответом души женщины, по мере развития все более и более стремившейся определить основные вопросы жизни и веры в глубоком, почти философском их значении. Дневник в своей цельности явился результатом постоянной, иногда мучительной психологической работы, проникнутой искренним доверием к себе, к той правде души, которая одна лишь всегда имеет свою самостоятельную сущность... Дневник был для автора итогом не механического движения жизни, а духовного миропонимания. Вся стремительная жизненная работа Е. А. Дьяконовой выразилась в простом языке ее души. "Дневник одной из многих" — так назвал его брат Елизаветы Александровны в предисловии к третьей части ее "Дневника русской женщины". Что мы знаем о судьбе Елизаветы Дьяконовой?

27 августа 1874 года в семье известного нерехтского купца Дьяконова родилась дочь. Девочку назвали красивым нежным именем Лиза. Род купцов Дьяконовых в Нерехте по сохранившейся родословной корнями своими уходит в XVII век. Из поколения в поколение Дьяконовы занимались ручной выделкой крестьянского холста. Ею торговали у себя в Костромской губернии. Затем ею стали торговать со складов в Москве и по большим ярмаркам в Нижнем Новгороде, в Харькове, в Симбирске. Прадед Елизаветы, Борис Иванович, одним именитым купцом в 1858 г. был возведен в потомственное почетное гражданство. Ее родной брат, Александр Иванович, выстроил себе большой каменный дом, лучший в Нерехте.

Его сын Иван Александрович, дед Лизы, кроме торговли, занимался делами благотворительности, был в почете и считался первым лицом в небольшом уездном городе, каким была Нерехта. Иван Александрович слыл для своего времени весьма грамотным человеком, понимал пользу необходимости образования и единственного своего сына Александра Ивановича, отца Елизаветы, отправил учиться в Москву в практическую академию коммерческих наук.

Отец Лизы знал английский язык, свободно говорил по-французски. Чтобы продолжить дело своего отца, он открыл в городе текстильную фабрику, оборудование для которой привез из Англии. В 1873 г. Александр Иванович женился на красавице Александре Егоровне Горшковой, дочери ярославского купца. Дом Дьяконовых — полная чаша. Дела коммерческие процветают.

Фабрика приносит доход, торговые связи расширяются. Вслед за Лизой появляются другие дети: Надежда (1875), Валентина (1876), Владимир (1881), Александр (1882).

Лиза — умная, талантливая девочка, с особым видением мира. Для нее были главными не столько происходящие события, сколько ее чувства, мысли. Но передать их некому. Она старшая в семье, и у родителей не может найти отклика на свои чувства, размышления, переживания. Они заняты коммерческими делами, сбережением имеющегося капитала.

Используя пушкинский образ, можно сказать: "Она в семье своей родной казалась девочкой чужой". Девочка росла без материнского тепла, ласки, была впечатлительной, нервной. Ей казалось, что для матери дети — обуза. Позже она напишет в дневнике: "Бедные дети, маленькие мученики взрослых тиранов". Ее детское сердце жаждало любви и привязанности. Спасение она находила в книгах: "Я читаю и забываю хоть часа на два всю ту цепь споров, наказаний, которая опутала наш дом и никому из нее не позволяет выйти".

С 11 лет она начинает вести дневники, которым она могла поведать свои чувства, мысли. Это было время учебы в марьинской женской гимназии г. Нерехты (в настоящее время это здание станции юных техников). Записи краткие, наивные. В августе 1886 г., в день рождения, Лиза уезжает к бабушке в Ярославль. Записи прерываются до октября. Возвращается с тяжелыми мыслями. Отец болен. Его везут в Москву,

показывают лучшим врачам, не жалеют никаких средств, чтобы спасти.

Болезнь временно ослабевает. Проходит время, и он умирает 10 января 1887 года.

Большое торговое дело остается без руля. Александра Егоровна ликвидирует фабрику, и семья переезжает в Ярославль. Смерть отца произвела на девочку сильное впечатление. Впоследствии Лиза часто будет вспоминать короткие минуты счастья, проведенные с отцом.

Тяжело расставалась Лиза с Нерехтой, подругами, теми местами, в которых она проводила счастливейшие минуты жизни.

В Ярославле Елизавета учится в Сиротском доме. Здесь она сближается с гувернанткой Александрой Николаевной.

Е.А. Дьяконова. Фото 1896 г.

Так как близких подруг у Лизы нет, к ней она обращается за советами. Но чем старше становится Лиза, тем больше тяготит ее семья.

Мать полностью ушла в дела, и на ласки у нее просто не хватало времени. "В доме нет ладу, ссоры, брань, нотации...просто с ума можно сойти! И все это на меня, несчастную, сыплется беспрестанно, так что я даже не успеваю и вопроса задать: за что? Почему? Что за жизнь эта, опротивела она до того, что не знаю, куда деться! Бог законом своим запретил себя убивать: кабы не грех — сейчас бы в воду или под рельсы... хоть бы умереть поскорее!

Я увидела бы папу, ангелов, святых!" — пишет в своих дневниках Лиза 11 октября 1888 г.

И это в 14 лет, когда в девочке должно все радоваться, переполняться счастьем.

Она растет, созревает. В дневниках ее появляются размышления о смысле жизни, о Боге. Очень часто у Лизы возникает желание уйти в монастырь. Особенно религиозной семья Дьяконовых не была. Наибольшее влияние в этом плане на детей оказывала бабушка (мать отца) Ольга Дмитриевна. Своим духовным отцом Лиза считала Иона Кронштадского, с которым встретилась однажды на железнодорожной станции, к нему ходила на торжественные службы, когда приезжала к тетке в Петербург. Она любила читать Евангелие, священные книги, думала о спасении души, об аде и своих грехах, о бессмертии.

"Смерть — освобождение "Я" от тела...Я знаю, что "Я" живо, никогда не умрет; что когда-нибудь мое "Я" увидят в другом мире. То, что мы называем "Я", всегда будет живо и никогда не умрет; "Я" — это сама душа".

Расширяется кругозор Лизы, идет ее духовный рост В дневниках появляются философские рассуждения вместо наивных детских мыслей и обид. Особенно это прослеживается в ее отношениях с гувернанткой Александрой Николаевной: "Она уже не может ответить на мои вопросы, и теперь я уже сознаю, что за два года я выросла, а она нет, что я ее догнала".

В период написания этих дневников Лиза пробует литературное перо. Ее первые произведения — "Домой" и "Провинция". Последнее написано вместе с подругой П. Скорее всего, этой подругой был кузен Петр.

Именно в это время он, кто старше ее на несколько лет, был особенно близок Лизе. Первый литературный опыт был удачен. Появляется желание писать еще и еще. Часто в своих дневниках Елизавета вспоминает милую Нерехту, с которой у нее была тесная духовная связь: "Как хороши были те вечера, которые я проводила одна в Нерехте. Бывало, встанешь перед окном своей комнаты наверху и смотришь: — внизу раскинулся темною массою город, не видно реки из-за темноты, за городом молчаливо темнеет лес. Нерехта спит, кругом все тихо, в маленьких домишках почти нигде нет огня. И тоскливо как-то становилось — нигде я так ясно не видела всю ничтожность человека, таких людей, как мы...

На большой равнине, где-то в средней полосе России, меж зеленых лугов, затерялся городишко Нерехта, люди настроили себе крошечных домиков, живут в них, спят спокойно".

И опять те же мысли о смысле существования, о предназначении человека. До 1890 года в дневнике отсутствуют записи о политике, хотя ею Лиза начинает интересоваться очень рано.

Уже в 17 лет она читает газеты. Первая запись на политическую тему появляется в связи с отставкой германского канцлера Бисмарка; для многих людей он был идеалом политика. Для нее же кумиром в политике был Наполеон Бонапарт.

В 1890 году Лиза оканчивает с серебряной медалью Ярославскую гимназию и получает звание домашней учительницы. Она стремилась учиться дальше в высшем учебном заведении, но в то же время для девушки это было невозможно, да и мать препятствовала этому. Считалось, что у женщины другое предназначение — муж, семья, дети, любовь. А Лиза в жизни видела другое: брак без любви, грязь, проституция, дома терпимости. И она пишет: "У меня теперь точно глаза открылись. Бог все премудро устроил, но из этого люди сделали величайший, безобразнейший из грехов, он справедливо наказывает таких людей страшными болезнями".

"А я сама, ведь таких миллионы, и все они думают, стремятся, мучаются, радуются и в конце концов умирают. Такова жизнь большинства из нас, женщин".

На примере судьбы своей подруги, а также после прочтения "Крейцеровой сонаты" Л. Толстого она начинает понимать, что, как бы ни лелеяли мечту о любви, о возвышенных чувствах, жизнь все равно все сломает, растопчет.

Она считала себя "одной из многих": "Что такое мой дневник? Это журнал "одной из многих". Да! Много нас описывают в романах, но мне кажется, что все-таки в них есть доля фальши...Мы — девушки, окончившие и не окончившие курсы гимназии, желающие продолжить образование далее, но не нашедшие в семье ни сочувствия, ни поощрения, а наоборот, сильное противодействие...

Прибавить к этому мои безумные мечтания, мое страшное желание учиться, и Вы поймете, каково мне жить (1890 г.)". Она хочет вырваться из "тесной клетки", хочет чувствовать себя независимой.

Помещает объявление в газете о возможности давать уроки. Серебряная медаль давала ей на это право. В доме скандал, оскорбления, и идею пришлось отложить.

Режим ожесточился. Лиза в отчаянии. Пустая трата времени действует на нее ужасно. Она запоем читаем своих кумиров: Фета, Майкова, Полонского, серьезные книги Монтескье, Руссо, Тита Ливия, изучает латынь. Лиза начинает собирать документы на поступление в высшие женские Петербургские курсы. А это не так-то просто. Автобиография и свидетельство есть, а свидетельство о безбедности Сиротский суд без согласия матери не дает. Лиза встает на колени перед матерью, плачет, терпит унижения, но Александра Егоровна непреклонна. Но Лизе удается добиться, чтобы документы приняли.

И вот в 1895 году она принята на историческое отделение Петербургских Высших женских курсов. Один рубеж в жизни преодолен.

"Точно грубый покров разрывался во мне, и нежная ткань души просила жизни", — пишет она.

Учеба в Петербурге стала новым этапом в становлении Елизаветы Дьяконовой. Она знакомится с прогрессивно настроенными студентами, участвует в студенческом движении.

"Быть человеком свободного труда творчества" — вот главная мысль ее "Дневника" на курсах. Глубоко оценив учение Л. Толстого, Лиза на многих страницах высказывает сокровенное желание новой правды человека. Но невозможность осуществить такое желание привела ее к одиночеству. И там, в Петербурге, жизнь снова мучила девушку беспощадно, вокруг не было людей отзывчивых и близких.

В это время она начинает заниматься литературной и публицистической деятельностью. Ее поддержал работавший в журнале "Русское богатство" писатель В.Г. Короленко. Она пишет несколько рассказов: "Отчего", "Под душистой веткой сирени", "Выстрел", "Сватовство", "Пасхальная ночь бабушки", — публикуется в журналах за подписью Е. Нерехтская.

На литературном конкурсе Парижского общества студентов в 1902 году ее рассказ "Под душистою веткой сирени" получает бронзовую медаль. Наряду с прозой она пишет и стихи. Проявляется ее талант как публициста. Она пишет статьи "О женском вопросе", "О воспитании любви к родной старине", пишет путевые заметки, статьи педагогического характера, исторические очерки. Но самыми крупными ее произведениями являются "Дневники", состоящие из трех частей. Это "Дневник 1886-1896 г.", "Дневник на высших женских курсах", "Дневник русской женщины". Они получили высокую оценку общественности.

В ноябре 1900 г. Дьяконова поступает на юридический факультет Сорбонского университета во Франции. В то время в России еще не было ни одной женщины-юриста. Этот этап жизни отражен в "Дневнике русской женщины". Елизавета Александровна рассказывает о парижском периоде своей бурной, кипучей жизни. Здесь мы видим нравы, настроения, быт и взгляды русских студентов, встречи с писателями, художниками, врачами. Елизавета любит искусство, ходит в музеи,

подолгу смотрит на старые вещи, гравюры, итальянскую живопись.

"Дневник русской женщины" — это конечный итог пережитого, написанный в форме повести. Дневник состоит из двух рукописей, причем вторую Лиза писала с лихорадочной поспешностью, часто работая с ночи до утра, начав ее в мае и кончив за несколько дней до смерти. Живя в темной, душной трехметровой комнате, она заболевает. Все чаще, как обручем, опоясывает нестерпимая головная боль — это последствия семейного деспотизма.

В это время девушка переживает сильную личную драму, окончательно разочаровавшись в любимом человеке и в мужчинах вообще. Здесь, в Париже, она в одиночестве, а домой ехать, опять в ненавистную ей обстановку, нельзя.

Что делать? Как жить? Она пишет теперь: "В моей душе нет гармонии, нет необходимого для жизни равновесия, — и я гибну, гибну — и нет мне спасения. Я совсем потерялась... и не знаю, что с собой делать".

Она взывает: "Люди! Вот среди вас гибнет человек, которому нужно так мало, ... искра любви, ласки, участия" (1900 г.). Снова появляется мысль о смерти: "Если нет сил для жизни — надо умереть. Я решаю...раз и навсегда". Меня пожалеют разве только бабушка, тетя и бедная забитая Надя. Она будет горько плакать над моей могилой и никогда не поймет, отчего это Лиза, которой, кажется, дано было все, чего она хотела, — отчего она покончила с собой? ... Все готово. Письма написаны.

Я отворила окно. Стоит холодная зимняя ночь. Как хорошо, как тихо кругом. И страшно мне кажется, что завтра в это время я не буду существовать. Страшно... Родина, милая, прости. И ты, любовь моя, прощай!" Эта запись последняя в дневнике.

Сдав успешно экзамены за второй курс, она весной отправляется на родину. В пути остановилась в австрийском городе Тироле. Ранним утром 29 июля (по новому стилю 11 августа) 1902 отправилась на прогулку в горы. Но вечером не вернулась. Бросились на поиски, которые оказались безрезультатными. Только через некоторое время альпийские пастухи в скрытых горных расщелинах крутого обрыва, в холодном каменистом ложе знакомого всем ручья "Луиза", обнаружили труп женщины. Хозяин отеля опознал клиентку. До сих пор ее смерть остается загадкой. Почему она погибла? Мы этого никогда не узнаем.

Похоронили ее на родине, в любимой Нерехте, на кладбище у Крестовоздвиженской церкви 5 сентября 1902 года.

"Льются в прозрачном воздухе теплые лучи солнца, спокойный день в безоблачно сияющем просторе неба охвачен радостью бесконечного забвенья. На широкой поляне родной земли, за белеющей лентой старинной ограды кладбища, вблизи бедной церкви с сияющим золотым крестом, тихо опустили черный гроб, и прощальная горсть свежей земли из рук безмолвной толпы глухо упала в могилу, и великое молчание ликующей природы хранило в себе вечную тайну и ужас смерти", — так напишет ее брат в своих воспоминаниях.

Памятник на могиле Е.А. Дьяконовой в г. Нерехте.

Я смотрю на ее скромную могилу с надгробной плитой и думаю, получила ли ее душа мир и покой, о котором она мечтала. Какой богатой души была эта задумчивая, с нежным выражением лица девушка, какая буря чувств, мыслей, переживаний переполняла ее, как ранима была ее по-детски наивная, тонкая душа!

Как мало было в ее жизни тепла, ласки, нежности...И часто этого не хватает всем нам. Чуточку внимания — и, может, не было бы в нашей жизни таких трагедий и жизнь стала бы чуть светлее.

Елена САПРЫГИНА

БИБЛИОТЕКА СЕЛИФОНТОВА

Немецкий писатель Вальтер Беньямин в одном из своих библиофильских эссе отметил, что "наследство... важнейший стимул жизни собрания. Ибо отношение собирателя к своему имуществу диктуется чувством долга к своему владению. Это отношение наследника в лучшем смысле слова. Поэтому самое благородное имя собранию дает родословная". (1)

Все сказанное им полностью приложимо к книжному собранию Н.Н. Селифонтова, сформированному тремя поколениями владельцев, находившимися между собою в близком родстве. Вот их имена: харьковский губернатор Иван Иванович Бахтин — дед по материнской линии последнего хозяина библиотеки, сенатор Николай Иванович Бахтин — дядя владельца и, наконец, сам Николай Николаевич Селифонтов — ученый-археограф и библиофил. Их последовательная собирательская деятельность длилась в общей сложности более столетия.

Оставив в стороне два начальных периода становления библиотеки, обратимся к последнему, касающемуся Николая Николаевича Селифонтова, который, уважая семейные традиции, понимая святость реликвий, не только сберег фамильный архив и библиотеку, но и приумножил их. Книжное собрание Н.Н. Селифонтова и по сей день составляет наибольшую по объему и ценнейшую по содержанию часть книжного фонда Костромского музея-заповедника, насчитывающую свыше 5 тысяч наименований.

По своей структуре библиотека многопланова. Картотека, составленная в 1902 году членом костромской архивной комиссии Л.Н. Северьяновым, насчитывает более сотни разделов, в числе которых беллетристика, философия, география, юриспруденция, политэкономия, народное образование, библиография и множество других подразделений, обличающих широкую образованность и любознательность собирателя.

Кем же был этот незаурядный человек?

Прежде всего русским потомственным дворянином. Н.Н. Селифонтов происходил из старинного дворянского рода, идущего от новгородца Селифонтея, сын которого боярин Панфил послан был в 1471 году Новгородским вече к польскому королю. Следовательно, род Селифонтовых восходит еще к XV веку. Родоначальника от далекого потомка отделяли семнадцать поколений. А краткая автобиографическая справка была написана Н.Н. Селифонтовым в 1890 году:

"Родился 4 ноября 1835 года. Воспитывался с 1849 по 1856 год в Императорском училище Правоведения. На службу вступил 1 июня 1856 года в Департамент министерства юстиции. В 1863 году переведен в канцелярию Комитета министров. В 1872 произведен в тайные советники, назначен товарищем министра путей сообщения и сенатором. В 1878 удостоен звания статс-секретаря Его Императорского Величества и 1 января 1882 года ордена св. Александра Невского, а 30 августа 1889 произведен в чин действительного тайного советника. С 11 октября 1889 года первоприсутствующий в 4 департаменте Правительствующего Сената. Женат с 9 июня 1869 года на дочери Ярославского помещика штабс-ротмистра Дмитрия Александровича Варенцова — девице Зое Дмитриевне. Наследовал после отца и матери в Костромской губернии Нерехтском уезде усадьбу Семеновское с деревнями Панино и Дресва и несколько деревень в Вологодской губернии. Всего 237 душ и около 3600 десятин земли".

Хотя, как видно из автобиографии, Селифонтов являлся крупным государственным чиновником, но не тем он интересен потомкам, а как раз тем, о чем он и не упомянул в ней — своими научными исследованиями в области генеалогии, истории, археографии.

Научное наследие Н.Н. Селифонтова составляют несколько монографий и два-три десятка статей. Толчком к исследовательским занятиям стало получение от покойных родителей, а также дяди-сенатора семейных архивов и, кроме того, значительной библиотеки. После четырех лет разбора шестисот рукописей XVII и XVIII столетий Николай Николаевич, решив, что они имеют ценность в историческом, политическом, статистическом и юридическом планах, создал на их основе свой первый печатный труд — монографию "Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова", который был опубликован в пятом выпуске "Летописи занятий археографической комиссии", а затем вышел отдельным изданием (СПб. 1871 г.)

Персонаж, которому посвящена книга, приходился автору предком-родственником, и от него, Василия Александровича Даудова, перешло в род Селифонтовых недвижимое имение — старинное сельцо Семеновское, расположенное в двенадцати верстах от уездного города Нерехты.

Самым древним владельцем Семеновского считался Савин Тимофеевич Овцын: он упоминался в документах с первой трети XVIII столетия. Его внук Иван Иванович Овцын, получивший сельцо в наследство, был женат на Анне Яковлевне Даудовой, и поскольку Бог не даровал им детей, то по их смерти владельцем Семеновского стал их племянник — капитан Вятского полка Петр Федорович Даудов. Он-то и перевез в усадьбу архив своего деда — известного дипломата XVII столетия Василия Александровича Даудова, ставший позднее предметом исследования Николая Николаевича Селифонтова. После смерти Петра Федоровича Семеновское наследовал его сын Николай Петрович Даудов, женатый на Марии Петровне Нальяновой, сестра которой была замужем за

Иваном Осиповичем Селифонтовым — дедом автора книги. После смерти бездетных Даудовых имение переходит в род Селифонтовых и с 1812 года находится в их бессменном владении вплоть до революции.

Во времена Николая Николаевича Селифонтова, внука Ивана Осиповича, имение состояло из двухэтажного кирпичного дома с мезонином и с выступающим четырехколонным портиком, покоящимся на каменных пилонах. Перед домом был разбит небольшой, но обихоженный парк с искусственными прудами и аллеями из разных пород деревьев. Недалеко от дома возвышалась каменная Богородицкая церковь, построенная попечением Петра Федоровича Даудова в 1761 году. В ней престолы в честь Смоленской иконы Богоматери и во имя святителя Николая. Издали виднелась ее двухъярусная колокольня. С востока церковь окружало сельское кладбище.

Николай Николаевич Селифонтов.

Вообще вид усадьбы, расположенной на проезжей дороге из Нерехты в село Спас на возвышенном месте, был весьма живописным. Недаром Николай Николаевич Селифонтов охотно проводил в нем летние отпуска, и здесь были созданы многие его историко-археологические труды, и в первую очередь упомянутый "Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова". Книгу Н.Н. Селифонтова ждали в столице многочисленные друзья и знакомые автора, в числе которых был известный впоследствии писатель-романист Г.П. Данилевский. В письме от 17 февраля 1871 года он спрашивал:

"Вышла ли книга археографической комиссии с дорогими материалами о Даудовых? Я с нетерпением жду обещанного оттиска, ибо условился с одним изданием написать об этом. Не откажите известить в редакцию или с этим посланным". (2)

К тому времени сорокалетний Г.П. Данилевский уже сложился в зрелого мастера, опубликовавшего несколько исторических романов: "Беглые в Новороссии", "Поля", "Новые места", однако произведения, прославившие его имя: "Мирович", "Девятый вал", "Потемкин на Дунае", "Княжна Тараканова" — еще не появились на свет. Творческую работу Данилевский сочетал со служебной деятельностью. В начале 1869 года в Петербурге была учреждена официальная газета "Правительственный вестник", и Данилевский определился туда чиновником особых поручений. Зарекомендовав себя с наилучшей стороны, он был отмечен начальством и вскоре назначен на должность помощника редактора, а с 1881 по 1890 год, до самой смерти, состоял главным редактором газеты. При сборе материалов для "Правительственного Вестника" Данилевскому приходилось вступать в деловые контакты со многими высокопоставленными лицами различных ведомств. В 1869 году он встретился с 34-летним начальником отделения канцелярии комитета министров Н.Н. Селифонтовым. Деловые отношения вскоре переросли в дружеские, о чем свидетельствует дарственная надпись на книге Данилевского "Украинская старина" (Харьков. 1869 г.), хранящаяся в библиотеке Селифонтова: "Его превосходительству Николаю Николаевичу Селифонтову от сочинителя. 19 окт. 69". Сама книга составила третий том сочинений Г.П. Данилевского и включила в себя ряд очерков, посвященных деятелям украинской литературы и народного образования: Г. Сковороде, В. Каразину и К. Основьяненко. Спустя пару лет этот труд был удостоен Уваровской премии Академии наук.

О нем упоминал Г.П. Данилевский в очередном письме Селифонтову:

"Милостивый государь Николай Николаевич! Минувшею осенью я имел счастье поднести Вам издание моей "Украинской старины", увенчанной Уваровскою премией наук. Теперь, в свободные минуты, я занят литературно-ученым изданием архива моей семьи. Из этих же документов попадаются также материалы, которые просятся в более художественную отделку. Первый опыт — рассказ моей прабабки о заезде Петра I в колонию моих предков, о гр. Аракчееве и о прочем. (...) С глубоким уважением имею

честь быть вашего Превосходительства покорнейший слуга Григорий Данилевский. 3 января 71 года". (3)

Личность упоминаемого в письме "дядюшки" Селифонтова, Николая Ивановича Бахтина, интересна как историкам, так и литературоведам. Видный государственный деятель эпохи реформ Александра II, статс-секретарь, член Государственного Совета Н.И. Бахтин в молодые и зрелые годы был очень дружен с поэтом-драматургом и переводчиком П.А. Катениным, под влиянием которого сформировался в неплохого критика и литературного издателя. Бахтиным был выпущен в свет двухтомник "Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина" (188832). Им же была собрана большая библиотека, куда влился и общинный семейный архив. Многие исследователи пользовались материалами Бахтинского архива, в том числе и Данилевский, поместивший в "Украинскую старину" биографические материалы об отце Николая Ивановича Иване Ивановиче Бахтине — харьковском губернаторе, содействовавшем созданию харьковского университета.

Через посредство дяди было осуществлено другое важное литературное знакомство Н.Н. Селифонтова — с издателем журнала "Русская старина" Михаилом Ивановичем Семевским.

Молодые люди быстро сошлись по сходству занятий и увлечений, к тому же оба были почти ровесниками. Они состояли в одних и тех же научных обществах: историческом, археографическом, любителей древней письменности. Знакомство перешло в прочную дружбу и тесное деловое содружество. Селифонтов выступает на страницах "Русской старины" сначала с небольшими сообщениями историко-генеалогического характера, затем переходит к объемным серьезным публикациям.

В каталоге большого книжного собрания Н.Н. Селифонтова под № 371 числится оттиск статьи из журнала "Русская старина" за 1878 год под названием "Константин Владимирович Чевкин — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями". В самом же оттиске нашлась записка следующего содержания: "Позвольте поздравить Вас, искренно уважаемый Николай Николаевич, хотя и задним числом, с получением высокого, почетного и в высшей степени заслуженного Вами звания Статс-секретаря Его Императорского Величества. Препровождаю к Вам — 20 отд. оттисков Вашей монографии о К.В. Чевкине. — "Твоя от Твоих тебе приносяща". Искренно преданный М. Семевский. 30 апреля 1878 года".

Через год после очерка о Чевкине Селифонтов помещает в журнал Семевского свой новый труд "Иван Константинович Бошняк, комендант г. Саратова в 1774 году", написанный по материалам семейного архива его соседей по нерехтскому имению помещиков Бошняков.

Позднее в одном из писем Селифонтову от 20 февраля 1880 года Семевский так охарактеризует творческую деятельность своего автора: "Сердечно благодарю Вас, искренно уважаемый Николай Николаевич, как за Ваше поздравление, так и за постоянное дружеское сочувствие и содействие нашему изданию. Вот уже одиннадцатый год, как Вы... не только читатель и почитатель "Русской старины", но и вкладчик в нее трудов интересных и обрабатываемых с столь обычною Вам обстоятельностью и строгим вниманием к источникам..." (4). И действительно, труды Селифонтова всегда отличались основательностью и предельной научной добросовестностью. Дружба его с Михаилом Ивановичем Семевским крепла. На домашних вечерах издателя Селифонтов познакомился со многими выдающимися деятелями того времени и известными литераторами: И.С. Тургеневым, Т.П. Пассек (кузиной Герцена), известным адвокатом А.Ф. Кони и другими.

Татьяна Петровна Пассек — "корчевская кузина" А.И. Герцена, написала интересные воспоминания, в которые включила ценные сведения о знаменитом родственнике. Рассказывая там же о своем свекре — ссыльном сибиряке В.В. Пассеке, она упоминала о его встречах в сибири с дедом Н.Н. Селифонтова: "В то время как Василий Васильевич Пассек находился в Тобольске, — писала она, — Иван Осипович Селифонтов был генерал-губернатором Сибири. Он радушно принимал у себя сосланных из своей среды и особенно отличал между ними Василия Васильевича Пассека. Дочь Ивана Осиповича, по мужу Алябьева, крестила у Пассека одного из сыновей — и оба семейства находились в дружеских отношениях, которые продолжались и по приезде Пассеков в Москву". (5)

Видимо, поэтому при встрече с Н.Н. Селифонтовым на вечере у М.И. Семевского мемуаристка и подарила внуку губернатора Сибири свою книжку с автографом: "В знак моего глубочайшего уважения Николаю Николаевичу Селифонтову. Т. Пассек. 1879 год 13 окт. Петербург. "Эта книга пополнила библиотеку Селифонтова наряду с целым рядом книжных презентов Михаила Ивановича Семевского, среди которых оказались: "Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий, собранные Михаилом Семевским". М. 1870., "Записки князя Якова Петровича Шаховского. 1705-1777 г.". СПб. 1872, "Бунт военных поселян в 1831 году". СПб. 1870" и ряд других с дарственными надписями.

С основанием в 1885 году костромской губернской архивной комиссии, в деятельности которой Н.Н. Селифонтов с момента основания и до конца жизни принимал деятельное участие, издавая по примеру "Русской старины" сборник статей членов комиссии под названием "Костромская старина", поток корреспонденции и статей ученого в журнал Семевского поиссяк, поскольку свои труды Селифонтов предпочитал помещать в изданиях комиссии или от ее имени, однако дружеские отношения их не прекратились и даже, наоборот, стали еще крепче. По предложению Н.Н. Селифонтова, последнее десятилетие перед смертью возглавлявшего комиссию, 1-го июня 1891 года члены КГУАК единодушно избрали Михаила Ивановича Семевского почетным членом комиссии. Тот отозвался теплым письмом и подарком — годовыми

подшивками своего журнала. Однако недолго ему удалось побыть почетным членом КГУАК: в 1892 году в библиотеку его друга поступил оттиск из "Русской старины" с некрологом о смерти ее издателя. А еще через три года вышла монография о М.И. Семевском, написанная и изданная женой Михаила Ивановича. Она заключает ряд изданий селифонтовской библиотеки, связанный с именем Семевского.

Как человек творчески активный, Селифонтов стремился к самовыражению, но государственная служба, где он достиг высоких чинов, не могла создать ему идеальных условий для этого. Лишь на родной земле, в окружении родных и единомышленников-друзей, он мог погрузиться в творчество, заключающееся для него в скрупулезных историко-генеалогических исследованиях.

Около двадцати лет он изучал и систематизировал родовой архив Селифонтовых. И вот в 1890 году в Санкт-Петербурге вышла небольшим тиражом его книга "Родословная Селифонтовых и Румянцевых. Для друзей". Она представляла собою подробные росписи двух старинных дворянских фамилий.

Общаясь с маститыми генеалогами России — Л. Савеловым, Д. Кобеко, Н. Лихачевым — Селифонтов вряд ли затруднялся в работе над книгою, имея в их лице квалифицированную помощь. Как обозначено в конце текста, труд создавался ученым в селе Семеновском во время летних вакаций. Родную деревню Николай Николаевич предпочитал всяким курортам: "Нигде нельзя лучше отдохнуть от мозгового и нервного утомления, как в сельской глуши, в деревне", — говаривал он, когда доктора советовали ему ехать за границу. Здесь он жил простой сельской жизнью, предаваясь всевозможным развлечениям: верховой езде, катанию на лодке, прогулкам пешком или ручному труду за точильным станком, за столярным верстаком. Иные шкафы для библиотеки были собственного его изобретения". (6)

Живя в деревне, он отдавал много времени написанию статей или разбору древних рукописей, доставляемых ему соседями. Так его сосед по имению из усадьбы Есипово А.К. Бошняк передал ему рукопись "Воспоминания ополченца", которую Николай Николаевич препроводил М.И. Семевскому в "Русскую старину", на что редактор журнала в письме от 20 февраля 1880 года отвечал: "Статью г. А. Бошняка я, получив сегодня, еще не прочел, но для меня довольно Вашего о ней отзыва, чтобы дать ей место на страницах "Русской старины". (7) И он сдержал слово.

Изыскательские занятия сблизили ученого с лицами, посвятившими себя таким же работам по истории костромского края, составившими позднее ядро костромской ученой архивной комиссии. Он не замедлил

Имение Селифонтовых в селе Семеновском Нерехтского уезда.

присоединиться к этому учреждению, более того, стал ее учредителем и вскоре занял почетный пост ее председателя. Вместе с ним на первом организационном собрании присутствовал друг и родственник, ярославский житель Евгений Иванович Якушкин. В 1880 году племянница Селифонтова Мария Александровна Бизеева вышла замуж за Евгения Ивановича Якушкина, сына декабриста. Ее супругу к тому времени было уже за пятьдесят, и он уже восемь лет вдовел после смерти первой жены. Оба свояка быстро сошлись, поскольку их связывала не только благородная страсть к книгам и близкое соседство по имениям (Семеновское находилось в нескольких верстах от Марьинского), но и родственность профессий: они оба были юристами по образованию.

Супруги Якушкины летом часто отдыхали в Марьинском, приезжая туда из Ярославля и, как правило, извещая о своем приезде Селифонтова, гостившего по летам в Семеновском. Друзья обменивались визитами, проводя время в беседах, в чтении... "В Семеновском Вы читали нам рукописную характеристику европейских держав библейскими текстами", (8) — вспоминал Якушкин в письме к другу 6 октября 1880 года. Навещали приятели и других соседей в их нерехтских усадьбах: Бошняков, Карцевых, Усольцевых, Корниловых, Илинского, — и почти всех их Селифонтов приобщил к работе в комиссии.

Евгений Иванович Якушкин часто посещал и Кострому, где присутствовал на заседаниях архивной комиссии, внимательно следил за работой костромичей, делился с ними опытом, дарил свои труды и книги из личной библиотеки. Несколько книг с его автографами в селифонтовской библиотеке свидетельствуют о том, что автор не забывал и своего друга. Так на книгах "Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии обычного права". М. 1899, "Обычное право, выпуск первый. Материалы для библиографии обычного права". Ярославль. 1875 и "Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде". Ярославль. 1869 имеются трогательные дарственные надписи автора. Присутствуют в библиотеке Н.Н. Селифонтова и книги сына Евгения Ивановича, Вячеслава Евгеньевича, литературоведа и пушкиниста, также с автографами: это "Радищев и Пушкин". М. 1886. Кн. 1; "О Пушкине. Статьи и заметки В.Е. Якушкина". М. 1899 и другие.

Публиковал свои заметки Е.И. Якушкин в сборниках Ярославской, а иногда и Костромской архивной комиссии. Один перечень некоторых изданий костромской архивной комиссии за время председательства Н.Н. Селифонтова свидетельствует о солидных трудах его. Помимо регулярного печатания журнала заседаний комиссии, им было подготовлено — отредактировано и отдано в печать — пять выпусков сборника "Костромская старина" и начат шестой, неоконченный. Здесь помещались труды ведущих членов комиссии: И.В. Миловидова, И.К. Херсонского, П.И. Илинского и др. Под эгидой комиссии издано несколько книг самого Н.Н. Селифонтова, например, серия описей, как-то: "Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и начала XIX стол. Перваго Собрания "Линевскаго архива". СПб. 1892, или "Описи документам архива бывших Большесольских посадской избы и ратуши... XVI-XVIII столетия. СПб. 1902 (Издание посмертное), или "Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Ч. 1-2. Спб. 1898 г.

Костромская губернская ученая архивная комиссия, руководимая Н.Н. Селифонтовым, не ограничилась только издательской деятельностью. Еще в 1891 году он положил начало устройству при комиссии археологического музея, который вскоре сделался замечательным хранилищем ценных экспонатов. Селифонтов же организовал при музее Романовский отдел, в котором хранились материалы о предках и самих представителях царствующего рода. Хлопотал председатель комиссии и о надлежащем помещении для музея, и, благодаря его стараниям, был создан интересный проект здания музея архитектором Требертом, но реализован не был из-за смерти ученого 29 декабря 1900 года.

Тело Н.Н. Селифонтова было перевезено по его желанию на сельское кладбище сельца Семеновского, где в присутствии членов комиссии и родных по нему отслужили панихиду. Собрались и целые толпы крестьян, чтоб отдать ему свой последний поклон.

И по смерти председателя связь его с костромской архивной комиссией не прервалась. По духовному завещанию покойного ей отходила его ценная пятитысячная библиотека.

Селифонтовское книжное собрание формировалось как рабочая библиотека. Ее владелец активно пропагандировал и максимально использовал ее материалы и разрешал другим исследователям использовать их. В книге "Пушкинский сборник", изданной под редакцией профессора Кирпичникова (М. 1900), в одной из сносок говорится, что автор статьи "Катенин и Пушкин" В.Ф. Миллер пользовался материалами библиотеки Н.Н. Селифонтова, а именно, перепиской П.А. Катенина с Н.И. Бахтиным.

Готовя биографические статьи о своих дяде и деде, Н.И. Селифонтов сам использовал материалы своей библиотеки. Биографии его родных помещены в "Русском биографическом словаре".

И после смерти хозяина его библиотека продолжала свою просветительскую функцию, помогая совершенствоваться в знаниях членам губернской архивной комиссии, а позднее ее преемникам — членам костромского научного общества, а в наше время сотрудникам музея-заповедника и посетителям ценного книжного фонда

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Альманах библиофила. Выпуск XV. М. 1983. С. 294.
2. РНБ ОР. Ф. 682. Д. 78. Л. 5.
3. РНБ ОР. Ф. 682. Д. 78. Л. 8.
4. РНБ ОР. Ф. 682. Д. 226. Л. 22.
5. Пассек Т.П. Из дальних лет. Т.П. СПб. 1879.
6. Костромская старина. Выпуск VI. Кострома. С. 14.
7. РНБ ОР. Ф. 682. Д. 226. Л. 22.
8. РНБ ОР. Ф. 682. Д. 226. С. 46.

Ирина ТЛИФ

СЫРНЫЙ СЕЗОН

Верстах в 15 от города Нерехты лежит село Никольское в живописной долине при речке Стрельне. К концу XIX века в нем на "122 дворах" проживало "562 души мужеска и женска пола". Из "мужеска" малая часть уходила в Санкт-Петербург на строительные работы, остальные прочно сидели на месте, занимались нехитрым и многотрудным крестьянским делом. Когда зародился в Никольском единственный в уезде сыроваренный завод, верных свидетельств не сохранилось, но в 1897 году он уже исправно поставлял в Москву "голландский сыр и скоромное масло". Завод был основан московскими купцами В.И. и Н.И. Бландовыми, которым по праву принадлежит заслуга и честь распространения сыроваренного промысла в Костромской губернии.(1).

Условия в Нерехтском уезде мало благоприятствовали развитию молочной промышленности. Здешние места не славились ни породистыми коровами, ни обилием сочных трав. Костромские статистики, давая в 1875 году оценку губернским луговым угодьям, отнесли к "местностям с особенно бедными лугами" весь Нерехтский уезд, так как "обширные, но довольно тощие покосы представляет здесь одна долина р. Солоницы и нижнее течение Сунжи; даже Волга прилегает к уезду не низкими заливными лугами, а крутыми, во многих местах довольно высокими обрывами".(2)

По общему количеству скота этот малоземельный, плотно населенный уезд первенствовал в губернии, однако оставался последним по числу четвероногих кормильцев на каждый крестьянский двор. Результаты обследования молочного хозяйства показали, что нерехтские крестьяне "не сбывают молочных продуктов /.../, если каждое крестьянское хозяйство и скопит несколько фунтов масла и продаст его, то и сам скоп и продажа носят настолько случайный характер, что учету не поддаются /.../; крестьянская корова в среднем за 9 месяцев дает не больше 3 штофов в день".(3) А для выработки 1 пуда сыра требовалось 11 пудов молока. В 1900 году в Нерехтском уезде из 125 тысяч голов скота на 100 хозяйств приходилось от 85 до 108 коров.

Более всего буренок держали в домах земледельцев. Им, помимо молока для питания семьи, требовалось большое количество удобрений, без которых костромская земля не давала ни овощей, ни хлеба. Безошибочен был выбор места опытными заводчиками-сыроделами: Никольская волость, где процвел молочный монополист, входила в земледельческий район уезда и частью располагалась в Присолоницкой луговой зоне.

В Нерехтском уезде, как ранее в Костромском и Буйском, предпринимателям удалось преодолеть недоверие жителей к новому промыслу. Главным доводом в его пользу была денежная наличность, выдаваемая крестьянам за принесенное на завод молоко. За пуд цельного молока сдатчикам платили 35 копеек, что в конечном итоге было немалым подспорьем в крестьянском хозяйстве. В 1897 году завод принял 5500 пудов молока, из которого изготовили 650 пудов сыра и 50 пудов сливочного масла.(4)

Сырный сезон продолжался 210 дней в году. В горячую пору, когда молока поступало особенно много, в мастерской трудилось до 6-ти человек по 17-ть часов в сутки. Долгий рабочий день не редкость в период "молочной страды", но вряд ли найдется еще 2-3 завода в губернии, на которых держали бы более 5 работников. Мастер и 1-2 помощника — вот обычный "штат" большинства костромских сыроварен. Впрочем, к 1910 г. Никольский завод вполне вписался в местные условия и оформился в аккуратное заведение с одним управляющим-мастером и 2-3 подмастерьями. Выпуск сырной продукции не опускался ниже 350 пудов в год.(5)

То, что завод принадлежал Бландовым, уже гарантировало высокое качество товара: бландовские сыры поступали на московский и петербургский рынки, пользовались постоянным спросом у зарубежного потребителя. В санитарном отношении заводы Бландовых были на порядок выше молочных заведений других хозяев. Санитарные врачи не раз отмечали, что многие сыроварни — ветхое, полуслепое здание, сальная посуда, бесконтрольно спускаемые сточные воды — стали очагами инфекции для окружающих жителей. На Никольском заводе блюстители гигиены могли отдохнуть от сильных отрицательных впечатлений. Его "просторное, светлое и теплое помещение", содержащаяся в чистоте и порядке утварь и сепаратор Лаваля рождали самые положительные эмоции, укрепляли оптимистический взгляд на будущее сыродельного промысла.(6)

В начале XX века до Костромской губернии докатился 1-й "бум" молочной кооперации. В 1906 году в селе Саметь Костромского уезда появилась первая крестьянская артель, а к 1913 году частник был просто сокрушен силой и активностью "низового элемента". Бывшие сдатчики молока, а иными словами, скотовладельцы, объединялись в молочные кооперативы и как "равноправные пайщики" ожидали доходов от реализации "конечного продукта". Сомневающихся и тугодумов переманивали в артель путем повышения платы за молоко. Много приличных частных заведений было тогда разорено. Однако это ни в коей мере не коснулось нерехтского края: Никольский завод благополучно пережил романтичес-

кий всплеск пробуждающегося творчества народных масс, оставшись при этом и частным, и рентабельным, и по-прежнему единственным в уезде.

Уездное земство, не желая мириться с отсутствием положительных сдвигов в молочном хозяйстве, приступило к изучению всех источников корма для скота. Долина р. Солоницы стала главным объектом внимания луговодов. Ведь именно там располагались "обширные, но тощие покосы", с которых собирало сено большинство нерехтских жителей. Прекрасные плодородные почвы Присолоницкого района, заболоченные от постоянных разливов и разбитые пасущимися на лугах стадами, обещали при благоприятных условиях обильнейшие урожаи трав.

В 1909 году был заложен 1-й опытный участок с целью обследования почвенного слоя речной поймы и выявления сортов трав, способных дать при укосе наилучший результат. К 1913 году показательных участков стало 12, начались мелиоративные работы, открылись прокатные пункты с луговодными машинами и орудиями. Энтузиасты-просветители посредством лекций, бесед и брошюр соответствующего содержания активно приобщали население к агрономическим знаниям. В 1916-17 годах нерехтское земство приобрело 10 племенных быков для улучшения местной породы крупного рогатого скота, а губернское — купило неподалеку от г. Нерехты усадьбу Шахматово для устройства общегубернского рассадника луговых трав. В 1917 году были посеяны и травы на семена. (7)

"Молочные реки" потекли в уезде с 1920-х гг., когда ни земства, ни усердных пестователей молочного промысла купцов Бландовых уже не было. На месте губернского питомника вырос совхоз "Шахматово", продолживший земские начинания, а вокруг Никольского завода образовалось большое молочное хозяйство, куда вошло более 240 пайщиков. В 1920 году завод переработал 120 пудов молока в сыр, который по хорошо накатанному привычному маршруту партиями был отправлен в Москву. (8)

В 1944 году бывший Нерехтский уезд в очередной раз был "разукрупнен", и село Никольское "с окружающими его деревнями" стало частью Бурмакинского района Ярославской области. Неизвестно, процветает ли там и ныне старинный сыродельный промысел или давно угас, оставив по себе память в справочниках по Костромской губернии и на пожелтевших страницах архивных дел.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 325а. Л. 26.

2. Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 3. Кострома. 1875. С. 31-32.

3. Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. Вып. 1. Кострома. 1901. С. 160.

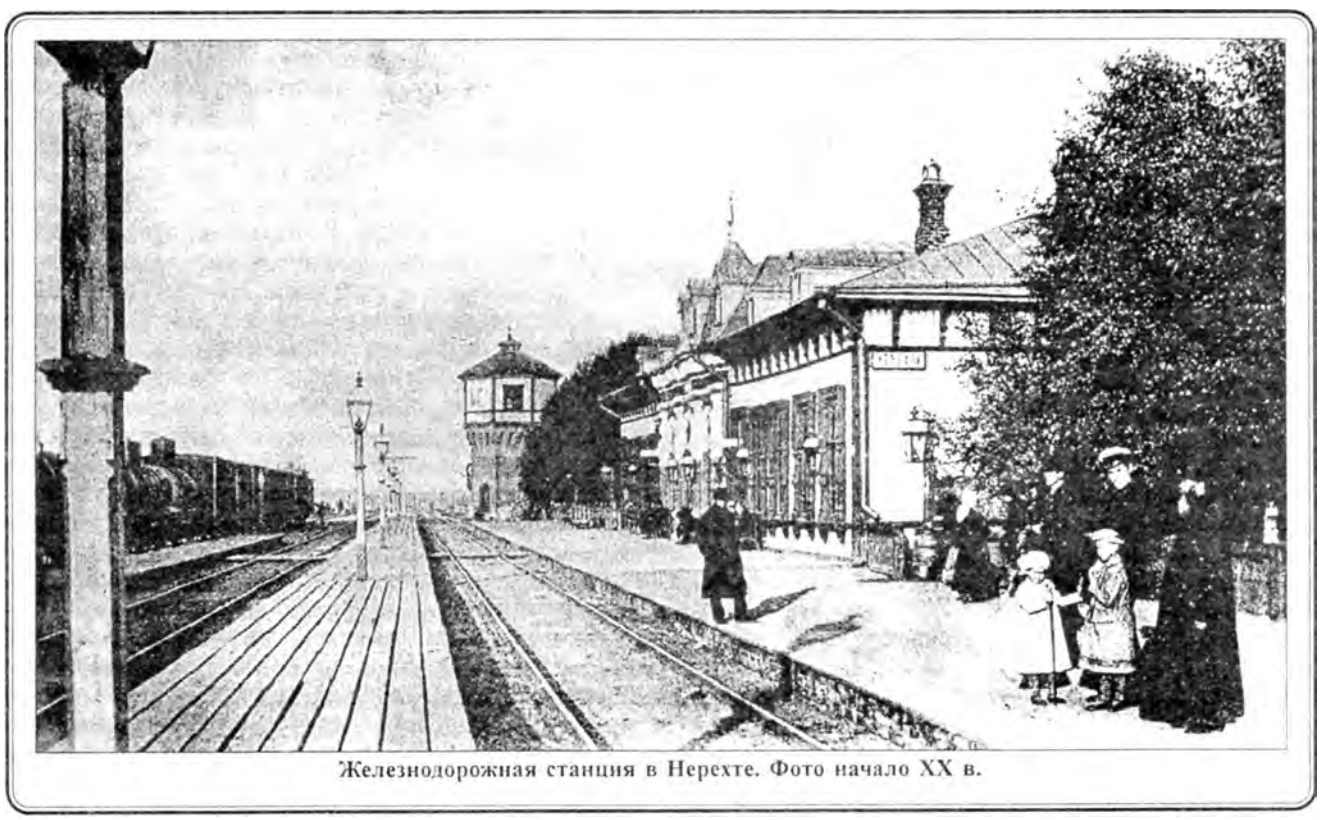
4. ГАКО. Ф. 161. Там же.

5. ГАКО. Ф. 205. Оп. 2 ос. д. 1598. Л. 43.

6. Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома. 1909 .С. 11.

7. Мешалин И В. Экономическое описание Нерехтского уезда Костромской губернии. Нерехта. 1927. С. 9-10, 47, 50, 96.

8. Там же. С. 117.



Железнодорожная станция в Нерехте. Фото начало XX в.

Александр ВОЛКОВ

ОТХОДНИКИ

Детство моего отца Волкова Ивана Ивановича было недолгим. В тринадцать лет он выглядел этаким мужичком, и отец его, мой дед, счел нужным взять парнишку в стольный Питер в качестве помощника в штукатурных и малярных делах. Шел 1908 год.

Обычно сразу после Пасхи мужички-малосолы (1), согласовав заранее в долгие зимние вечера поименный и количественный состав своих бригад, или, как тогда говорили, артелей, отправлялись в близкие и дальние города на заработки до самого Покровб. Мужики Левашовской волости почти все ездили в далекий Питер, потому что город этот был богат, да и строительство там шло, не в пример другим российским городам, более интенсивно.

Выбирали артельного старшину. Чаще всего именно этот самый старшина и определял количественный и качественный состав своей артели. На плечи старшуго сваливалось огромное количество забот. Он должен был назначить срок отъезда (отхода, т.к. в ближние города мужики не ездили, а ходили пешком, в том числе в Москву), осмотреть инструменты, купить всем билеты в счет будущих заработков, на месте подыскать "фатеру" (квартиру), договориться об оплате, найти хозяйку-повариху, определить каждого на свое рабочее место и так далее. Разве перечислишь сейчас, с высот нашего времени, круг забот, которым наделялся старшой в артели отходников!

Мой дед, Волков Иван Александрович, был в те поры непререкаемым авторитетом как в малярно-штукатурных работах, так и в знании деловых и человеческих качеств всех кандидатов в артельщики. Именно ему артель доверяла в течение многих лет организацию работ в столице Российской империи. И было за чту.

Иван Александрович за всю свою жизнь не выронил ни одного ругательного (матерного) слова, кроме "тьфу, пес те подери!", не закурил, как ни соблазняли иногда мужики ради любопытства, ни одной цигарки, не выпил ни стопки вина (принципиально, так как не считал вино за напиток, хотя жена его, моя бабушка, винцо, якобы, очень даже уважала и всегда держала в своем чулане бутыль с рябиновкой). Особенно же деда моего люди уважали за скромность и честность.

Был он скуповат. Даже сам себя не баловал излишествами в еде и одежде. Да и все другие мужики, за редким исключением, ехали в столицу не на веселье, а на тяжкую от зари до зари работу и денежки беречь очень даже умели. Поэтому скупость ему прощали, зная наперед, что к Покрову она обернется звонкой монетой.

Слово "отходничество" в энциклопедическом словаре под редакцией А.М. Прохорова объясняется так: "Временный уход крестьян... на заработки в города. Было распространено среди помещичьих оброчных крестьян. Усилилось после крестьянской реформы 1861 года". Уход этот здоровых мужиков из родных деревень на крестьянском хозяйстве отражался довольно болезненно. Справиться с уймой дел в сельском хозяйстве оставшимся дома членам семьи было чрезвычайно тяжело, но, видимо, "шкурка стоила выделки", ибо не было года, чтобы этот самый отход откладывался на потом.

Сам я уже не застал в деревне той лавочки, которую основал дед на заулке нашего дома. Говорят, что она дожила до тридцатых годов уходящего века, когда ее раскатали по бревнышку для нужд родившегося колхоза местные власти. А до этого в лавочке у деда было все для праздничного сельского стола: баранки, печенье, ландрин, сахар, мука, растительное масло, урюк и другие сухофрукты. Говорят, что дед за некоторыми этими продуктами даже в Молдавию ездил, чтобы потом, привезя домой и прибавив копеечку к их первоначальной стоимости, иметь прибыль.

Такой уж неугомонный человек был мой дед. Ему не сиделось дома. Он, как только начинались отелы, не мог спать даже зимой. Договаривался в соседних деревнях о покупке "молосничков" и вез их или даже тащил на плечах домой, чтобы, очень аккуратно сняв шкуру с забитого теленка, продать ее кожевенникам почти за те же деньги, что и стоимость всей тушки. Мясо, следовательно, семье доставалось почти задаром. Оно, это мясо, в большом бочонке под тяжелой крышкой в замороженных кусках хранилось в холодных сенях до весны.

Великий Пост соблюдался в семье неукоснительно. Бабка Елизавета Дмитриевна, совершенно неграмотная, строго следила за расходованием продуктов и не позволяла до Пасхи есть ни яиц, ни молока или сметаны. А уж о мясе и говорить не приходилось. Бабуля же командовала невестками и управлялась с лавочкой, никогда не обсчитывая, как это ни странно, саму себя. В долг под проценты давала деньги и продукты. Отец мой потом рассказывал, что расписок должников накопилось к 1917 году так много, что бумажки еле-еле убирались в головной платок, куда из года в год складывала его мать в надежде на то, что придет время платежей. Но, увы! Оно так и не пришло.

Конечной целью, всем смыслом жизни моего деда было обеспечение благосостояния своей большой семье, но параллельно этой цели была и другая — накопительство. Все покупки для членов семьи осуществлялись через деда. В сундуке хранилось все необходимое из одежды, но излишеств и здесь не было. Дорогие вещи одевались только по праздникам. Идти в церковь теплым погожим утром было принято босыми, и лишь перед входом надевались кожаные сапожки или ботинки.

Благосостояние составлялось по крохам. Колотый сахар на столе появлялся редко, и такими мизерными дольками он лежал в сахарнице, что, как говорила иной раз моя мать, пришедшая в дом тринадцатой, "муха утащить могла бы". И если кто-то из несмышленышей протягивал руку во время чаепития во второй раз к этой самой заветной сахарнице, то получал от главы семьи шлепок по руке, а то и полновесный подзатыльник.

Патриархальный уклад семейных отношений чувствовался во всем. Глава семьи определял место и долю участия каждого как в труде, так и в потреблении приобретенных общими усилиями благ. Женатые сыновья, еще не отделившиеся, веского слова в семье не имели. Мало того, они могли подвергнуться телесной экзекуции за какую-нибудь серьезную провинность. Так, например, другой мой дед (по материнской линии и тоже Иван) бил вожжами своего женатого сына за то, что он, исхитрившись, выгреб у него несколько золотых, чтобы заплатить карточный долг.

Отходник-подрядчик по каменным работам Кудрявцев Л.А. из д. Жуковка.

Все это, отступив от основной канвы повествования, я пишу для того, чтобы показать, насколько бережно, насколько прямо-таки скрупулезно создавался достаток в крестьянских семьях в наших краях. Вот почему "отход" в Питер в деревне начала XX века воспринимался всеми как явление вполне ординарное и даже необходимое.

В конце пасхальной седмицы артель начинала уже собираться в путь. В котомку укладывалось чистое белье, подорожная еда, а в отдельный мешок — инструменты: сокол, терка, полутерок, кисть, экомелок и прочее, без чего в далекой северной столице тебе делать нечего.

Наши артельщики снимали угол на Васильевском острове у одних и тех же хозяев много лет подряд. Делали деревянные нары, где-то раздобывали соломы для подушек и матрацев и надолго по-хозяйски устраивались, спать долго не доводилось. Кроме великих праздников, работать приходилось ежедневно с самого раннего утра и до темноты. Фронт работ предоставляли подрядчики. Качество определяли они же. Заработки были приличные. Особенно ценилась работа на высоте, в люльках.

Надо помнить, что механизмов, к каким привыкли строители нашего времени, тогда еще не существовало. Своеобразными рыцарями стройки считались в Питере каменщики-поляки. Они на третий или даже на четвертый этаж несли по ступенькам бегом тяжеленные "козы" в несколько десятков кирпичей. А для штукатуров лихостью считались работы по оттяжке на солидной высоте фигурных карнизов.

Юный Ванюшка зорко вглядывался в приемы и особенности работ своих земляков, но отец на люльки его долго еще не пускал. Его заботой было наносить воды, насеять песку, разгарцевать песок с цементом. А уж жидковат или сух раствор — не его было дело. Кондицию тут определяли люди с опытом. Но время шло, и парнишке стали доверять низовые работы с соколом, мастерком и теркой. Постепенно накапливался собственный опыт, который доставался тяжким повседневным трудом и который не купишь ни за какие деньги.

Столица России удивила и придавила деревенского паренька одновременно. Огромные дома с аркатурными перекрытиями, соборы, дворцы, каналы, каменные кони и люди — все это поражало воображение. Толпы людей и

многочисленные экипажи, богатейшие магазины, в витринах которых стояли, как живые, людиманекены, газовые фонари по вечерам, трактиры и богатые рестораны, куда вход в непотребном одеянии был заказан, — все это как-то разом навалилось на мальчика из глубинки.

Особенно нравилось Ване ходить по городу со своим другом, деревенским соседом, который был много старше отца. Звали его Николаем. Этот юноша знал сотни всяких любопытных историй про полеты первых аэропланов, про знаменитых борцов Заикина и Поддубного, про умельцев, добравшихся поправить крест на колокольне Петропавловского собора. И много-много других подробностей знал Коля Кузнецов, потому что очень любил читать. Ни один листок с печатным текстом он не оставлял непрочитанным.

Проходив в школу три зимы, мог читать и Иван. Он тоже читал все афиши и вывески над магазинами и, как губка воду, впитывал в себя российскую орфографию. Недаром же его много лет спустя новая власть сделала первым ликвидатором безграмотности в его родной деревне.

Пареньки, раскрыв от удивления рты, смотрели цирковые и балаганные выступления артистов и борьбу профессиональных борцов. Особенно часто отец вспоминал потом, как невзрачный на вид мастеровой из их же братии принял однажды вызов известного в Питере борца и бухнул его об пол, не провозившись с ним и двух минут. Знай наших!

Утром Ивану долго спать не давали. Основные продукты закупались вечером, а хлеб ржаный и ситный предпочитали есть еще теплым, поэтому мальчик должен был рано встать и бежать в ближайшую лавку за этим важнейшим продуктом. Хлеба артель съедала много. Даже за завтраком. "Ах, какой это был хлеб! Ешь — не наешься!" — вспоминал мой отец в довольно уже преклонном возрасте.

За то, что мальчишка всегда брал хлеб в большом количестве, хозяин лавки давал ему то леденец в награду, а то и лишнюю белую булку или баранку, чтобы не переманили другие такого выгодного покупателя. Все это запечатлелось в детском мозгу на всю жизнь, и когда жизнь в 20-е и 30-е годы резко изменилась после известных всем российских передряг, отец очень тепло и постоянно вспоминал те далекие годы, когда запросто можно было прийти и свободно, без очередей и давки купить сколько угодно хлеба.

Мне, автору этих строк, выросшему в постоянных очередях за хлебом насущным и хлебнувшему послевоенного лиха, в его рассказы верилось слабо. "Как это так? Без очереди? Без карточек? И сколько тебе угодно?! Нет, тут что-то не так", — сверлила юный мозг постоянная мысль.

Рассказывал отец и про изобилие товаров. Особенно удивлял тот факт, что хозяева мануфак-

Отходники из Питера братья Желобовы.

турных магазинов, якобы, держали даже специальных зазывал, которые упрашивали прохожих зайти в магазин хотя бы лишь для того, чтобы посмотреть на столичное изобилие, а затем рассказать другим об этом царстве вещей.

"Дело было перед началом 1-й мировой войны, — рассказывал как-то отец. — Упросил-таки я отца своего (это моего деда) купить мне гармошку. "Пилить" простейшие мелодии я к тому времени научился уже на чужой гармошке, но страсть как хотелось иметь свою. Мне шел уже семнадцатый годик. В деревне была зазноба, и в эту осень хотелось явиться на родину со своим инструментом.

В одном хорошем магазине на литейном стояло на полке около десятка разных гармошек. Не спеша зашли с отцом, остановились у прилавка и попросили подать в руки понравившуюся гармонь. Взял несколько аккордов. Что-то не понравилось. Попросили другую — то же самое. После пятой или шестой пробы собрались было уходить, но мужчина-продавец — тертый калач, — не желая отпускать покупателя, предложил гармошку из-под прилавка, заранее предупредив, что она очень дорогая. А гармонь была не гармонь, а сказка: малиновые меха, кнопочки перламутровые, блестящая, аккуратная. Чуть тронул меха и заулыбался. Чистый, ни с чем не сравнимый звук сразу же околдовал, заворожил. Выпускать из рук такую вещь не хотелось.

Отец спросил только: "Сколько!" А услышав из уст продавца фантастическую цену "семьдесят", сразу засобирался к выходу. Мне тоже ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Мне тогда и в голову не могла прийти мысль, что мой папаша затеял с продавцом хитрую игру.

Не успели мы выйти из магазина и сделать несколько шагов прочь от него, как услышали слова: "Господа! Господа! Остановитесь!" Мы снова зашли в магазин. Отец предложил шестьдесят. Продавец наотрез отказался. Мало того, он заявил, что ремень, стоимость которого 5 руб., продается отдельно. Опять отец бросился к выходу, и я последовал его примеру. Так мы возвращались и снова заходили по настойчивым просьбам продавца до тех пор, пока откуда-то из отдельной конторки к прилавку не был вызван сам хозяин.

Гармонь мы купили. В своей деревне в ту осень и зиму я играл девчонкам модный тогда вальс "На сопках Манчжурии".

Сохранилась фотография, где отец с двумя дружками сидит с развернутой гармошкой в картузе с тульей, в рубашке с глухим воротом и в не первой свежести костюме. На обратной стороне написано: "Фотография С. Смирнова. С.-Петербург, Петербургская сторона, большой проспект, № 30". Дата не упомянута, но по лицу отца видно, что ему не более 16-ти лет, а это значит, что фотографировались отходники году в 1911 или двенадцатом. Еще до начала первой мировой войны.

Каждый ли год с началом войны мой отец ездил в столицу Российской империи на заработки, доподлинно не известно. Помню только, что отец жаловался на подорожание хлеба в булочных. И еще он говорил о том, что с осени 1914 года вдруг куда-то исчезли все владельцы лавок, магазинов и магазинчиков с немецкими фамилиями, а в церквях стали возглашать здравицы российскому воинству, запрещено было продавать спиртное, о чем отец в те годы еще совсем не жалел. Зато курил папироски "Дюшес", а на них цены подскочили сразу во много раз.

В последние годы жизни отец часто в своих воспоминаниях возвращался к годам своей юности и всегда с большой теплотой рассказывал о Питере. Кстати, именно с началом войны С.-Петербург был переименован в Петроград.

В 1916 и семнадцатом годах по особому пропуску отцу и его землякам-штукатурам пришлось работать в Кронштадте на фортах. Город-крепость был на военном положении. Жили наши отходники в маленькой комнатке при казарме. Стал ощущаться голод. Появились на улицах толпы недовольных людей. К этим людям часто присоединялись матросы со стоящих здесь кораблей. Возникали стихийные митинги. Чувствовалось влияние большевиков, готовых на заключение мира с Германией.

Отец рассказывал, как в начале 1917 года (февраль — начало марта) рабочие фортов бегали в док, где матросами был убит вместе со своим адъютантом командующий Балтийским флотом, которого все ненавидели за строгость и истязания нижних чинов. Трупы лежали рядом обгорелые. Только малиновая подкладка шинели адмирала ясно доказывала, что один из мертвецов не простой смертный.

Отходники, как, впрочем, и местные жители, были свидетелями и непосредственными участниками всех последующих событий бурного семнадцатого года. Так, например, отец часто говорил (а кое-где и писал, дабы в советские времена выглядеть пусть хоть не совсем "красным", а хотя бы "розовым") о том, как их, мастеровщину, сбивали в колонны и, вручив отпечатанные тексты "Варшавянки" и "Интернационала", заставляли распевать эти песни, расхаживая взад и вперед в самом Питере, на Невском. А платить обещали как за рабочие дни.

Осенью того же года, перед тем, как уехать в родимые края, Иван собственными глазами видел уход крейсера "Аврора" в бурлящий страстями Петроград для поддержки большевистского восстания.

Деревенские парни в условиях войны не имели иных развлечений, как игра в карты. Дело было в самой столице на прежней квартире. Играли по-крупному. "Мне почему-то везло, — признавался в своих рассказах отец. — Один раз выиграл золотые карманные часы, а однажды снял "банк" в четыреста рублей! Это даже по тем временам были огромные деньги".

Ровно половину тех денег отец отослал Ивану Александровичу в деревню. Надо сказать, что дед мой к тому времени отходничать уже перестал, но бизнесом еще занимался — продолжал держать на заулке своего дома в деревне лавочку. Доход был мизерный, потому что и сам хозяин, подобно неграмотной супруге своей, продолжал давать продукты в долг под запись.

"Играем мы как-то "в очко", в квартире питерской одни мужики. Накурено. Вдруг кто-то из проигравших и говорит: "Кажется, Иван Александрович сюда идет, только что перед окошком прошел". Все сразу вскочили и попрятали свои карты в карманы. В квартиру и в самом деле заходит, как с небес свалившийся, мой дед. Он сразу же понял, в чем тут дело. "Тьфу, пес те подери! Накурено как! Пойдем, Иван, поговорим на воле".

Отец и дед вышли на улицу. Дед стал стыдить отца (не женатого еще, женится он зимой 1918 года у себя в деревне), упрекать в карточной игре, так как сам он никогда не играл. "Я повел Ивана Александровича в ресторан, — рассказывал потом отец, — заказал ему и себе обед, напоил его чаем с вареньем. Гость чуточку размяк и повеселел, а когда я сказал, что недавно отослал на его имя перевод в двести рублей, сразу же засобирался в обратную дорогу. Смешно". Отец качает головой, весь находясь в приятных воспоминаниях."

Последнюю осень мужики работали на доме председателя Госдумы Родзянко. Хозяин не раз сам подъезжал к отделочникам на автомобиле, а по окончании работ хорошо расплатился и велел выдать каждому по красной атласной рубашке с глухим воротником.

Отходники. Иван Волков — с гармошкой. Фото 1910-х гг.

К дому столь важной особы подошел как-то полицейский чин и громко крикнул: "Шабаш, мужики! Все. Хватит работать. Вон какие ночи холодные стали! Поезжайте по домам".

Ослушаться было невозможно. Это был последний отход моего отца.

Отец умер на девяносто девятом году. Рассказов о Питере ему хватило на всю жизнь. К старости он где-то уже повторялся. Так что я, его сын, все эти воспоминания пишу по памяти и, если дотошный читатель найдет где-либо неточность, а тем более досадную ошибку, прошу заранее извинить.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Малосолами назывались мужики из деревень близ Малых Солей.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО

Нерехтское училище возникло в 1791 году как малое народное училище на основании Екатерининского Устава от 5 августа 1786 года, признавшего народное образование "делом государственным". Первые годы едва набирало десяток-другой учеников. "Нерехтчане оказывали холодность к образованию. Бывало, чтобы на экзамене блеснуть числом учащихся, посылали на дом звать их, и, чтобы заохотить придти в училище, сторож училищный, вынимая из пазухи книгу, манил учеников: приходи на экзамен, эту книгу завтра подарят тебе!" — писал Михаил Яковлевич Диев в исторических записках о Нерехте. Курс длился 2 года, принимали детей обоего пола и "всякого звания". Обучали чтению, письму, первоначальным зачаткам христианского закона и добронравию. "Из учителей лучшею методою образования и радушностью породил к успехам охоту в учениках Александр Данилович Святогорский: при нем число учеников возвышалось до 60 человек. После него училище ослабело", — продолжал Диев свой рассказ о школе, в которой сам преподавал закон Божий в 30-е годы XIX века. (см. речь М.Я. Диева на торжественном акте Нерехтского уездного училища 1836 года.) После изменений в системе народного образования на основании Предварительных правил от 24 января 1803 года Святогорского пригласили в только что учрежденную Костромскую мужскую гимназию "на математику" старшим учителем.

Тогда же Нерехтское малое училище стало называться уездным: изменения коснулись ограничений в приеме детей крепостных, кантонистов, артистов 2 разряда и капельдинеров, которые практически не соблюдались. Обучение продолжало курс приходского училища и в то же время готовило к поступлению в гимназию. (см. Отчет о состоянии Нерехтского уездного училища за генварскую треть 1835 года.) В 1845 году училище купило землю и приступило к постройке собственного здания!

С 1877 года новые преобразования сделали училище трехклассным городским со статусом общеобразовательного, с предназначением "для городского населения, преимущественно для бедной части его". Курс длился 6 лет и обучал закону Божию, чтению и письму, церковно-славянскому чтению с переводом на русский язык, арифметике, геометрии, географии и истории Отечества, черчению, рисованию, пению и гимнастике. 6 апреля 1880 года открылись ремесленные классы, сапожные и портняжные, замененные через 20 лет шведской системой ручного труда. Для облегчения поступления выпускников в средние учебные заведения — гимназии, технические и землемерные училища, учительскую семинарию, речные и лесные школы — в 1904 году ввели преподавание новых языков (французского) на средства земства. В 1891 году училище отпраздновало свой 100-летний юбилей! (см. Письмо инспектора Нерехтского городского училища директору народных училищ Костромской губернии.)

Преобразовавшись очередной раз 1 июля 1912 года, Нерехтское высшее начальное училище расширило свои земельные владения и переустроилось на средства Министерства народного просвещения. На деньги же земства пополам с городом был открыт класс бухгалтерии. Так руководство в лице инспектора В.П. Герасимова и почетного попечителя П.Б. Комарова-Лаврентьева заботилось о будущем своих выпускников.

По Акту от 9 апреля 1918 года (см. документы) имущество училища, в том числе недвижимое, поступило в ведение отдела уездного хозяйства Нерехтского исполкома совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Здание отдали третьей школе 2 ступени, которая позже стала третьей советской опорной школой, с 24 января 1925 года — районной семигодичной школой, потом фабрично-заводской семилеткой. В годы 2 Отечественной войны в здании располагался госпиталь. До 1990-х годов называлась восьмилетней школой № 4. В настоящее время преобразована в муниципальную среднюю общеобразовательную школу № 4 г. Нерехты.

Любовь ПОРОСЯТКОВСКАЯ

РЕЧЬ МИХАИЛА ЯКОВЛЕВИЧА ДИЕВА НА ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ НЕРЕХТСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА 1836 г.

Почтеннейшие посетители!

Земледелец, с надеждою вверяя семена земле, тем с сугубою радостию пожинает плоды, чем более видит нивы, обремененные оными. Вертоград наш, юный воспитанниками, но счастливый посещением столь блистательной публики, не может хвалиться зрелостью плодов, ибо оценить оные еще предлежит благосклонному любопытству Вашему. Почтем себя счастливыми и довольно награжденными, если, почтеннейшие посетители, удостоите нас благосклонного внимания, для нас тем более ободрительного, что способности и познания юношеские нередко скрываются под корою застенчивости. Для нас .не оценена и одна благоволительная улыбка любителей отечественного просвещения.

Почтеннейшие посетители! Ободрение есть душа для наук и просвещения. Удостоиться благосклонного внимания почтеннейшей публики во всякое время

составляло для нас лестное поощрение на поприще образования. На сей день, в который начальственная награда при блистательном собрании чтителей Отечественного просвещения довершила годовые труды питомцев прилежных и благонравных, для юных сердец наших есть торжество самое утешительнейшее. Одна только леность и безнравственность посрамляется: но снисходительный взор к незрелым познаниям нашим и благосклонная улыбка Ваша при самых наших недостатках, да послужит поощрением и для недостойных!

Язык наш слабо выразит радостные чувствования и горячайшую признательность за благосклонное внимание Ваше, почтеннейшие посетители! Ревностным образованием ума и сердца нам остается оправдать неусыпные попечения Всеавгустейшего государя, труды начальников и наставников наших и ожидания сродников, чтоб и мы явились в свое время верными подданными монарха, православными сынами церкви и добрыми гражданами отечества.

Сочинил законоучитель священник Михаил Диев.

Ф. 429. Оп. 1. Д. 58. Лл. 5б-58 об. Подлинник. Автограф.

ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ НЕРЕХТСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА ЗА ГЕНВАРСКУЮ ТРЕТЬ 1835 года

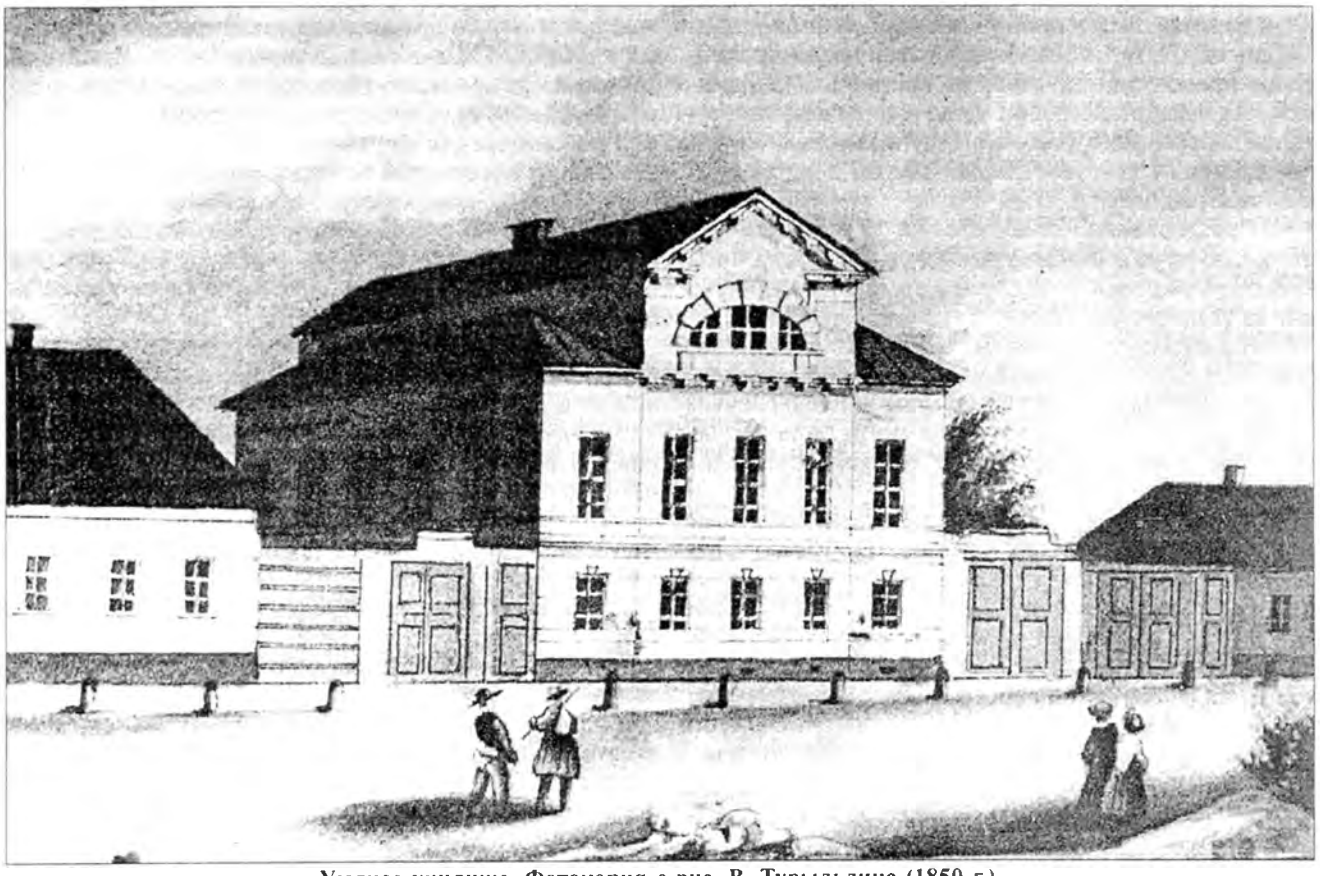
Нерехтское уездное училище помещается в наемном каменном доме за 300 руб. ассигнациями в год и терпит неудобства от тесноты и худого плана, а в зимнее время еще от сырости, холода и угара — лучшего дома не находится.

Училище получает из уездного казначейства на содержание и на жалование чиновникам в год 4383 р. 50 коп. На училищную библиотеку г. почетный смотритель жертвует 200 р. каждогодно.

Смотрители: почетный — Александр Андреевич Нечаев, штатный — Павел Яблоков, законоучитель — священник Михаил Диев, учитель русского языка Иван Милославов, учитель истории и географии Иван Шмидт, учитель арифметики и геометрии Василий Чернышев и по найму исправляющий должность учителя чистописания дьякон Иван Костеневский.

В училище состоит 66 учеников, из коих дворян — 3, оберофицерских — 8, купеческих — 7, приказно-служительских — 1, разночинцев — 3, мещан — 37, крепостных — 7. В сравнении с предшествующей четвертью число учеников одинаково. Три ученика отличные по успехам и по поведению: третьего класса Михаил Трескин, второго класса Александр Симанов, первого Михаил Константинов. Оказавших хорошие успехи — 30 учеников, посредственные — 33.

На приумножение училищной библиотеки генваря 24 числа поступило из Москвы от неизвестного благотворителя под буквами К.И. 50 руб. ассигнациями. В течение сей трети библиотека умножена приобретением выпискою одного экземпляра журнала Департамента народного просвещения, одного экземпляра изданных покойным профессором Мерзляковым пе-



Уездное училище. Фотокопия с рис. В. Турыльдина (1850 г.).

реводов и подражаний древним и одного экземпляра книги Римские древности, переведенной профессором Зиновьевым.

В Нерехтском уездном училище учение продолжалось всегда по уставу учебных заведений кроме воскресных, праздничных и высокоторжественных дней.

Ф. 429. Оп. 1. Д. 48. Лл. 5-7 об.

ПИСЬМО ИНСПЕКТОРА НЕРЕХТСКОГО ГОРОДСКОГО ТРЕХКЛАССНОГО УЧИЛИЩА

ДИРЕКТОРУ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

28 июня 1891 г.

Вверенное мне городское трехклассное училище преобразовано 1 июля 1877 г. из уездного училища, в свою очередь преобразованного 10 марта 1805 г. из малого народного училища, открытого в 1791 г. В текущем 1891 г. исполняется 100 лет со времени открытия училища.

Хотя подлинных бумаг за время 1791-1826 гг. кроме хронологического каталога книг и учебных пособий, существующего с 1804 года, при училище не сохранилось по случаю пожара, бывшего в 1826 г., и день открытия не известен, но год открытия значится: в Памятной книжке Министерства народного просвещения на 1865 г. (с. 302), в Материалах для географии и статистики Костромской губернии, собранных офицерами генерального штаба, СПб. 1861. с. 484 и в некоторых сохранившихся черновых отчетах и ведомостях о состоянии училища за прежние годы.

Донося о том, имею честь почтеннейше просить Ваше превосходительство, не найдете ли Вы возможным исходатайствовать пред господином попечителем Московского учебного округа разрешение отпраздновать столетний юбилей училища по следующей программе.

1. Празднование назначается на 15 сентября — в это число начаты учебные занятия в городском трехклассном училище в 1877 году по преобразованию его из уездного училища.

2. В 9 часов утра имеет быть отслужена литургия, после которой — крестный ход из церкви в училище для отслужения молебна. Пред молебном законоучителем, а после преподавателями могут быть прочитаны приличные случаю речи и краткая историческая записка об училище.

3. С празднованием юбилея соединяется обычный ежегодный публичный акт, на котором читается краткий отчет о состоянии училища, протокол о переводе и выпуске учеников, раздаются награды (похвальные листы и книги) ученикам, оказавшим хорошие и отличные успехи в минувшем учебном году, и показываются ученические работы по письму, черчению, рисованию и ремеслу.

4. Во время литургии, молебна и торжества будет петь .хор из учеников. Избранными учениками будут прочитаны некоторые стихотворения и басни.

5. Если будут изысканы средства, то всем приглашенным лицам и всем учащимся может быть предложен завтрак. Учащимся, кроме того, могут быть розданы в подарок книги.

Учитель-инспектор Л. Бриллиантов.

Ф. 444. Оп. 1. Д. 1937. Лл. 12-13 об. Подлинник.

АКТ

9 апреля (1918 г.)

Комиссия по приему Нерехтского высшего начального училища в ведение отдела уездного хозяйства Нерехтского исполнительного комитета совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, принявшего на себя права и обязанности бывшего Нерехтского уездного земства, в составе представителей — от исполнительного комитета И.Г. Морозова, от отдела уездного хозяйства Л.И. Говезина, от педагогического совета училища свящ. отца В.М. Лебедева, в присутствии инспектора училища Сафонова составила настоящий акт в нижеследующем:

Согласно постановления Временного Правительства от 26 сентября 1917 г. и состоявшегося соглашения Костромского губернского и Нерехтского уездного земств по их журнальным постановлениям, все имущество, инвентарь, книги, учебные пособия и капиталы, принадлежащие Нерехтскому высшему начальному училищу, подлежат передаче в ведение отдела народного уездного хозяйства, с сохранением за ними их специального назначения. В силу этого комиссией были приняты:

1. Участок земли, размером и в границах, которые указаны в купчих крепостях от 5 июля 1845 г. за № 138 и от 12 января 1909 г. № 197.

2. Находящиеся на этом участке строения: а) каменный двухэтажный дом под железною крышей с четырьмя классными комнатами, двумя библиотечными, учительской, физическим кабинетом, залом, ученической, раздевальней, двумя коридорами, сторожкой и квартирой инспектора; б) деревянный сарай под железной крышей; в) деревянная баня под деревянной крышей.

3. Движимое имущество, состоящее из классной мебели и других вещей в количестве 79 номеров.

4. Фундаментальная и ученическая библиотека в количестве 2474 названий или 6423 томов по имеющимся в училище каталогам.

5. Учебные пособия по физике, естествознанию, географии, истории и др. предметам в количестве 312 номеров по списку наглядных пособий.

6. Специальные капиталы, находящиеся на хранении в Нерехтском уездном казначействе: стипендиальный капитал имени В.П. Макина в процентных бумагах 6100 руб. и наличных 2535 руб.; капитал от продажи ремесленных изделий в процентных бумагах (...) и наличных 30 руб. 86 коп.

7. Все дела и бумаги, относящиеся к делопроизводству по училищу.

Все вышеупомянутое имущество, пользование капиталами в пределах их назначения, а также распоряжение наличными средствами является в ведении и на ответственности Педагогического совета училища и его инспектора, расходование сумм производится в пределах ежегодно утвержденной сметы.

Подписи.

Р. 1071. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 1 об. Подлинник.

Лариса СИЗИНЦЕВА

ДЕВИЧЬЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

Частные учебные заведения для девиц открывались в начале XIX века достаточно часто, в том числе и в Костромской губернии. Однако век их был, как правило, недолог, поскольку денег на их содержание требовалось много, а костромские дворяне были, как правило, небогаты. Состоятельная публика могла себе позволить содержать штат домашних учителей или отправить дочерей в столичные пансионы.

Нерехтчане были первыми, кто открыл учебное заведение для девочек не на частные, а на общественные средства, обеспечивая поддержку города и уезда на протяжении всего последующего времени до самого революционного 1917 года, и здесь их приоритет не оспорят ни костромичи, ни кологривцы.

А началось все с того, что в 1838 г. Нерехта с трепетом вспоминала события предыдущего года, когда в мае через город проследовал наследник-цесаревич, великий князь Александр Николаевич. Решили, что лучшим памятником этому событию будет открытие пансиона. Как писал М.Я. Диев, "основным камнем, душою и жизнию этого учебного заведения" был винный пристав Вениамин Иванович Зилинский. "Этот чудак, — вспоминал краевед, — еще бывши в Луху около 1827 года, там основал приходское училище, доселе щастливо существующее!" (1), т.е. действовавшее еще и в начале 1850-х гг.

Значит, легкая рука была у Зилинского! Но, согласитесь, этого маловато для поддержания существования негосударственного учебного заведения, каким, в отличие от приходского луховского, был нерехтский девичий пансион. Очень важно, что идею Зилинского поддержали люди авторитетные, располагавшие реальной властью в уезде и собственными средствами, это тоже не последнее дело. Речь идет о Константине Карловиче Бошняке, который занимал должность уездного дворянского предводителя, и о Борисе Ивановиче Дьяконове, многолетнем городском голове, который и сделал первый денежный взнос — 1500 рублей ассигнациями. Позже на эти деньги были куплены ценные бумаги, и до самой революции в ряду других средств существования нерехтской женской гимназии указывался "капитал им. Дьяконова" (2). Сам же Борис Иванович еще двадцать лет оставался членом попечительного совета и заведовал экономической частью, пока в 1858 году "по преклонности лет и слабости зрения" (3) не попросил освободить его от этих забот. Члены попечительного совета, уважая причины, им объявленные, удовлетворили прошение, изъявив "благодарность за понесенные им труды, сознавая вполне, что труды эти, при самых средствах заведения, лишенного всякой материальной поддержки, были одним из главных обеспечений существования гимназии".

Однако начиналось училище для девиц еще до официальной даты своего основания. Уже в апреле 1838 г. на квартире Зилинского начались занятия, причем уроки немецкого языка давал он сам, а остальные предметы, так же безвозмездно, преподавали учителя нерехтского уездного училища. Предметы гуманитарного цикла (закон Божий, историю, географию) девочкам читал священник и краевед о. Михаил Диев, а арифметику с геометрией, русский язык и рисование вел Василий Чернышев. Девочки происходили из дворянских, чиновничьих и купеческих семей, в частности, одна из них носила фамилию Дьяконова. Трудно сказать, в какой степени родства она состояла с городским главой, но можно предположить, что содействовать развитию образования в городе его побудила и забота о собственной родственнице.

Слухи, а потом и слава об этом неофициальном еще учебном заведении распространились в уезде очень быстро. Уже летом число учениц выросло до 30, и уже надо было думать об особом помещении, об официальном разрешении...

Осень 1838 года стояла теплая и сухая: весь август не было дождей. В ночь с 16 на 17 сентября, с пятницы на субботу, на Никольской стороне, во дворе купца В.М. Лычкова-Мослова, начался во втором часу за полночь пожар. Выгорела половина города, было разрушено и здание, в котором до того помещалось новорожденное училище, "против рядской часовни, около того места, где за 60 перед тем лет был старинный воспитательный дом". (4)

М.Я. Диев вспоминал: "Полагали, что после пожара более не будет училища девиц, но не так мыслил неутомимый Зилинский, который снова обратился к обществу, убедив "почтеннейших женщин из дворян и купечества принять на себя звание почетных попечительниц заведения с обязательством в пользу оного вносить значительную сумму денег. При содействии Бошняка окружное дворянство, равно и некоторые из других сословий, внесли значительные пожертвования". (5)

Зилинский отделал дом для училища в 22 квартале, "как идти к деревне Глазову", принял несколько пансионерок, а с апреля 1839 г. попросил госпожу Порошину начать преподавание французского языка.

Весной 1839 года директор училищ Костромской губернии, П.И.-Величковский, обозревая училища уезда, "нашел заведение Зилинского в самом лучшем виде." (6) Он убедил прочих учителей уездного училища бесплатно преподавать различные предметы, составил проект положения нового учебного заведения, через попечителя Московского уездного округа графа С.Г.Строганова представил его на утверждение министра народного просвещения, решение которого последовало 26 октября 1839 года.

Цель училища для девиц в документах определялась так: "Доставить приличное умственное и нравственное образование детям женского пола всех сословий, как собственно города Нерехты, так и его уезда". (7)

Правда, по положению предполагался прием девочек всех сословий (в том числе и податных) только на первое отделение училища, на младшее. Туда поступали безо всяких предварительных испытаний особы не моложе 6 лет, и обучали их предметам по курсу мужских приходских училищ, причем обучение там было бесплатным.

Второе отделение предназначалось только для лиц свободных сословий — для дочерей дворян, чиновников, духовенства и купечества не младше восьми и не старше четырнадцати лет. При поступлении проверялось их умение писать и читать по-русски, знание четырех действий арифметики.

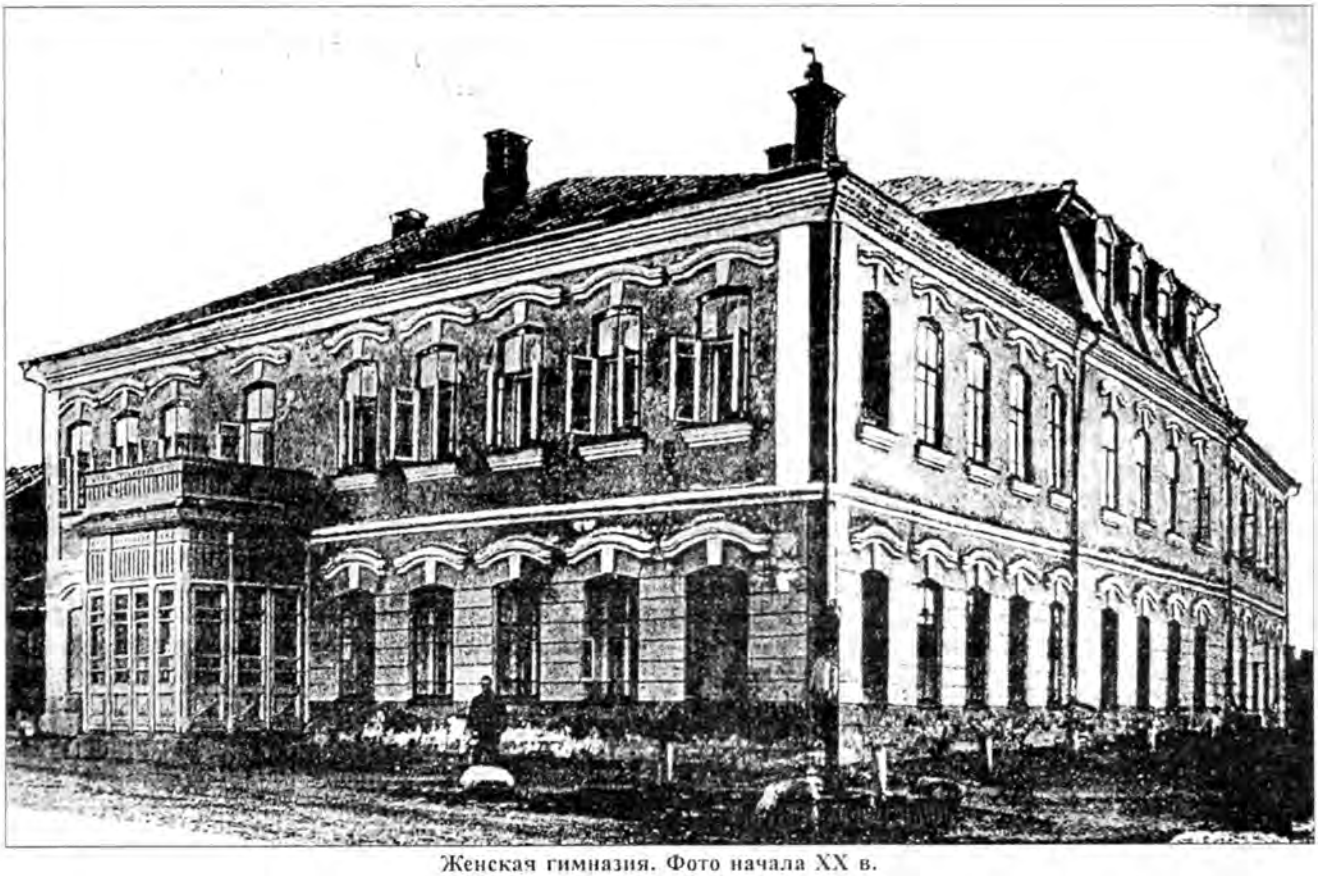
Предметы второго отделения соответствовали курсу уездных училищ, а это значит, что там изучали священную историю и катехизис, арифметику, историю, географию, чистописание и рисование. Постижение российской грамматики уже сопровождалось "упражнениями в слоге", а, помимо традиционного рукоделия, желающие могли изучать французский и немецкий языки, музыку и танцы (причем преподавание последних было запрещено девочкам духовного звания). Обучение во втором отделении продолжалось три года, и за обучение дополнительным предметам взималась плата по 50 рублей в год.

Специально для дворянских дочерей — представительниц сельского сословия — предполагалось открытие пансиона, где с них полагалось по 200 рублей за содержание (это не считая платы за обучение дополнительным предметам). Впрочем, если пансионерок набиралось более десяти, то каждая третья воспитанница могла рассчитывать на бесплатное содержание, если их благородные родители могли официально засвидетельствовать свою бедность.

Официально училище было открыто уже в ноябре 1839 года, но торжественный акт был отложен до 13 мая следующего, 1840 года. Это было связано с тем, что именно в этот день за три года до этого счастливого момента через маленькую Нерехту проехал наследник цесаревич. Именно эта дата -13 мая — и праздновалась на протяжении многих десятилетий как дата открытия Нерехтского училища для девиц, причем отсчет лет велся с 1840 года.

Между тем учебное заведение обустраивалось. В 1841 году для него за три тысячи рублей был приобретен "огромный", по определению Диева, каменный дом в 18 квартале на месте старого здания духовного училища. Для этого были использованы деньги, взятые в долг на 35 лет у П.А. Ладыженского, и те самые полторы тысячи Б.И. Дьяконова, который, кроме того, в течение предыдущих трех лет на собственные деньги снимал для заведения дом и платил за отопление и освещение. В 1844 году девочек было уже 51, причем на 32 ученицы из свободных сословий приходилось 19 из податных, а одна из них к тому же была крепостной. (8)

В течение двух десятилетий — в 1840-е, 1850-е гг. губернские ве-



Женская гимназия. Фото начала XX в.

домости регулярно публиковали подробные описания торжественных актов, которые по традиции приурочивались к 13 мая, продолжались экзаменами в начале июня и заканчивались, по традиции, концертом и танцами. И то, и другое было как бы частью экзамена, ведь игра на музыкальных инструментах, пение и танцы были хоть и необязательными, но учебными предметами. В некоторые годы к этому времени проводились лотереи детских рукоделий, причем в 1848 году средства от них были направлены на разведение сада при училище, (9) иногда празднества сопровождались иллюминацией, молебнами о здоровье царской семьи.

По окончании экзаменов и торжеств девушки разъезжались по родным усадьбам до 1 августа, когда занятия возобновлялись. Если с горожанками всех сословий было просто — они расходились по домам, то с жительницами усадеб, живших в пансионе, было сложнее: попечительный совет, уведомляя через газету об окончании занятий, специально предупреждал, что девушек необходимо забрать "или прислать лошадей с благонадежными людьми", (10) причем извещение публиковалось примерно за месяц до означенной даты.

1860-е гг. ознаменовались открытием многих женских учебных заведений в Костромской губернии. Нерехтское было преобразовано в прогимназию и утратило свой необычный статус, стало одним из многих. Сохранялась лишь память о том событии, которое стало поводом к созданию девичьего училища, — память о проезде через Нерехту Александра Николаевича, который был к тому времени уже императором Александром II — освободителем. Именно в честь него городская дума Нерехты просила назвать 15 стипендий в прогимназии — Александровскими. (11)

А в 1906 г. прогимназия была преобразована в гимназию, в 1909 г. при ней была создана образцовая школа с 4-х годичным курсом, где ученицы восьмого, педагогического класса проходили практику. (12) Начиная с 1909 года в бюджет гимназии стали включать новую статью расхода: "на командировки учителей с ученою целью за границу ... с целью изучения постановки учебно-воспитательного дела в заграничных учебных заведениях". (13)

К началу первой мировой войны нерехтская женская гимназия процветала. К восьми классам ее добавился еще один — приютский, во всех них обучалось 374 девочки. Любопытно, как сильно изменился социальный состав: дочерей дворян и чиновников было 76, почетных граждан и купцов — 13, представительниц духовного сословия было 40, то есть всего 129 девочек, при этом мещанских девиц насчитывалось 84, крестьянских — 141, то есть бывшие податные сословия вместе составили 225 учащихся этого среднего учебного заведения. (14)

Обучение в гимназии было платным, ученицы первых трех классов платили 40 рублей, четвертого и пятого — 45, шестого и седьмого — 50, восьмого — 60 рублей. Это были немалые суммы, но, во-первых, плата вносилась в два приема, по полугодиям, а, во-вторых, по-прежнему сохранялись льготы для бедных семей, большую часть которых обеспечивало нерехтское городское самоуправление.

Большую часть средств, необходимых на содержание гимназии, получали как раз из платы за обучение — 25160 руб., по три тысячи поступало в виде пособий от казны и губернского земства, уездное земство выделяло более скромную сумму в 1300 рублей и совсем немного давал город — 375 руб., но зато он безвозмездно предоставлял землю и вносил плату за бедных. Кроме того, гимназию поддерживали и проценты с частных капиталов и ценных бумаг: кроме упомянутого уже капитала им. Дьяконова, в банках хранились капиталы имени Чижовой и Уткиной. Все вместе это позволяло попечительному совету гимназии уверенно вести дела, не ощущая недостатка в средствах.

Нерехтская женская гимназия не только удовлетворяла потребности уезда в образовании девочек, но и дала приют созданной 5 сентября 1911 года мужской гимназии, позволив ей разместиться в здании своей образцовой школы до тех пор, пока для этого нового учебного заведения не было построено собственное "двухэтажное каменное, покрытое железом" здание. (15)

В 1918 году, когда проводилась реформа советской школы, гимназия по примеру прочих была преобразована в школу второй ступени, и гимназический дух постепенно выветрился из этих стен. Постепенно забылись волнения и слезы, "обнимания и целования" ее учениц, но в эту атмосферу легко погрузиться вновь, стоит только открыть дневник одной из ее выпускниц, Елизаветы Александровны Дьяконовой: "...прощаясь, мы так разрыдались, что, кажется, только каменный человек равнодушно смотрел бы на эту картину. Не такие мы девочки, чтобы не плакать о подругах, как думают учителя..." (16)

"Никогда тебя не забуду..." — рыдали юные гимназистки. Но их уж нет, и память человеческая так несовершенна...И все же стоит попытаться — вдруг где-то еще живы прежние ученицы, или в чьем-то шкафу хранятся их дневники и воспоминания... Стоит поискать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Диев М. История города Нерехты // КИ АМЗ. КОК 24761. С. 211.
2. ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 487. Л. 31-37.
3. Костромские губернские ведомости (далее — КГВ). 1858. Неоф. ч. № 25. 2. 28 июня. С. 244.
4. Диев М. Указ. соч. С. 216.
5. Там же, с. 213.
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. (Далее — ОР РНБ). Тит 399. Л. 121.
7. КГВ. 1840. Оф. ч. № 1. 6 января. С. 9-10.
8. ОР РНБ. Тит 3999. Л. 123 об; КИАМЗ. КОК 24761. С. 214.
9. КГВ. 1848. Неоф. ч. № 26. 3 июля. С. 133-134.
10. КГВ. 1854. Неоф. ч. № 18. 8 мая. С. 125.
11. КГВ. 1880. № 7. 13 февраля. С. 44.
12. ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 558. Л. 67 об.
13. ГАКО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
14. ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 487. Л. 31-37.
15. ГАКО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 19. Л. 121; Ф. 161. Оп. 1. Д. 558. Л. 77-79.
16. Дневник Елизаветы Дьяконовой. 4-е изд. М. 1912. С. 1.

СВЕДЕНИЕ,

учиненное в Нерехтском городовом магистрате о фабриках, торгах и о прочем. 1800 год

В городе Нерехте имеется одна вновь заведенная полотняная фабрика нерехтского купца Ивана Семенова сына Брюханова, коя состоит позади дому его, сию фабрику содержит один он, Брюханов. а существование имеет она год и четыре месяца, при которой к обращению назначено капитала 12000 руб. Материалы в дело производства употребляются российского произведения и состоят в пряже льняной, коя покупается здесь в городе и в окружных оного селениях, из сей пряжи по выбелении оной вырабатывается в год полотен фламских, да равендучных по 600 кусков, из числа которых обошлись первые по 22, а последние по 14 рублей, а проданы из них фламские по 18, а равендушные — по 12 рублей по 75 копеек, которым полотнам расходу здесь в городе и на ярмарках не бывает, а отвозятся они для сей продажи в Санкт-Петербург на биржу, коих в отпуску было вышеписьменное количество 900 кусков, а по продажной по цене составлено на 13050 рублей, отпуск сей происходил на собственной содержателя Брюханова счет чрез наемных им извощиков.

Ярмонок здесь в городе учреждено три, кои продолжаются не более двух дней каждая, на оные ярмонки купечество и прочего звания люди стекаются российские из городов Ярославля, Костромы, Плеса и других близлежащих, также и из окружных оных городов, селениев, а из отдаленных мест и иностранных купцов не бывает, товары же привозятся следующие, а именно: шелковые и бумажные платки, ситцы и полуситцы, китайки, кумачи, золотные и мишурные позументы, ленты льняные, пряжа, холст, набойка и крашенина, сапоги, чирыки, башмаки, чулки шерстяные и посуда деревянная. Торг сими товарами производится на наличные деньги, а не меною, количеством же товару на сих ярмонках бывает не менее как до 10000 рублей на каждой.

Жителей в здешнем городе по последней 5-й ревизии состоит вообще купцов и мещан 624 души, а в особенности купцов 2 гильдии — 6, третьей гильдии — 262, посадских 356 душ, из оных купцами к платежу процентных денег объявлено капитала 142374 рубли, торг оное купечество производит российскими товарами, кои состоят в льняной пряже, беленом холсте и шелковых и бумажных разных мелочных вещах...

В числе поселившихся здесь в городе купцов состоит приписных из российских казенного ведомства крестьян одно семейство с капиталом 2005 рублей, а прочие затем уроженцы сего города, кои все торги производят каждой отделенно, а не компаниями.

Посадские упражняются некоторые в работе, а другие в промысле калачном и в ремеслах: портном, сапожном, рукавичном, кузнечном, столярном — от чего самого и пропитанье имеют, а цехов здесь по случаю малости мастеров в каждом ремесле в учреждении не имеется.

Скотоводства в здешнем городе, ловли зверей и заводов, на кои бы употреблялись земли и прочее не имеется; так же промыслов морских и речных жители сего города не производят и иностранных контор в заведении не имеют.

Ратман Николай Пащинин.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1309. Л. 17-18. Подлинник.

"... ВОЗЛАГАЕМОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ НАС БУДЕТ ОТЯГОТИТЕЛЬНО"

Его Превосходительству
господину тайному советнику
костромскому гражданскому губернатору
командору державнаго ордена Святаго Иоанна
Иерусалимского и разных орденов кавалеру
Николаю Ивановичу*
Нерехтского уезда
экономического села Протасова
старосты Ильи Федорова
и выборного Михайла Григорьева со крестьяны
покорнейшее прошение.

С начала расписания о дорогах и мостах Нерехтским земским судом велено вотчине нашей исправлять починкою дорогу и делать на ней мосты, пролегающую от города Нерехты к губернскому городу Костроме, на четырех верстах, каковую повинность вотчина наша и доселе исправляет во всякой исправности. Нынче же земской исправник Николай Яковлевич Басов принуждает вотчину нашу еще к другой такой же повинности на дороге, пролегающей от Нерехты к Нижнему Нову городу, и возлагает исправление дороги и починку мостов вовсе по расписанию вотчине нашей не назначенное. А как вотчина села Протасова состоит из 450-ти душ, села же Юрьевскаго вотчина имеет 600 душ, но исправления дороги и починки мостов против вотчины нашей весьма в малом количестве состоит, то по числу душ уже новое на нижегородской дороге возлагаемое исправление для нас будет отяготительно и приведет до немалого убытка и разорения. На каковой конец, прибегая к покровительству Вашего Превосходительства, покорнейше просим вотчину нашу от нововозлагаемой земским исправником показанной дороги избавить и сделать милостивое защищение.

К сему прошению костромской губернии роты рядовой Лукаян Спиридонов вместо выше писанных старосты Ильи Федорова и выборнаго Михаила Григорьева за неумением грамоте по их прошению руку приложил.

Октября дня 1802 года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1949. Л. 1. Подлинник.

---

* Кочетов Николай Иванович — тайный советник, костромской губернатор в 1798-1806 гг.

"... ОНОЕ СТРОЕНИЕ ВЕЛЕНО ОПОРОЖНИТЬ"

Его Превосходительству
господину тайному советнику
костромскому гражданскому губернатору
и разных орденов кавалеру
Николаю Ивановичу Кочетову
из Нерехтской градской думы
доношение.

В городе Нерехте при церкви Владимирской Пресвятой Богородицы при ограде имелась каменная богадельня, в которой на городском содержании жительствовали неимущие престарелые женщины. Но как строение оной богадельни принадлежало к прежде бывшему тут женскому монастырю, то по требованию Нерехтского духовного правления оное строение для учреждения в нем семинарии велено опорожнить, почему для богадельни нужно построить другие покои, а для сего градская дума находит за удобность из той же церковной ограды в другом месте прикладкою каменной стены построить потребное число покоев как для оной богадельни, а при том по надобности и для городского народного училища, которое по неимению особого дома содержится на переменных квартирах. Но как к такому строению градская дума сама собою приступить не может. И для того в оной определено: к Вашему Превосходительству представить доношением и покорнейше просить, чтоб о допущении к постройке показанной Богородицкой церкви из каменной ограды прикладкою стены для богадельни и народного училища покоев дать предписание. Сентября 18-го дня 1804 года.

Городской глава Михайло Храпин.
Гласный Михайло Козелин.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2492. Л. 2. Подлинник.

"... ПОЛОЖИТЬ ДРУГУЮ СОРАЗМЕРНУЮ ЦЕНУ"

Его Превосходительству
господину действительному статскому советнику
костромскому гражданскому губернатору
и кавалеру Николаю Федоровичу*
Нерехтской городской думы
доношение.

Здешний градский староста Князев при рапорте представил в сию думу учиненной градским обществом приговор, коим оное рассуждая о застраиваемой жителями сего города и разночинцами частной и городской общественной земле, платежу за кои хотя и положена была в каждом квартале цена, но оная по нынешним переменам и возвысившимся на те земли ценам совсем уже не соответствует, что видя, жители сего города, а особливо разночинцы, льстя себя таковою низкою ценою, оную землю занимают домами, а потом чрез несколько продают те дома и землю и берут за них несравненные цены, утверждая те земли в крепости. А потому и постановило: вышеписанным землям, кто что застроил и платежа еще не учинил или впредь застраивать будет, в каждом квартале положить другую, соразмерную цену. Вследствие чего в сей думе определено: Вашему Превосходительству представить доношением и покорнейше просить, дабы благоволили о учинении ко взятью за застроенную и платежа еще не сделанную и впредь застраивать имевшуюся частную и городскую общественную землю против прежней другой, соразмерной нынешним обстоятельствам цены, положения кому надлежит дать свое повеление.

Градской глава Федор Брюханов.
Гласный Дмитрий Плотников.
Генваря 7-го дня 1808-го года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 3334. Л. 3. Подлинник.

* Пасынков Николай Федорович — действительный статский советник, костромской губернатор в 1807-1815 гг.

"... ДОСЕЛЕ ЕЩЕ НЕИСПРАВЕН ПРОЧНЫМ ОБРАЗОМ"

Его Превосходительству
господину гражданскому губернатору
разных орденов кавалеру Николаю Федоровичу
от нерехтского городничего Коптева
рапорт.

Состоящий здесь в городе через реку Нерехту большой деревянный на связях мост от давнего его построения пришел до такой ветхости, что от переходящего по нем пешком одного человека трясется. И хотя со времени вступления моего в должность нерехтского городничего здешнего градскою думою был поправляем, но за всем тем, если оной не будет переделан вновь до самого его основания, то грозит скорым своим разрушением. По нахождению ж его на большей дороге и среди города всегда множество народу разного звания чрез него проезд имеют, то чтоб не могло последовать от сего несчастного последствия, осмеливаюсь обстоятельство сие передать на начальственное Вашего Превосходительства благорассмотрение всепокорнейше. /.../ Нерехтской градской думе свое распоряжение и о последующем снабдить меня в разрешение уведомлением.*

Городничий и кавалер Коптев.
Апреля 27 дня 1812 года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 4699. Подлинник.

* Текст частично утрачен.

Нерехтской градской думе

предложение.

В донесении нерехт(ского) городничего усматриваю, что чрез реку Нерехту в городе большой мост доселе еще неисправен прочным образом и что будущею весною при разлитии воды совершенная может настать с проездом чрез мост опасность, подтверждаю градской думе означенный мост привесть в такое состояние, дабы проезд чрез него был безопасен. В противном случае останется всякое в том упущение на строгой ответственности сей думы.

/Губернатор Пасынков/

Ноября 16 дня 1812 года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 4699. Л. 14. Черновик.

"... БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРИСТУПИТЬ НЕ ОСМЕЛИВАЮСЬ..."

Его Превосходительству
господину начальнику Костромской губернии
и кавалеру нерехтского 3 гильдии купецкого брата
Андрея Федорова Сыромятникова

покорнейшее прошение.

Пользуясь дарованными правами, начертанными в законе, намерен я учредить в городе Нерехте на купленной мною у г. Соболева с строением земле, лежащей к общественной выгонной земле, для выделки полотняных, шерстяных и бумажных изделий фабричное заведение, к учреждению коего без разрешения правительства приступить не осмеливаюсь, прибегаю к Вашему Превосходительству с сим покорнейшим прошением о дозволении мне учредить сказанное заведение не оставить Вашим начальственным разрешением.

Июля дня 1847 года.

К сему прошению нерехтский третьей гильдии купецкий брат Андрей Федоров Сыромятников руку приложил.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 10. Д. 2561. Л. 1. Подлинник.

"... В ЛУЧШЕМ ПРОТИВ ПРЕЖНЕГО СОСТОЯНИИ"

Свидетельство.

Вследствие прошения придворных фабрикантов полотняных изделий нерехтских 2 гильдии купцов Андрея Сыромятникова и Бориса Дьяконова дано сие свидетельство в том, что принадлежащая им в г. Нерехте полотняная фабрика находится в полном в настоящее время действии в благонадежном и даже в лучшем против прежнего состоянии значительным увеличением многих машин и аппаратов и, кроме того, устроена при фабрике льнопрядильня на две тысячи шпинделей со всеми принадлежностями. В чем и удостоверяю моим подписом с приложением печати.

Костромской гражданский губернатор
Романус.*

г. Кострома, ноября 1858 г.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 15. Д. 1957. Л. 7. Черновик.

* Романус Иван Васильевич — генерал-лейтенант, Костромской губернатор в 1857-1861 гг.

"... УСПЕХИ, ДОСТИГНУТЫЕ В ШКОЛЬНОМ ДЕЛЕ"

Его Высокоблагородию К.А. Бошняку,
земскому начальнику
5 уч. Нерехтского уезда.

Милостивый государь
Константин Александрович.

При рассмотрении данных о ходе народного образования в губернии я не мог не обратить внимание на успехи, достигнутые в школьном деле в Березниковской волости Нерехтского уезда, благодаря сочувственному отношению и материальным жертвам со стороны крестьянских обществ.

Считая необходимым отметить этот в высшей степени отрадный показатель вполне сознательного отношения крестьянского населения к делу народного образования, я прошу Вас, Милостивый государь, при посещении Березниковской волости выразить мое глубокое сочувствие такому начинанию сельских обществ этой волости и искреннюю благодарность волостному старшине Андрею Власову, по свидетельству Вашему, много содействовавшему делу постройки училищ.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности.

Ваш покорный слуга Л. Князев.*

Января 2 дня 1904 г.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13724. Л. 1. Подлинник.

* Князев Леонид Михайлович — действительный статский советник, Костромской губернатор в 1902-1905 гг.

Подготовила Галина ДАВЫДОВА.

Обычаи и обряды

ЗИМОЙ НА ВЕЧЁРКАХ

В старый Новый год ходили мы свинки собирать. Заходили в каждый дом и говорили: "Здравствуйте, здравствуйте, дайте свинку-боровка для Васильева вечерка". Кто даст пряженцов, кто витушек с вареньем, кашей или картошкой, а кто и орехов даст да и денег. Чтобы смешнее было, рядились кто во что горазд. Ходили и гадать. А гадали так: земли клали на чайное блюдечко, ставили стакан воды и зеркало и в него глядели, что покажется на дне в стакане воды. Ходили еще в омет и зубами таскали соломины. Если одну вытянешь, то замуж нынче не пойдешь, а две — так и выйдешь. Или еще охапку дров прихватишь. Бросишь ее на пол и считаешь, если попарно, то замуж в этом году тебе идти.

Еще в дома стучали. Если женщина ответит, то плохо, а если мужчина — значит замуж пойдешь. Зимой на вечёрках и в хороводе пели:

Я посею-сею молоденька
Цветиков, ох, маленько.
Я на те, на те цветы взирала,
Сердце обмирало.
Помирай-мирай мое сердечко
По мило-милоем дружечке.
Слышу, вижу, сам я догадался,
Что любишь иную.
Люби, люби, моя черноброва,
Люби, кого хочешь.

В Троицу рядили березку, ходили завивать венки и пели песни: "Я по бережку похаживала", "Как по морю, морю синему"...

Плясали кадрили и чечетки — по одной и по двое.

Я КАЧУ, МЕЧУ ЗОЛОТЫМ КОЛЬЦОМ

Я качу, мечу золотым кольцом.
Ой, золотым, литым, бриллиантовым.
С этим кольчиком уж я в сад пойду,
За собой проведу я красную девицу.
За собой проведу красную девицу,
Я поставлю ее среди горницы.
Я поставлю ее среди горницы,
Среди горницы, среди новые.
Подойду я к ней, я близехонько,
Поклонюся ей да я низехонько.
С этим кольчиком разменяюся,
С тобой, милая, да распрощаюся.

Я ПО ЖЕРДОЧКЕ ШЛА

Я по жердочке шла, я по тоненькой.
Я по тоненькой, по еловенькой.
Что тонка жердка гнется, да не ломится.
Хорошо с милым водиться, да не скушнится.
Хоть соскушнимся, да разгуляемся,
Пускай люди меня судят, я на свете никого,
Я на свете, на примете, влюбилася в одного.
Влюбилася, верилася, я страдаю за него.
Я страдаю да не знаю, за что меня забыл
Он забыть-то не забыл, знать, другую полюбил.
А другая любезная, чем же лучше меня?
Чем же лучше, чем же краше, чем приветливее?
Разве тем только получше — побелее на лицо.
Побелее, посмелее, порассудливее.

Зап. Г. Морозовой, М. Моховой у Марии Павловны Новожиловой, 1906 г.р., в с. Федоровском.

ВО ЧТО ОБРЯЖАЛИСЬ

В Святки мы рядились кто во что: в старинные полушубки, вывернув их наизнанку, надевали девки брюки, что чуднее — в то и рядились. Праздничная одежда обычно — это вышитая кофта с набранными по плечам рукавами, а снизу кофта носилась навыпуск, типа "казачка". Обувь — ботинки из кожи с резинками, очень удобные и аккуратные, на каблучке. Резинки были по бокам для растяжки, сзади на ботинках — петельки, за эти петельки их связывали и носили через плечо, чтобы не снашивать, обувь очень берегли.

В последнее воскресенье перед Масленицей мясным заготовлялись, а в понедельник уже ехали по рыбу. И такой закон был: дети стоят в прогоне вдоль улицы и кричат: "Отдай нашу масленицу". И кто орехов им бросит, кто — конфет, они и налетают, как воробьи.

В чистый понедельник был обычай дом убирать: примывались, ходили в баню и спали на печи.

Зап. Е. Горшковой у М.Г. Гоголиной, 1931 г.р., в с. Протасово.

ИГРЫ НАШИХ БАБУШЕК

В семье нашей было девять детей, и жили мы бедно. В доме стоял ткацкий станок, на котором бабушка ткала из льна ткань для одежды, домотканые половики. В углу стояла прялка для прядения нитей из шерсти и коклюшки для изготовления кружев. И все это мастерство нам передавала бабушка, потому что родители были очень занятые люди. Они с раннего утра и до поздней ночи трудились, ходили молотить ригу — так назывался готовый лен. Трепали и чесали, а с первыми петухами уходили на работу в поле. С нами оставалась старая бабушка, она и передавала нам свое мастерство.

Ходили мы, девочки, в платьях из льняной ткани, сшитых также бабушкой, а мальчики ходили в льняных рубашках и сатиновых штанах, сатин выменивали на базаре за чесаный и обработанный лен.

А в свободное время, хотя его было очень мало, дети играли.

Игра в "КОСТИ" — Из бараньих ног делали студень, а косточки из коленей и лодыжек выбирали для игры. Их промывали, сушили, шлифовали и красили. Играли обычно на столе: кто дальше щелкнет.

Игра в "ПОПА-БОЛВАНА" — Играли на улице. Собиралось много детишек, все делились на четыре группы и выбирали одного водящего.

Была такая считалка:

"Приходи скорей, Балда,
Приноси с собой, Балда,
Сорок новеньких ботинок,
Два раза по восемь кринок,
Две копейки с половиной.
Выходи, Балда,
с дубиной".

На ком заканчивался счет, тот был водящим.

Так выбирали водящего — "Попа" и его замену — "Болвана"

На счет "Раз, два, три" группы разбегались в разные стороны, а "Поп" должен был кого-то догнать. Если он догонял, то кидал палку как можно дальше, а "Болван" должен был ее поймать. Если он не сумел поймать палку, то сам становился "Попом", т.е. водящим. И все повторялось снова.

В большие праздники игры были спокойнее, потому что одеты были по-праздничному. На нас были платья из льна, но празднично вышитые, и домой мы должны были появиться чистыми, поэтому и играли вот в такие игры.

Игра "ПОЯВИСЬ, КОЛЕЧКО, ВЫЙДИ НА КРЫЛЕЧКО"

Все играющие усаживались на завалинку. Такой же считалкой, как предыдущая, выбирали водящего. Он начинал игру.

Все вытягивали руки перед собой, а водящий тихонько, чтобы не узнал никто, у кого заветное колечко, передавал кому-нибудь из нас в ладошки булавку, камешек или просто бумажку. Причем делал он это незаметно, а тот, кому отдали "колечко", не должен был подавать виду, что "колечко" у него. И как только водящий говорил громко: "Колечко, колечко, выйди на крылечко!" — человек, у которого было "колечко", должен был выбежать из круга, а остальные должны были его задержать. Если прозевали, то водит тот, кто выбежал, если его задержали, то водит старый водящий.

Игра "ИСПОРЧЕННОЕ СЛОВО"

Все садились на скамейку или на завалинку, и водящий, избранный после считалки, загадывал первому сидящему одно слово. Слово проходило по всей цепочке, изменялось, так как передавалось оно другому тихо, очень быстро и дважды не повторялось.

Записано у Приваловой Клавдии Ивановны, 1907 года рождения, д. Кокошкино.

"ГОРЕЛКИ"

В эту игру играли и взрослые, и дети, число участников было не ограничено. Играли в "горелки" летом, выбирали место для игры за деревней (на гумне, где было больше места, или в широком заулке).

Избирали одного "горелого", остальные делились парами и вставали в одну линию друг за другом. "Горелый" стоял впереди всех пар шагов на пятнадцать. Задняя пара бежала впереди, один игрок — в одну сторону, а другой — в другую. Если "горелый" ловил одного из бегущих, то вместе с ним становился впереди всех пар, а тот, кого не поймали, становился "горелым", и игра про-

должалась дальше. Снова задняя пара бежит, а "горелый" догоняет одного из них. Играли в эту игру до тех пор, пока не надоест.

В ходе игры, когда "горелый" ловил одного из участников, все, стоящие парами, кричали: "Гори, гори ясно, чтобы не погасло!"

Записано Е.Н. Горшковой в 1994 году у Нины Васильевны Кишаловой, 1932 года рождения, в с. Сараево.

"КОЛЕЧКО"

Число участников не ограничено. Играли в эту игру дети до 10-12 лет. Ведущим был желающий. Все садились на скамейку или завалинку. Вместо колечка использовалась пуговка. Играющие держали руки петушком на коленках. Ведущий подходил к каждому, касался ладоней участников и кому-то одному клал пуговку. Затем он говорил: "Колечко, колечко, выйди на крылечко".

В это время каждый участник игры старался удержать соседа, так как не знал, у кого "колечко". Если игрок с "колечком" вырвался от соседа, то он становился ведущим.

Играли в "колечко" весной и летом.

Записано Л.В. Тихомировой у Валентины Борисовны Канецкой, 1951 года рождения, пос. Рудино.

"БЛИНЫ ПЕКЧИ НА МОСТУ"

В эту игру играли взрослые парни и девицы на вечеринках. Число участников было не ограничено, играли в основном зимой.

Начиналась игра так: кто-то из собравшихся говорил: "Давайте блины пекчи..."

Две девицы выходили на мост (сени) и общались: одна спрашивала у другой, кого ей вызвать на мост из парней. Та называла имя приглянувшегося ей. Тогда подружка шла вызывать. Парень выходил на мост и разговаривал с девушкой. Иногда парень назначал свидание или, наоборот, девушка парню. Затем после общения парень оставался на мосту, сказав, кого ему вызвать. Некоторые пары не возвращались с моста, а уходили гулять по деревне.

Такая игра продолжалась до тех пор, пока не надоедала.

Записано Л.В. Тихомировой у Тамары Федоровны Калиновой, 1939 года рождения, с. Сараево.

"ЧУРЬ, НЕ МНЕ"

В эту игру играли летом и ближе к вечеру. Число участников правилами игры было не ограничено, возраст участников не имел значения, так как играли все вместе: и взрослые, и дети. Для игры выбирали место просторное, за деревней.

Перед ее началом шла считалка, по которой определялся "вода".

Все участники вставали в круг, и один считал считалку:

"Шадро, бадро, подай ведро.

— Куда ведро?

— Коров доить.

— Тебе водить".

Считали до тех пор, пока не останется один участник, то есть "вода". "Вода" ловил участников игры, и, после того как поймает кого-нибудь, тот становился водящим, то есть "водой". И теперь уж он догоняет кого-то из участников игры, и т.д.

Иногда в эту игру вносили новый элемент — правило гласило: если участник встанет на палку или что-то деревянное или залезет на дерево и скажет:

"Чур не мне, на дереве" — то его ловить нельзя.

Записано Л.В. Тихомировой в 1994 году у Тамары Федоровны Калиновой, 1939 года рождения, с. Сараево Нерехтского р-на.

"ЧИЖИК"

Кто-нибудь из ребят изготавливал "чижик" из кривенькой палочки. Все участники игры находят по большой палке, затем делается на земле круг. "Чижик" становится на середину круга. Потом по очереди все начинают стукать своею палкой о кончик "чижика", в результате "чижик" отлетает из круга, и тот, кто водит, должен его отбить в круг обратно. Для этой игры место находили где-нибудь за деревней.

Записано Л.А. Ивковой у Анны Поликарповны Реваковой, 1910 года рождения, д. Александровка.

"КОСОЙ ЗАЯЦ"

Играли в эту игру на посиделках, на вечеринках.

Водящими были по желанию. Парень с девушкой садились на скамейку (садились один в начале, другая в конце скамейки спинами друг к другу). На слова водящего "Раз, два, три" они поворачивали головы (когда водящий говорил, то одновременно и хлопал три раза).

Если молодые поворачивали головы в одну сторону, то целовались, а если в разные стороны, то объявлялись "косыми". Играла каждая пара до трех раз (то есть парень с девушкой три раза поворачивались).

Затем садилась следующая пара, игра продолжалась до тех пор, пока все не перецелуются. Парень садился на скамейку и называл имя девушки и наоборот.

Иногда водящий перед началом игры раздавал номерки, которые были приготовлены заранее. Парням давали четные номера, а девушкам — нечетные. Водящий называл номер, и человек с этим номером садился на скамейку и называл следующий номер. Девушка называла четные номера, а парень — нечетные. Водящий хлопал ремнем по середине скамейки один раз. Если участники поворачивались в одну сторону, то эта пара выходила на улицу, может, просто беседовали, а может, даже и целовались.

Если участники поворачивались в разные стороны, то тот, кто называл, уходил, а второй — оставался на скамейке. Теперь он называл следующий номер, и игра продолжалась сначала.

Записано Е.Н. Горшковой у Тамары Федоровны Калиновой, 1939 года рождения, с. Сараево.

НЕРЕХТСКАЯ КУХНЯ

Старожилы вспоминают, что в старые времена, как только подъезжали к Егорьевой горе, так и пленял всех запах сдобных нерехтских хлебов... Издавна нерехский край славился богатым хлебосольем. Как приятно и сейчас, открыв дверь избы, ощутить запах свежих пирогов, услышать мелодичный шум кипящего самовара. В домах, где были традиционны семейные трапезы, меньше ссор, больше уважения друг к другу. Но, увы, уходят в мир иной наши бабушки, унося с собой свое кулинарное искусство. Исчезают даже названия печева: и сгибень, и кокура, и суворовский калач, который понравился Суворову, когда тот посетил Нерехтский уезд. Да понравился так, что потом Суворов даже нарочных присылал в Нерехту за калачами к праздничному столу...

И вы, наши читатели, сегодня попробуйте сотворить дома какое-нибудь праздничное блюдо по старинным рецептам. Вкусно, полезно и красиво.

КАРАВАЙ РЖАНОЙ ПОВСЕДНЕВНЫЙ

Сделать закваску: пять вареных картофелин растолочь и развести стаканом кипяченой воды, добавить 50 г. дрожжей и 100 г. муки, 2 столовые ложки песку. Поставить на ночь в теплое место. Утром замесить ржаной мукой пополам с пшеничной, разложить на сковородки и выпекать.

ЗАВАРНОЙ ХЛЕБ

Делается заводка из 500 г. воды, 20 г. дрожжей, 200 г. муки, добавляются соль, песок, и все ставится на ночь в теплое место. Утром затворить ржаной мукой, предварительно посолодив под крышкой в горячей печи. Разложить в плошки и дать взойти. Выпекать не в сильно горячей печи.

ПРАЗДНИЧНЫЙ КАЛАЧ

Приготовить закваску: 6 вареных картофелин растолочь и залить стаканом молока, положить 30 г. дрожжей и 200 г. белой муки и оставить на ночь в печи или теплой духовке. Утром подмесить до жидкого состояния и оставить на 2 часа в теплое место, а через 2 часа замесить до готовности, затем поставить еще на 1 час в теплое место, а потом раскатать на опекуши. Это толстые лепешки толщиной в 5 см, один край надрезать, завернуть, сделать полумесяцем, разложить на противни, дать подняться, только потом выпекать. Обычно такие калачи разной формы пеклись в святочную неделю.

Записано у Тамоновой Юлии Васильевны, 1904 г. р., д. Иголкино. Записала Т.К. Макарова, директор иголкинского СДК.

КОЛОБКИ В ГОРШКЕ

Мука — 1,5 кг (6 стаканов).
Молоко — 0,5 л.
Масло сливочное — 200 г.
Яйца — 4 шт.
Сахарный песок — 100 г.
Соль — 1 ст. ложка.
Дрожжей — половина палочки.

В подогретом молоке распустить дрожжи, растворить сахар и соль, яйца взбить и тщательно перемешать, поставить в теплое место, чтобы тесто подошло. Готовую опару хорошо вымесить в муке, затем дать тесту отдохнуть, разделить на равные части, накатать колобков. Каждый колобок смазать растительным маслом и уложить в глиняные горшки, стенки которого смазать жиром или маслом. Поставить выпекать в натопленную печь. Готовность проверять тонкой лучиной, проколов колобки в нескольких местах. Если лучина останется сухой, то колобки готовы. Дать им немножко поостыть и вынимать из горшка по одному, на стол подавать к чаю или к молоку.

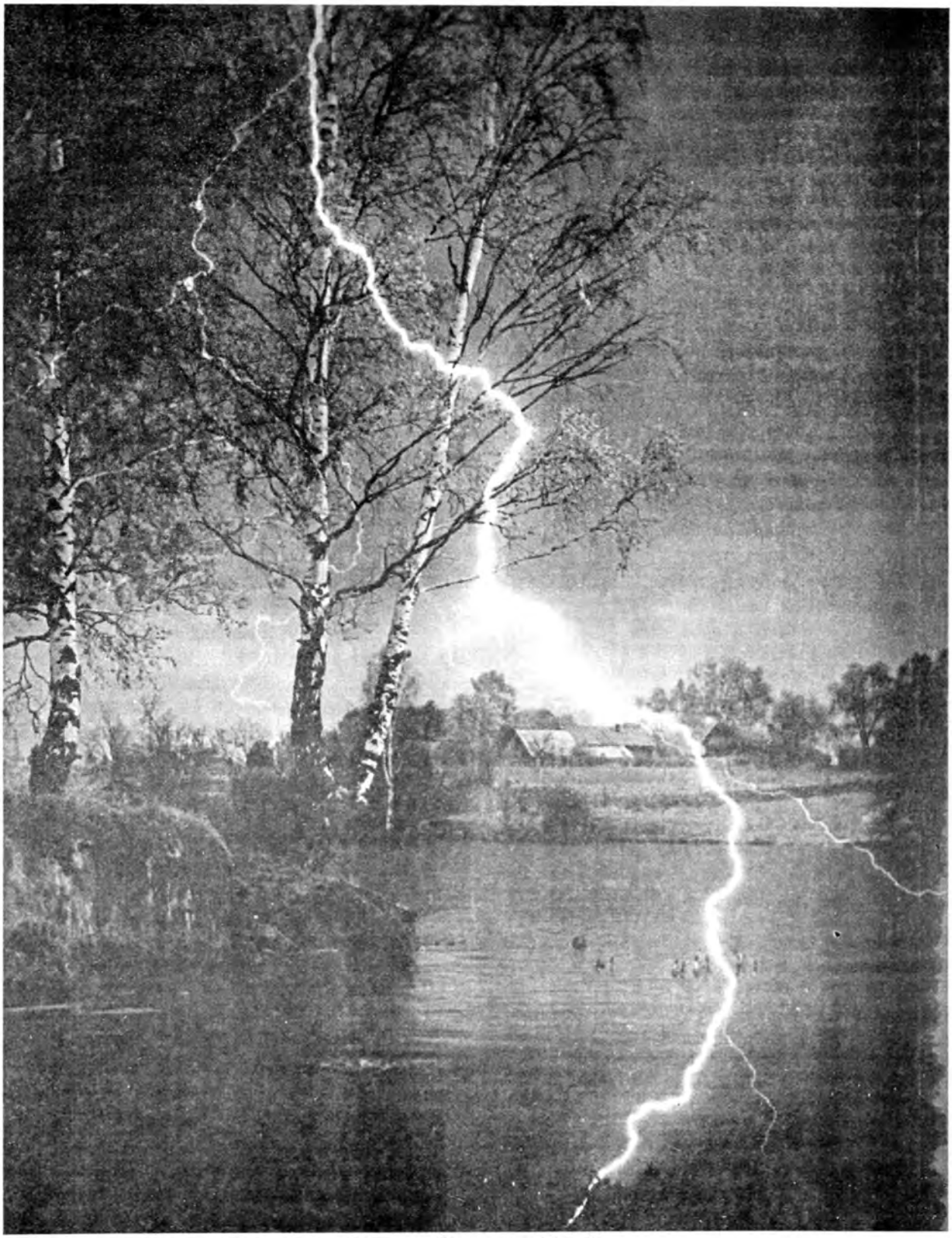
Записано у Серовой Галины Алексеевны, 1918 г.р. Зап. Е.Н. Горшкова, методист.

ХЛЕБ БЕЛЫЙ ДОМАШНИЙ

Молоко — 2 л.
Дрожжи — 70 г.
Соль — 100 г.
Сахарный песок — 150 г.
Яйца — 3 шт.
Мука — 3 кг (лучше высший сорт).

Тесто замесить, дать подойти в течение 2-х часов. Разложить его в формы, смазанные растительным маслом. Выпекать в печи 20-30 мин.

Записано у Беловой Елизаветы Николаевны, 1928 г.р., д. Клементьево. Зап. Л.А. Ивкова.

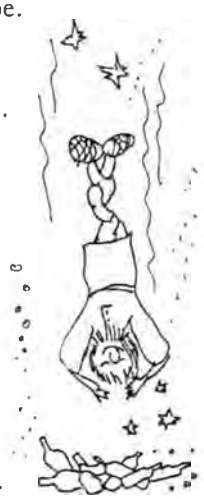


Владимир Осипенко. "Гроза".

Песни

КАК ПО РЕЧЕНЬКЕ ЯР-ХМЕЛЬ

Как по реченьке яр-хмель
вкруг кусточка вьется.
Перевейся-ко, яр-хмель,
на мою сторонку.
На моей-то на сторонке
приволье большое.
Что привольице
большое —
зеленой садочек.
Пойду в садик
разгуляться,
нащиплю я хмелю.
Что я хмелю ярового,
наварю я пива,
Что я пивушка хмельного,
приведу я гостя.
Что я гостя дорогого,
батюшку родного.
Мой-от батюшка пьет, пьет,
пьет, да не напьется.
Что он пьяный не напьется,
домой соберется.



ДОРОГАЯ В ДОМЕ ГОСТЕНЬКА

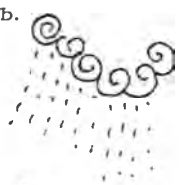
Дорогая в доме гостенька
да
За столом сидит на лавочке.
За столом сидит на лавочке
да
На глубокой на скамеечке.
На глубокой на скамеечке
да
Она плачет, как река течет.
Она плачет, как река течет,
да
Унимает ее батюшка.
Унимает ее батюшка,
да.

ТЫ ПРОЩАЙ, ПРОЩАЙ ПОДРУЖЕНЬКА

Ты прощай, прощай подруженька,
да
Ты прощай наша голубушка.
Ты прощай наша голубушка,
да
Мы не будем больше плакости.
Мы не будем больше плакости,
да
Мы не будем больше троп тропить.
Мы не будем больше троп тропить,
да
Зарастут наши тропиночки.
Зарастут наши тропиночки
да
Частым ельничком, березничком.

ВО СУББОТУ ДЕНЬ НЕНАСТНЫЙ

Во субботу день ненастный — нельзя в поле,
нельзя в поле работать.
Нельзя в полюшке работать:
ни боронить,
ни боронить, ни пахать.
Только можно и возможно
во зеленый,
во зеленый сад гулять.
Во зеленом во садочке
соловей громко поет.
Он поет и распевает
все на разные голоса.
Прощайте, девки,
прощайте, бабы, уезжа,
уезжаю я от вас.
На ту дальнюю сторонку,
на злосчастный на Кавказ.
На злосчастном на Кавказе
есть девчонка хороша.
Есть девчонка хороша,
возьму замуж за себя.



Я ПО ЖЕРДОЧКЕ ШЛА

Я по жердочке шла, эх, я по тоненькой,
я по тоненькой, по славненькой,
Я по тоненькой да по славненькой,
что тонкая жердка гнется, да не ломается.
Что тонкая жердка гнется, да не ломается,
Хорошо с милым возится, да не скушнится.
Хорошо с милым возится, да не скушнится,
А со скушнимя да разгуляемся.

Колыбельные

* * *

Пора спать,
Идет котик колыхать,
Будет песенки нам петь,
Шубкой тепленькою греть,
Люли, глазки затвори,

Котик, сказки говори.
У соседнего двора
Коза старая жила.
Выдавала замуж дочь,
Пировали целу ночь.

Люли, люли, спать. Сюда
Едут гости со двора.

* * *

На поповом-то лугу
Стоит кринка творогу.
Прилетели две тетери,
Наклевались, улетели.
Ой, люли, люли, люли,
Прилетели к нам гули,
Гули сели на конек,
Засветили огонек,
Они сели на другой,
Засветили голубой.
Сели гули на кровать,
Стали гули ворковать.
Ой, люли, люли, люли,
Прилетели к нам гули,
Сели гули на кровать,
Стали гули ворковать.
Ты пойди, пойди сюда,
Маленькая крошка,
Упадешь — так не беда:
Поболит немножко
И научится тогда
бегать твоя ножка.

* * *

Люли, люли, все уснули,
Только Мишенька не спит,
Только Мишенька не спит,
все в окошечко глядит.

Тру-ту-ту-ту-ту-ту-ту,
Сидит Миша на плоту,
Барабаном шибко бьет,
громко песенки поет.

Вы, любезные мои,
Кто сумеет — попляши.
— Я бы первая сплясала, —
Утка серая сказала.

И пошла, и пошла,
Закружилась голова.
Кто налево, кто направо,
Закричали все: "Ура!"

Бай, бай, бай, бай,
Поскорее засыпай.
Поскорее засыпай,
Свои глазки закрывай.

* * *

Байки, побайки,
Пойдем на бабайки,
Пойдем на бабаюшки,
Купим караваюшки,
Бай, бай, бай, бай,
Поскорее засыпай.
Поскорее засыпай,
Свои глазки закрывай.
Бай, бай, бай, бай,
Свои глазки закрывай.
Бай, бай, бай, бай,
Свои глазки закрывай.
А как чай пить будем,
Мы тебя разбудим.
Скажем: "Ванечка, вставай,
Свои глазки открывай.
Ты возьми корзинки две,
Набери малины мне".

Зап. у Нины Павловны Лентиковой 1952 г.р., д. Берендеево.

1936 г. Открыт шорно-фурнитурный завод (ныне механический). В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. выпускал военную продукцию. На предприятиях города число стахановцев достигло 400 чел., среди которых три комсомолки.

1939 г. Открыт детский сад "Тополек" на 100 мест для детей рабочих льнокомбината "Красная текстильщица".

1941 г. Ушло на фронт в годы ВОВ 13,5 тыс. чел. (нерехтчан), погибло 6950.

С 1941 г. создаются детские дома в районе для детей, эвакуированных из Ленинграда. Всего было 9 детдомов на 1500 детей — ленинградцев.

1950 г. Открыта детская библиотека, которой в 1963 г. присвоено имя писателя А. Гайдара.

1956 г. Начал работу овощесушильный комбинат.

1956 г. 25 мая по Нерехте пошли первые два автобуса.

1957 г. Открыта музыкальная школа, в которой обучается 300 чел. ежегодно. Из числа бывших учащихся в ней преподает 22 педагога. С 1965 г. ее возглавляет А.В. Громов.

1959 г. В Нерехте открыта школа-интернат; пущен в эксплуатацию молочный завод.

1960 г. Открыт городской парк им. В.И. Ленина. Посадка парка начата в 50-е годы.

1961 г. Пущена Нерехтская птицефабрика.

1962 г. Построено здание кинотеатра "Россия". Начал работать Нерехтский кирпичный завод.

1963 г. Построено здание для библиотеки, которой в 1999 г. присвоено имя М.Я. Диева.

1964 г. Открыто Нерехтское медицинское училище. Открыта средняя школа № 3 на 800 мест. Открыты дет. ясли "Светлячок" на 105 мест.

К 750-летию Нерехты написана "Песня о Нерехте" (муз. А. Громова, сл. Н. Колотилова).

1965 г. Открыт детсад "Дружба" на 140 мест.

1967 г. Природный газ пришел в город.

1972 г. Начал выпускать продукцию Нерехтский рыбхоз "Солоница". Открыты дет. ясли "Солнышко" на 140 мест и детсад "Ласточка" на 260 мест.

1973 г. Открыта детская художественная школа.

1974 г. Пущена Нерехтская свинофабрика.

1975 г. Открыт Нерехтский краеведческий музей.

1981 г. Построена средняя школа № 2 на 1176 мест.

1982 г. Открыт детсад "Улыбка" на 340 мест с бассейном.

1983 г. Открыт Дворец культуры "Юбилейный".

1985 г. Создан образцовый коллектив — фольклорный ансамбль песни "Росинка"; руководитель — заслуженный работник культуры М.З. Кононова.

1989 г. Издана первая книга "Нерехта", авторы И. Большаков, Е. Михеев, В. Бадин.

1990 г. Открыт Центр детского и юношеского туризма (Караван).

1992 г. Открыт д/сад "Росинка" на 320 мест.

1995 г. Открыт Дом творчества и ремесел "Светлица" при городском отделе культуры.

1996 г. Открыт и освящен детский дом "Ковалево".

1999 г., декабрь. Создано муниципальное образование г. Нерехты и Нерехтского района (объединили город и район).

Материал подготовлен сотрудниками Нерехтского краеведческого музея.

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ
2(39) 2000
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Любезные читатели!

А не желаете ли вы совершить путешествие в древний Галич? Еще раз прикоснуться сердцем к его истории и культуре — от времен Галичского удельного княжества до наших дней. Галич причастен к исторической судьбе нашей страны на разных ее этапах (отражение монголо-татарского нашествия, спор с Москвой за право быть центром Руси, Смутное время, становление русского государства, крестьянские восстания, Отечественная война 1812 года...) С этим городом связаны многие легенды и предания, имена князя Дмитрия Шемяки (шемякин суд и Шемякин клад), царя-самозванца Лжедмитрия (Григория Отрепьева), калмыцкого царевича Облая. Долгие годы Галич был духовным центром, здесь оставили память о себе костромские святые прп. Авраамий, Иаков Галичский, Павел Обнорский, Паисий Галичский, отсюда был родом митрополит всея Руси Филипп. Когда-то в городе звонили колокола десяти храмов, знамениты были крестные ходы из Костромы в Галич (время перенесения Феодоровской иконы Божией Матери утверждалось св. Синодом).

А как широко были известны в Костромской губернии и России галичские промыслы — кожевенный, рыбный, кирпичный. В Галичском уезде родились и жили многие известные деятели русской культуры: автор первой в России комической оперы Александр Аблесимов, писатель и редактор журнала "Отечественные записки" Павел Свиньин, собиратель народного творчества Федор Лаговский... Добрая литературная традиция в Галиче продолжается, далеко за пределами района и области известны имена поэтов Сергея Потехина и Виктора Лапшина. Словами из стихотворения последнего мы и закончим: "Тобою, Галич, мы славны, тобою, родина, мы живы!"

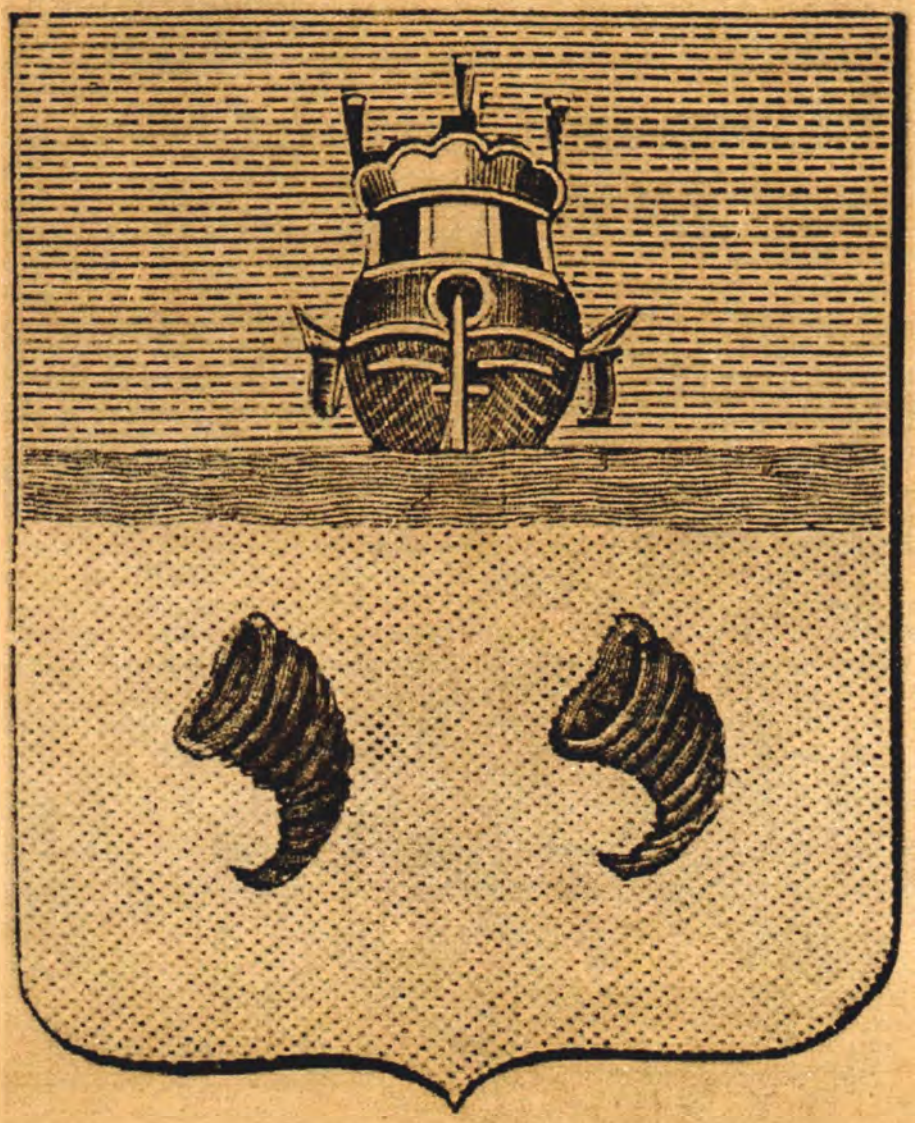
Редактор Николай Муренин
Заместитель редактора Татьяна Гончарова
Художник Юрий Бекишев
Фото Георгия Белякова,
из фондов Нерехтского краеведческого музея, частных коллекций
Компьютерный набор — Екатерина Соколова
Корректура — Татьяна Бекишева
Подготовка оригинал-макета — Дмитрий Кротков

Адрес редакции: 156000, г. Кострома, пр. Мира, 7, тел. 51-67-38.
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 10.12.99 г. Подписано к печати 01.02.2000 г. Заказ № 763.
Печать офсетная. Объем 10 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала "Губернский дом",
отпечатано в областной типографии им. М. Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г. Кострома, ул. Щербины, 2.

Высочайше утвержденъ:
29-го Марта 1779 года.
Костромского Намѣстничества.



Нерехта.